Аджимушкай

Николай Иванович
Колибуков

SHOUT
SHARE
IT

- Колибуков Николай Иванович

Колибуков Николай Иванович Аджимушкай

Николай Иванович Колибуков

Аджимушкай

ТРУДЯЩИМСЯ ГОРОДА-ГЕРОЯ КЕРЧИ

И ВОИНАМ-УЧАСТНИКАМ

ГЕРОИЧЕСКИХ СРАЖЕНИЙ НА КЕРЧЕНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Сердечно поздравляю вас с присвоением городу Керчи высокого и почетного звания "Город-герой", награждением орденом Ленина и медалью "Золотая Звезда"!

Величайший героизм и самоотверженность, проявленные Вами в борьбе с фашистскими захватчиками, получили достойную оценку. В этой награде благодарность Родины, партии, правительства и всего советского народа героическим воинам, непосредственным участникам сражений на Крымском полуострове, мужественному подвигу советских, патриотов в Аджимушкайских каменоломнях, веем трудящимся города, проявившим огромную выдержку и стойкость, отдавшим все силы во имя нашей победы.

Желаю Вам, дорогие товарищи, доброго здоровья, личного счастья и успехов в труде на благо нашего социалистического Отечества!

Слава городу-герою Керчи!

Вечная слава героическим защитникам свободы и независимости нашей великой Родины!

Л. БРЕЖНЕВ

x x x

ПИСЬМО МАТЕРИ

В комнате сижу один. Мать ушла на колхозный огород. Скоро вернется. Придет, как всегда, сядет у стола и будет молча перебирать бахрому шали: в это время она думает об отце. Зашумлю - обижается: посмотрит на меня большими темными глазами и упрекнет:

- Быстро ты забываешь отца...

Мне становится обидно: я любил отца и никогда не забуду его. Он испытывал на себе какое-то изобретенное им лекарство, чуть изменил дозировку - и организм не выдержал... Его уважали в станице, но похороны прошли как-то незаметно. Людям было не до врача - в тот день радио сообщило о нападении фашистской Германии на Советский Союз. Мама этого не понимает.

Перед нашим домом здание райвоенкомата. Здесь днем и

ночью толчея формируются роты и отправляются на фронт. Мать опасается, что я тоже могу уйти с какой-нибудь частью и ей придется одной остаться со своим горем. Но, дорогая мама, я уже взрослый, перешел на второй курс литфака. О моя умная, трудолюбивая! Как ты этого не поймешь - я не могу остаться дома.

Убираю в комнате, развожу примус, готовлю обед. На это уходит час. Потом подхожу к окну и снова смотрю на людской муравейник. Весь мир представляется горящим факелом... И дым, дым, густой, черный, стелется по земле. Так в воображении рисуется война.

Выхожу на крыльцо. У порога стоит Шапкин. Он одет в красноармейскую форму,

- Захар, ты откуда?

- А-а, признал... Я, брат, теперь боец... С прошлым покончено, отпустили. Не успел порог переступить, как тут же и повестка; явиться на призывной пункт,

Он поднимается по ступенькам, что-то рассказывает о своем скитании, но я слушаю его плохо. Прошлым летом Шапкина судили за какие-то фальшивые документы, по которым он устроился заведующим гастрономическим магазином. Тогда Захар приходил в больницу, упрашивал отца выдать ему справку о том, что у него плохо со здоровьем. Родных у него не было, жил на частной квартире, снимая маленькую комнатушку. Не знаю почему, но Захар часто приводил меня к себе, угощал колбасой. И вдруг узнаю: Шапкин совершил преступление. Я не поверил этому и просил отца помочь Захару. Шапкину нужна была справка, что он нервнобольной. Конечно, отец на это не пошел. Захар был осужден на один год.

- Пришел поблагодарить твоего батюшку... Впрочем, старое вспоминать не время. Тебя-то еще не забирают?

- Сам думаю идти. Здесь формируется часть. Как - возьмут?

Захар окидывает меня взглядом с ног до головы:

- А чего тебе там делать? В первом же бою заскулишь... Я, брат, фронт знаю. На Хасане приходилось ходить врукопашную...

- Ну и что?

- Да ничего.. А ты что, серьезно решил? - вдруг спрашивает он, улыбаясь одними глазами.

- Серьезно.

- Правильно поступаешь. Если бы мне повестки не прислали, я все равно пошел бы. Вон школу видишь? Приходи, там наша рота, вместе будем служить. У нас хороший командир... лейтенант Сомов. Он меня отпустил на два часа. Так что, ты давай. Нынче каждый обязан быть там, лицом к лицу с врагом. -

И, сбежав с крыльца, повторяет: - Приходи, приходи, Самбуров, Уж мы им там покажем, как на Россию поднимать руку.

Гляжу ему вслед и думаю: "Вот вам и Шапкин. Молодец!".

Поздно вечером приходит мать. Не раздеваясь, она тихонько садится рядом, прижимает меня к груди.

- О чем думаешь, Коленька?

- Ни о чем, мама.

- Не оставляй меня одну... Я знаю, ты уходить задумал.

- Мама...

- Не обманывай... Все уходят, и ты должен быть там.

У ворот нос к носу столкнулся с часовым,

- Товарищ, мне бы в часть попасть...

- А ты кто? - Голос знакомый: это же Захар!

С радостью отзываюсь:

- Захар, это я, Самбуров!

- Валяй отсюда, чего стоишь, здесь тебе не пункт скорой помощи. - Он освещает меня карманным фонариком. Не узнает, что ли?

- Слышишь, это я, Самбуров.

- Уходи, уходи, нечего тут стоять, - повторяет он.

- Товарищ Шапкин, вы с кем там разговариваете? - спрашивает кто-то издали.

- Да вот тут какой-то рвется в роту.

Слышатся шаги. Передо мной вырастает высокая фигура военного. Глухой щелчок - и пучок света выхватывает меня из темноты.

- Пойдемте.

Входим в помещение. На полу, плотно прижавшись друг к другу, лежат бойцы. Многие в штатском. Из-за стола навстречу нам поднимается огромного роста красноармеец.

- Командир роты не приходил? - спрашивает его высокий, с большими красными звездами на рукавах. "Политрук", - определяю я.

- Был, товарищ Правдив, ушел в штаб, вроде как завтра отправляемся.

- Значит, на фронт желаешь? - спрашивает меня Правдин, потом поворачивается к бойцу. - Как, Кувалдин, возьмем? Паренек вроде подходящий.

- Хрупок больно, - окает красноармеец.

- Оружие знаешь? - продолжает политрук. - Из винтовки стрелял?

Он достает из сумки гранату.

- Разбери. Смелее, капсюля нет... Та-ак, - тянет политрук. - Правильно действуешь. - Он дает мне винтовку и просит назвать

основные части. Когда я успешно выдерживаю экзамен, Правдин решает: - Хорошо. Утром получите обмундирование, винтовку. - Он встает, набрасывает на плечи шинель, закуривает:

- Война, братец ты мой, война... Весь народ встает под ружье, произносит политрук и, погасив папиросу, скрывается за дверью.

Спрашиваю Кувалдина, твердо ли решил Правдин зачислить меня в роту. Может, он пошутил?

- Таким делом не шутят... Ложись и отдыхай, - советует Кувалдин и первым опускается на разостланный брезент. Через минуту он спрашивает: Говоришь, в Ростове учился, в пединституте?.. Случаем, Сергеенко Аню не встречал там?

Отвечаю не сразу. В памяти ожил один воскресный день. Редкий лесок. Неожиданно полил дождь. Прижавшись к ветвистому дубу, мы стоим с Аней Сергеенко: этого момента я давно ждал. "Знаешь что, - вдруг осмелел я. Сейчас поцелую". Аня, прикрыв ладонью губы, засмеялась: "Опоздал". И погрозила пальцем: "Я другому отдана и буду век ему верна". - "Кто же он?" Она тряхнула кудрями: "Красноармеец молодой, статный и лихой". Мокрая, с большими лучистыми глазами, она отпрянула в сторону и убежала. Потом почти каждую ночь я видел ее во сне, стоящую под ветвями дуба. Неужели о ней спрашивает Кувалдин?

- Знал. Когда началась война, она оставила институт и поступила на курсы радистов.

- Ты спи, спи, - вдруг заторопил Кувалдин,

- 2

Идем шестой час без отдыха. Ноги и кисти рук отяжелели, словно к ним прицепили свинцовые гири. В горле жжет: возьми глоток воды - и она закипит во рту.

Впереди, метрах в двадцати, - командир и политрук роты. Сомов среднего роста, с выгнутыми ногами, с широкой спиной и короткой шеей, на которой посажена голова с плоским крепким затылком. Политрук очень высокий. Говорят, он попал с Черноморского флота, где был секретарем комсомольской организации корабля. Сомов и Правдин идут не оглядываясь, будто и нет позади них колонны. Но стоит только замедлить движение, они сразу поворачиваются и раздается звенящий голос Сомова:

- Подтянуться!

Рядом со мной шагает Кувалдин. На лице его слой пыли, глаза воспалены, большая кисть крепко сжимает ружейный ремень. Егор с виду тяжел и неповоротлив. Он служит в армии с тридцать девятого года. Родом из Москвы. Когда на второй день там, в школе, разговорились с ним, он признался: "Я-то вначале подумал, что ты из музыкантов. Хрупок больно. А, оказывается,

ты Пупкин - генерал Кукушкин".

Бойцы засмеялись. Я тогда не обиделся на этого здоровяка, только подумал: "Война и студента делает солдатом".

Сомов и Правдин останавливаются.

- Прр-и-и-вал!

Падаю на жухлую траву и лежу неподвижно. Гудят ноги, горит спина, натертая вещевым мешком; слышу говор. Потом все пропадает. Просыпаюсь от толчка в бок стоит Правдин.

- Положите ноги выше, быстрее отойдут, - говорит он, чуть склонившись надо мной.

- Студент, литератор, - глядя на меня, говорит Кувалдин. В его чуть припухших губах дымит самокрутка, один глаз прищурен.

Поворачиваюсь на спину и кладу ноги на вещевой мешок.

- Сними сапоги, - советует Егор.

- Правильно, - поддерживает политрук и идет к другим бойцам.

Надо мной висит опрокинутая чаша голубого неба.

В детстве я мечтал стать строителем межпланетного корабля, увлекался литературой о Галактике. Думаю сейчас об этом просто так, лишь бы не лезли в голову мысли о доме. Издали доносятся глухие звуки бомбежки, далеко, почти у самого горизонта, скользят по небу крохотные точки самолетов. Тяжелый молот войны уже который месяц колотит землю.

Над кем-то подшучивает Кувалдин. Ему возражает лихой свистящий голос:

- Списали Чупрахина? Нет, Егор, так обо мне не думай. Просто корабль наш вышел из строя. А куда податься? Вот и пришлось надевать пехотную одежонку... Но ничего, матрос и на земле не потеряется, Так, что ли, философ?

Философом ребята уже успели прозвать Кирилла Беленького за его длинные Речи. Кирилл, до того как попасть в нашу роту, два года служил в кавалерийской дивизии и работал в многотиражной газете корректором. Хотя такой должности в штабе не было, но, по его словам, он чувствовал себя там довольно прочно.

- Так-то оно так, - глубокомысленно отзывается Кирилл. - Но если посмотреть в корень твоего дела, мы увидим прежде всего наличие такой ситуации: с одной стороны, ты человек моря, с другой стороны, - пехотинец...

- А с третьей стороны? - подзадоривает кто-то Беленького.

- Третьей стороны у человека не бывает, - продолжает Кирилл с прежним глубокомыслием. - А почему я говорю так? Почему? - настаивает он.

- Потому что ты философ, - шутит Кувалдин.

- Глупости! - сердится Кирилл.

Поднимаюсь, смотрю на спорщиков. Егор, поджав под себя ноги, жует сухарь, глядя с ухмылкой на рассерженного философа. Третий лежит, из-под расстегнутой гимнастерки виднеется тельняшка. Это и есть Чупрахин, все еще тоскующий по морю, по своему вышедшему из строя кораблю. Рядом с ним Алексей Мухин. Он, как и я, попал в маршевую роту добровольцем. С ним мы сошлись быстро. Алексей сказал мне, что у матери он один. Отец в действующей армии, командует полком.

Мать не отпускала Мухина, и он ушел тайком. Таких в роте много. Мы стараемся быть ближе к кадровым бойцам, считая их опытными и подготовленными людьми.

- Как, по-твоему, Кувалдин, война долго протянется? - Мухин смотрит на Егора, и в его взгляде отражается любовь и доверие к тихому великану.

- Я не генерал. Вот, может, студент ответит, - улыбается одними глазами Кувалдин и начинает протирать винтовку куском суконки, которая хранится у него за голенищем.

- А что тут знать? Конечно, недолго, - отзывается Шапкин, сидящий в стороне возле пулемета.

Егор прищуривает один глаз:

- Ты что же, пророк? - Он аккуратно складывает суконку и прячет ее на прежнее место,

- Пророк не пророк, а соображение имею, - отвечает Захар.

- Говорят, что мы отступаем добровольно, - тенорком произносит Мухин, глядя на Беленького, который почему-то на этот раз молчит.

- Вот заманим в глубь страны, потом трахнем по башке. Стратегия! продолжает Шапкин с видом знатока фронтовых дел. В роте уже все знают, что Захар - участник хасанских боев, и нам нравится его слово "стратегия", хотя никто из нас и не понимает, что оно, в сущности, означает. Только Егор не поддерживает Шапкина:

- Ишь ты, "стратегия"! Слыхал, Чупрахин? - Иван застегивает ворот гимнастерки:

- Слово-то какое - "стратегия"! Ты что, Шапкин, военную академию окончил или без образования морочишь нам головы?

Подсаживается политрук. Он успел побриться, подшить чистый подворотничок. Глядя на него, не скажешь, что мы прошли пятьдесят километров, дыша едкой и густой дорожной пылью. Правдин приказывает позвать к нему всех бойцов: он намерен что-то сообщить нам и, видимо, хорошее. Плотным кольцом окружаем политрука.

- Товарищи! - обращается к нам Правдин. Голос у него чистый, чуть приподнятый. - В Москве, на Красной площади, только что состоялся традиционный парад.

- Как прежде, седьмого ноября? - спрашивает Мухин.

- Да, как прежде, в мирное время.

У Чупрахина загораются глаза, и он, работая локтями, протискивается ближе к Правдину.

- Парад, Егорка.. Слышишь, о чем говорят?

- Тихо!-останавливает его Кувалдин.

- Сталин поздравил народ и Красную Армию с великим праздником, он сказал, что на нас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища фашистских захватчиков.

В наступившей тишине вдруг раздается басок.

- А чего же город за городом сдаем фрицам? Утром Шапкин сказывал: под Ростовом опять неустойка.

Шапкин нервно дергает плечами, на его сухом, бесцветном лице появляется неестественная улыбка,

- А чего тут объяснять? - спешит он опередить политрука. - Если отошли, значит, так надо. Стратегия, понимаете, - глухо заканчивает он.

- Вот и неверно, - замечает Правдин Шапкину. - Если отошли, значит, на том участке фронта противник оказался сильнее наших войск. Зачем же так просто сдавать территорию врагу? Ведь это не спорт, а война, жестокая, смертельная.

- Значит, он, проклятый, все же сильнее нас, а? - с детской откровенностью спрашивает Мухин.

- Сильнее? - повторяет политрук и, подумав немного, отвечает убежденно: - Нет, товарищи, не сильнее! Враг опытнее нас. Но это только сегодня, завтра уже он не будет таким...

- Да и внезапность на его стороне, - коротко вставляет Кувалдин.

- Вещь серьезная, внезапность-то, - подхватывает Чупрахин. - Я - вот такой пример приведу. У нас в деревне печник жил, Бушуем его прозвали. Здоровенный, что слон. Бывало, выпьет, шумит на всю деревню, а придет домой - бьет жену. Однажды этой бабенке умный человек посоветовал: "Ты, Дарья, хорошенько проучи своего Бушуя". - "Как же я его проучу, - отвечает жена печника. - Он быку шею воротит". А умный человек свое: "А вот так; Переоденься во все мужское - и вечерком из-за угла с поленом". Так и сделала баба-то. Караул кричал. А когда прибежали соседи, разобрались, а перед Бушуем стоит его Дарья. Печник зверем взвыл: хотел жену решить. Соседи не дали, говорят: "После драки кулаками не машут". Вот как получается,

если неожиданно напасть, как они на нас, немцы-то. Словно кирпичи на нашу голову свалились.

Просит слово Шапкин, политрук перед выходом назначил его командиром отделения.

- Печник... дурак твой печник, - говорит Захар, отталкивая в сторону Чупрахина. - Бабы испугался. Вот что я скажу: они, германцы, начали войну, а мы ее кончим. Мы - это не Бушуй, разберемся, кто встал против нас. Правильно я говорю? Правильно.

Беседу прерывает команда ротного. Выстраиваемся в походную колонну и снова идем по пыльной дороге. Справа у меня Кувалдин, слева, как и прежде, Мухин, рядом с ним Чупрахин, впереди шагает Беленький, гордо, чуть склонив на плечо голову.

Солнце клонится к закату. Проходим притихшую станицу. Кувалдин толкает локтем в бок, показывая на плетень, возле которого пугливой стайкой столпились малыши:

- Смотри, как воробушки чирикают, Тоже соображают.

У колодца рота останавливается. Подходит сухой и тонкий старик. Кряхтя и опираясь на палку, он снимает запыленный картуз и высохшей рукой показывает на запад.

- Туда идете? Сколько вас тут идет, а он все пре и пре. Срам! дребезжащим голосом говорит старик и ковыляет к воротам.

В наступившей тишине раздается голос Шапкина!

- Паникер!

- Отсталый элемент, - поддерживает его Беленький.

- Смирно! Ша-го-ом марш! - Сомов взмахивает рукой, и мы вновь пылим по дороге.

Сгущаются сумерки. На небе вспыхивают звезды. Кругом тишина. В душе черт знает что творится! И всему причина - этот старик. Может быть, и в самом деле он паникер? Я еще не видел живых паникеров. Стараясь отвлечься от назойливых мыслей, напряженно вглядываюсь в темноту: впереди идут командир и политрук. Вдруг их фигуры сливаются, и передо мной снова вырастает дед. Вижу старика отчетливо, словно он рядом, вижу каждую морщинку на его усталом лице, реденькую белую бороденку, бесцветные глаза, широкий лоб, сухую руку, испещренную синими венами. "Что ты, старый, ко мне пристал?" А он в ответ: "Что, нехорошо? Ты, брат, не отворачивайся от меня".

Слышу голос Кувалдина:

- Ты, студент, запомни слова старика.

- По-твоему, он не паникер? - поспешно отзывается Чупрахин.

- Я с ним не служил, - отвечает Кувалдин.

Егор скуп на слова, а если приходится ему вступать в разговор, с его губ слетают короткие фразы, похожие на загадки. Сожалею, что сейчас поблизости нет Шапкина или Кирилла, а еще бы лучше, если бы был политрук. У Правдина, видимо, прямое и чистое сердце. Почему-то кажется, что сейчас нет труднее дела, которое он несет на своих плечах. Почему мы отступаем, почему как-то не так получается, как мы думали раньше о войне? Для многих из нас эти вопросы - что для первоклассника алгебраические задачи. А политрук обязан ответить на них. Обязан.

- Рота, стой! - командует Сомов.

К колонне подъезжает легковая машина. Открывается дверца, и перед командиром и политруком роты вырастает коренастая фигура военного, затянутого ремнями,

- Кто здесь старший?

- Я, лейтенант Сомов.

- Вы команда двадцать два тридцать пять?

- Так точно, товарищ полковник.

- Я командир дивизии Хижняков, вот мои документы. Вам необходимо изменить маршрут и следовать в район Темрюка. - Полковник включает карманный фонарик и, развернув карту, поясняет: - Вот здесь, у развилки дорог, вас встретит мой начальник разведки подполковник Шатров. Вы поступите в его распоряжение. Поторапливайтесь. О маскировке не забывайте. Может появиться воздушный противник,

Машина, фыркнув, пропадает в темноте.

Стоим молча в ожидании новых распоряжений. С нарастающей силой доносится гул самолетов. Гул прерывчатый, странный. "Вез-зу, вез-зу", металлическим голосом выговаривает мотор.

- Воздух!

Рассыпаемся по обочинам дороги. Падаю в какое-то углубление и чувствую под собой копошащегося человека. Горячая тугая волна срывает со спины вещевой мешок. Рвутся бомбы. Захлебываясь, в воздухе со свистом и шипением прилетают осколки. Человек подо мной уже не шевелится. Он притих, словно скованный мгновенным крепким сном. Пытаюсь ощупать его и вдруг под ладонью чувствую ствол пулемета. Торопливо вставляю в приемник диск и, ни о чем не думая, длинными очередями стреляю в темный полог ночи.

- Сумасшедший! Ты же демаскируешь! - срывающимся голосом кричит Шапкин и выхватывает из моих рук пулемет. - Лежи и не шевелись! Приказа стрелять не было. Понимать надо! - гневно заключает он.

Внезапно наступает тишина. Пахнет гарью. Захар вскакивает на ноги и посылает куда-то две короткие очереди. Молча ищу вещевой мешок, сталкиваюсь с Чупрахиным.

- Чью-то сумку ко мне забросило, - говорит он.

- В колонну по четыре, рота стройся! - командует Сомов.

Построив нас лейтенант спрашивает:

- Раненые есть?

Раненых оказалось шесть человек. Их выделяют в отдельную группу и, назначив одного из них старшим, оставляют дожидаться попутной машины, Сомов обращается к нам с короткой речью:

- Вы получили боевое крещение, правда, маленькое, но все же это боевое крещение. Мне нравятся действия командира отделения Шапкина. Он не испугался бомбежки, открыл огонь по фашистским самолетам. Так должен поступать каждый боец.

Идем без остановок. Мучает вопрос: сказать ли Егору о том, что огонь из пулемета открыл не Шапкин, а я? Наконец решаю - дело не в том, кто это сделал, важно другое: нашелся такой боец, и главное - командир признал такие действия правильными. Да и зачем в неудобное положение ставить Шапкина, еще сочтут, что я пытаюсь прославиться.

Что-то отстает Мухин. Тревожно посматриваю на него;

- Алексей, устал?

- Ранен... Молчи, никому ни слова.

Чупрахин кладет его руку себе на плечо.

- В строю не разговаривают, - полушепотом произносит Кувалдин. - Крепче опирайся на матроса Самбуров, возьми у Мухина винтовку,

- З

Шапкин дает нам по очереди бинокль и велит посмотреть на чернеющий в море берег Керченского полуострова. Прикладываю к глазам прибор. Холодный металл обжигает переносье, терплю и с затаенным дыханием стараюсь увидеть там фашистов.

Но, кроме серой расплывчатой массы, ничего не вижу. Молча передаю бинокль Мухину. Чупрахин, сбив ушанку на затылок, сидит на бруствере окопа и говорит:

- Зря стараешься, Алеша, расстояние большое.

- Наблюдение продолжать! - упорствует Шапкин. Месяц назад приказом командира дивизии ему присвоили воинское звание старшего сержанта и поставили временно командовать взводом. Отделение теперь возглавляет Кувалдин. Шапкин одет в новенькую шинель с треугольниками на петлицах. Она ему очень идет, как-то по-особому оттеняет, суровое, немного настороженное лицо.

- По всему видать: будем высаживаться в Керчи, - говорит

Шапкин. - Это, пожалуй, труднее, чем на Хасане было. Хотите, расскажу, как мы там самураев утюжили?..

Кирилл подмигивает мне:

- Наш командир - огонь! Я о нем заметку во фронтовую газету послал. Все рассказал, как он на марше по самолетам открыл огонь, как вот командиром стал... Хочется, чтобы меня там, в редакции, заметили. Писать я умею. Заметят?

- Обязательно, и тебя и Шапкина, - отвечаю я и, взяв кирку, начинаю углублять окоп. Под ударами звенит и крошится схваченная морозом земля.

Приходят подполковник Шатров и лейтенант Сомов. Шатров невысокого роста, прямой, на нем ладно сидит обмундирование. Если бы не шрам на щеке, он был бы красавцем. Но рубец с голубым отливом испортил лицо. Шатров приказывает отвести роту в укрытие и построить в две шеренги,

- Медленно работаете. Другие уже отрыли окопы, - упрекает Шатров.

Он достает из планшета какой-то листок.

- "Шапкин Захар Петрович", - читает он.

- Я, - чуть подавшись вперед, откликается старший сержант.

- Правильно назвал вашу фамилию, имя и отчество?

- Правильно.

- Десять шагов вперед, марш!

Шатров обходит кругом Захара и вдруг неожиданно для нас палит из пистолета в воздух, Шапкин вздрагивает, виновато улыбается.

- Закалки не чувствую! Становитесь в строй.

Подобную операцию Шатров проделывает с каждым. Сзади Кувалдина он поджег взрыв-пакет. Егор, тихо вздохнув, и ухом не повел.

- Как у вас со слухом?

- Хорошо, не обижаюсь,

- На сколько метров бросаете гранату?

- Когда как, со злости швырну метров на шестьдесят.

Шатров отступает назад и вопросительно смотрит на Сомова, потом на Егора.

- Я серьезно спрашиваю.

- Понимаю, - роняет Кувалдин.

Подполковник вынимает из кармана шинели деревянную болванку, обитую железом, и передает ее Кувалдину.

- Бросайте!

Егор мощным взмахом рассекает воздух. Граната с клекотом описывает в воздухе дугу и падает далеко за курганом.

- Со злостью бросали? - с улыбкой спрашивает Шатров и

приказывает измерить расстояние.

- Семьдесят шагов, - возвратясь, докладывает Сомов,

- Подходяще, становитесь в строй. Беленький!

- Я!

- Наденьте противогаз!

- Есть!

Кирилл торопится. Но движения его неуверенны и неотработанны, Видимо, не часто приходилось заниматься таким делом, Когда наконец он надевает противогаз, подполковник приказывает:

- Бегом до той высоты и обратно. Марш!

Кирилл, бежит тяжело. Но все же преодолевает расстояние. Встав в строй, Беленький жадно глотает воздух.

- Трудно? - спрашивает у него Шатров.

- Почему трудно?.. Я грамотный человек, понимаю, что к чему.

- Хорошо. А все же трудно?

- Нет, - глотнув очередную порцию воздуха, упорствует Кирилл.

- Похвально. Где служили?

- В кавалерийской дивизии. В маршевую роту попал из госпиталя. Животом болею. От грубой пищи это.

- Бывает и не от пищи, - чуть улыбнувшись, замечает Шатров и обращается к Сомову: - Тренироваться и тренироваться, метать гранаты, рыть окопы, преодолевать проволочные заграждения.

Живем в землянках у самого моря. Здесь много войск. Для чего они сконцентрированы, нам, конечно, неизвестно. Одни утверждают, что будем десантом высаживаться на Керченский полуостров, другие поговаривают о создании резервной армии, которая якобы будет переброшена по воздуху для обороны Москвы.

Уже изрядно наскучила игра в перебежки, Нет уж сил ковырять мерзлую землю. Наш ротный - непоседа. Мы называем его Будильником. Он не дает нам ни минуты покоя. Уметь быстро отрыть окоп - это, наверное, потребуется в бою, но, кроме этого, он заставил нас вчера четыре часа заниматься строевой подготовкой. Потом два километра мы бежали в противогазах. У Мухина открылась рана. От сильной боли он застонал и начал петлять, словно подстреленный заяц, но все же не остановился, достиг намеченного рубежа.

Вечером сидим в землянке. Потрескивают поленья в печурке. Кувалдин бреется, примостившись у коптилки, сделанной из снарядной гильзы. Бритва в его огромной руке кажется игрушечной. Глаза у Кувалдина спокойные, с поволокой. Но -

странное дело - на его лице я никогда еще не видел следов усталости. Егор улыбается редко, скупо. Но когда улыбается, - черт возьми! как бы тяжело ни было у тебя на душе, все проходит. Я беру газету и начинаю читать.

- Ну, что там, прет? - спрашивает Кувалдин. Он аккуратно вытирает бритву, кладет ее в футляр.

- Выдохнется, - отзывается Чупрахин.

Мы разговариваем короткими фразами. На душе у нас тревожно. Ходят слухи, что немцы заняли Ростов.

Мухин лежит в углу землянки. Он осунулся, побледнел.

Егор присаживается к нему, говорит:

- Алеша, есть у меня в дивизии знакомая девушка. Она дружит с одним хорошим врачом, который не выдаст твоей тайны.

- Надоел я вам, - грустно вздыхает Мухин. - Ничего вы не понимаете. Он приподнимается и, сидя, долго смотрит в маленькое окошко землянки. Помните, говорил, что у меня отец на фронте? Он погиб, ребята.

Кувалдин, набросив на плечи шинель, уходит. Через. полчаса он возвращается с двумя девушками и обращается к нам:

- Товарищи, освободите на минуту помещение, доктор посмотрит, что за болячки на теле у Мухина.

Я задерживаюсь у выхода. "Аннушка, ты что же, не узнаешь меня?" хочется крикнуть. Но Сергеенко стоит ко мне спиной, взяв Егора под руку. Так вот почему Кувалдин интересовался Аннушкой, он уже тогда знал, что она в нашей дивизии.

Захлопываю за собой дверь. Падает редкий снег. Бьются волны о берег. Темень. Ни звука. Кажется, нет никакой войны на земле; все: и мы, стоящие у входа в землянку, и немцы в Ростове, политрук, который каждый день рассказывает нам о тяжелых боях на подступах к Москве и Ленинграду, - сон; только стоит открыть глаза - все это исчезнет.

- Заходите, - приглашает Егор.

Занятый своими мыслями, не трогаюсь с места. Слышу голос Кувалдина:

- Я провожу, Аннушка.

- Не надо, Егор, - отвечает она и вскрикивает: - Ой, руку, медведь! Ладно, проводи.

Голоса удаляются, глохнут. Подходит Чупрахин.

- Видал, как наш Егор Васильевич околдовал радистку, - говорит он мне и тут же с наигранным пренебрежением заключает: - И что в ней хорошего, в блондинке? Зачем только таких на фронт берут?

- Вот как вы о девушках! - Это голос врача. Она подходит к

нам незаметно. Бледный пучок света, идущего из землянки через полуоткрытую дверь, падает на ее лицо.

- А-а, доктор, - как бы извиняясь, обращается к ней Чупрахин. Кажется, если не ошибаюсь, товарищ Крылова?

- Да, Маша Крылова, и тоже почти блондинка, - шутит она и грозит пахнущим лекарством пальцем. - Когда-нибудь ты мне попадешься в операционной, вот там и посмотрим, зачем нас берут на фронт, - с улыбкой добавляет Крылова и спешит догнать Егора с Аннушкой.

Иван шумит ей вслед:

- Уж я-то вам никогда не попадусь, запомните, моя фамилия Чупрахин.

Спускаемся в землянку.

- Коля, - радостным голосом встречает Мухин, - болячка моя пустяк, скоро пройдет.

Мы смотрим на него, и нам делается весело.

Приходит Егор, вслед за ним появляются Шапкин и Беленький. Раздеваясь, Захар сообщает:

- Завтра начнутся настоящие дела.

- Значит, решили? Под Ростов? - спрашивает Мухин.

- Нет, приступаем к регулярным занятиям.

- Академия! Значит, тетради, карандаши, двойки, тройки и прочие подъемы по расписанию? Люблю учиться! А гауптвахта будет?

- Для тебя и гауптвахта найдется, - строго посмотрев на Ивана, говорит Захар.

- А кто будет воевать? Тот старик, который в станице нас встречал? Интересная академия!

- Учиться всегда полезно, - роясь в вещевом мешке, замечает Беленький. - Ученому море по колено, а неграмотный в луже утонет...

- Эх ты, философ в противогазе, - смеется Кувалдин. - Куда собираешься?

Беленький не без гордости отвечает.

- Командир роты просит помочь ему наладить ротную канцелярию.

- На повышение идешь? - вмешивается в разговор Чупрахин. - Валяй, оттуда, смотри, и в редакцию попадешь. Только не забывай своих друзей, что-нибудь напиши. А уж мы тут тебя прославим. Будем всем показывать твои статьи: смотрите, что наш Беленький сочинил!

Кирилл забрасывает мешок за спину, обращается к Ивану:

- Вот что я тебе скажу... Нет, ты послушай...

- Прорвало философа, спасайтесь! - кричит Чупрахин,

дурашливо пряча голову под охапку соломы, - Уходи скорей, командир ждет...

- Отбой! - командует Шапкин.

Не спится.

- Алеша, ты не спишь?

- Нет, что-то жарко.

- Разговоры! - строго обрывает Шапкин. - Распарило, завтра не то скажешь.

...Утром после завтрака опять выходим в поле, метаем гранаты. Под вечер войска выстраиваются вдоль берега. Серая лента строя уходит далеко за выступ. На волнах покачиваются небольшие суденышки. Они приторочены к наспех сделанным причалам.

- Будем отрабатывать способ высадки на берег десанта, - коротко поясняет Сомов и ведет нас к высотке, приказывает окопаться.

Кувалдин первым отрывает окопчик. Он советует мне рубить землю под малым углом: так легче лопата входит в грунт. Смышленый этот Кувалдин.

Лейтенант, подобрав полы шинели и словно любуясь своим голосом, командует:

- Повзводно, первый, второй, за мной бегом, марш!

Бежим что есть силы. Вот и причал. Сомов одним махом первым взлетает на сейнер. Шапкин, оступившись, падает в воду. Кто-то пытается помочь ему выбраться на трап.

- Не задерживаться! - кричит лейтенант.

Но Шапкин уже на борту. Вздрагивает корпус судна. Опоздавший Мухин прыгает в воду, хватается за приклад винтовки, поданной ему Чупрахиным, с трудом взбирается на палубу. К нему подходит Сомов:

- Мухин?

- Мухин, товарищ лейтенант.

- Ловко взобрался! Молодец! На, закури, согреет. И вы, Чупрахин, молодец, помогли товарищу,

- На море я хозяин, товарищ лейтенант.

- Понимаю, кажется, с корабля, матрос?,

- Матрос, - с грустью роняет Иван.

Сейнер уходит, в море. Холодный ветер пронизывает насквозь. Густым, крупным дождем летят на палубу брызги. Лейтенант курит и неотрывно наблюдает за берегом, лицо посинело, покрылось гусиной кожей. Что еще он готовит нам? Шапкин бегает по палубе, стараясь согреться. Егор, прикрыв собой от ветра Мухина, о чем-то сосредоточенно думает. Вспоминаю вчерашний его разговор с Сергеенко. "И Аннушка на

войне", - вздыхаю я и, подойдя к Кувалдину, на ухо говорю ему:

- Ну как, медведь, проводил вчера?

- Черт! Откуда тебе известно?

- Сорока на хвосте принесла.

- Сам ты, ворон, подслушал! Узнал ее? Это же Сергеенко. Помнишь, в школе спрашивал о ней?

- Помню.

Сейнер круто разворачивается, ложится на обратный курс. Командир роты предупредительно поднимает руку!

- Внимание!

"Неужели сейчас прыгнет в воду?" - думаю я. Берег приближается. Сейнер резко стопорит.

- За мной, ур-ра-а-а! - с криком прыгает за борт Сомов.

- Ур-ра-а-а! - дружно подхватываем и спешим за лейтенантом. Холодные волны бьют в спину.

- Не задерживаться! - выскочив на берег, предупреждает Сомов. - Быстрее! За мной! Ур-ра-а-а!

Мы бежим, не чувствуя под собой земли.

- Ложись! Окопаться! - приказывает Шапкин.

Рядом слышу голос Кувалдина:

- Дотошный лейтенант-то... Это хорошо, крепкого духа человек.

- Эх, братва! - звенит Чупрахин. - Пусть командует, лишь бы море гудело, а тетрадочки, карандашики не страшны. Ведь учиться всегда полезно, как сказал наш философ Кирилл-первый.

Темнота заполнила все пространство: и море, и землю, и воздух. Усталые и мокрые, строимся в колонну по четыре, идем к землянкам. На полпути роту останавливает Шатров.

- Ну как? - спрашивает у Сомова.

- Получается, товарищ подполковник.

- Завтра пришлите мне троих бойцов. Будут работать на передовом наблюдательном пункте.

Рядом, справа, слева и впереди, покачиваясь, плывут длинные колонны бойцов, слышится глухой топот бесчисленного множества ног. Это возвращаются с занятий соседние подразделения. Хотя до сих пор никто официально не сообщал о десанте на Керченский полуостров (вероятно, это держат в строгом секрете), но теперь каждый убежден: готовят войска именно для этого дела. Только, политрук еще продолжает упорствовать: "Не знаю, товарищи, и командир не знает, и вам советую поменьше думать и говорить об этом". А по глазам заметно, что он знает, да только, наверное, нельзя об этом говорить.

Землянка встречает сухим, перегретым воздухом. Круглая

печурка превратилась в раскаленную тумбу, только что вынутую из горна: нажми металлическим стержнем - проткнешь насквозь.

При свете не шинели на нас, а тонкие ледяные панцири, причудливо искрящиеся всеми цветами радуги. Молча снимаем обмундирование, помогаем друг другу отодрать ушанки, примерзшие к волосам. Вскоре помещение наполняется густым паром, а мы в нижнем белье походим на рыб, плавающих в вертикальном положении, со странными головами и узкими длинными плавниками.

В таком же ледяном панцире появляется политрук. Ему уступают место у печки. Раздевшись, он угощает курящих сухим табаком, потом сообщает, что в штаб дивизии прибыл представитель Ставки Верховного Главнокомандования, что наши войска вступили в Ростов.

Забрасываем Правдина вопросами. Их у нас столько, что политруку хватит на всю жизнь отвечать. У Правдина слипаются глаза, голова клонится на грудь, голос становится глуше. Думали, что он железный, оказывается, устает, как и мы. Первым это замечает Чупрахин.

- Хватит, дайте человеку передохнуть.

Егор заботливо укрывает шинелью прикорнувшего политрука.

Приносят ужин. Громыхая котелками и ложками, причмокивая и перебрасываясь шутками, быстро опорожняем термосы и кастрюли. Размещаемся на свежей соломе. Поднимается Правдин. Он надевает полупросохшую шинель и, расчесав густые каштановые волосы, обращается к Шапкину:

- Не забудьте завтра к шести часам прислать к Шатрову Кувалдина, Самбурова и Чупрахина. А я сейчас пойду во второй взвод, у них сегодня ночные занятия: преодоление проволочных заграждений.

И, согнувшись, скрывается за дверью. Шапкин присаживается к печке. Он долго сидят неподвижно, о чем-то напряженно думает. Лицо его чуть-чуть подергивается нервной дрожью. Может быть, простудился? Хочется спросить: позвать врача?

Шапкин замечает, что я не сплю, подзывает к себе.

- Ну как? - спрашивает он. - Что же ты тогда не сказал, что по самолетам стрелял не я? Ты кому-нибудь говорил про это? Нет? Молодец. - Он сует мне в руки банку мясных консервов. - Возьми, земляк... Молод ты еще, но со мной не пропадешь.

Шапкин вдруг торопливо натягивает сапоги, надевает шинель и уходит. За окном надрывно стонет ветер. Просыпается Кувалдин. Поежившись, растапливает погасшую печурку.

- Ты немецкий язык знаешь? - спрашивает он меня. - Политрук вчера интересовался. Сомова назначают командиром

разведроты и Правдина туда же забирают. Наш взвод якобы полностью перейдет в разведроту.

- 4

Идем вдоль берега. Сегодня на море тихо. Даже не верится, что где-то там, на противоположном берегу пролива, находится враг, а правее, к Ростову, идут бои. Огибаем выступ, и сразу открывается Керченский полуостров. Даль сглаживает обрывистые берега: они кажутся покатыми, темными, и весь клочок земли похож на огромную чугунную болванку, глубоко ушедшую в воду.

Чупрахин вполголоса говорит:

- Что-нибудь замечаешь? Посмотри, сколько тут наблюдательных пунктов.

Проходим тщательно замаскированные холмики с темными глазницами амбразур, обращенными в сторону Керчи. В одном месте откуда-то из-под земли появляется лейтенант с артиллерийскими эмблемами на петлицах. Он подходит к Шатрову, докладывает:

- Лейтенант Замков, старший передового артиллерийского наблюдательного пункта.

Опускаемся в небольшое углубление, прикрытое со стороны моря уплотненной подковообразной насыпью.

- Слушаю, - Шатров закуривает.

Замков, с широкими плечами и совсем короткими ногами, обутыми в хромовые, до блеска начищенные сапоги, разворачивает зеленоватую карту и неожиданно детским голосом докладывает:

- Сегодня в районе Еникале никакого движения не обнаружено. Уснули, что ли? Или чувствуют, что за ними наблюдают? Смотрим, смотрим, ну хотя бы один показался. Взять бы да и трахнуть из тяжелого дивизиона - зашевелились бы.

Шатров гасит папиросу о припудренную инеем землю.

- Дайте вашу карту.

С минуту он рассматривает какие-то непонятные для нас условные знаки, окаймляющие изогнутую линию берега. Лицо его хмурится, а шрам совсем подступает к уголку рта.

- Какое задание на сегодня?

- Наблюдать за берегом, засекать огневые точки.

- А вчера что делали?

- То же самое.

- Глубину полуострова изучаете? Командир полка рассказывал вам о промежуточных рубежах? Нет? Плохо. Вы что же, думаете только о высадке на берег? Нет, милейший лейтенант, высадиться на берег - это полдела; главное удержать

плацдарм, развить успех. А для этого надо хорошо знать, что делается в глубине обороны противника.

- Но я в этом не виноват, товарищ подполковник, - оправдывается Замков.

- Знаю, что вы не виноваты. Это я так, авансом, лейтенант, на будущее пожурил. - И, несколько подумав, продолжает: - Наш десант - дело нешуточное, товарищи. Таких десантов, как наш, и в такой сложной обстановке, кажется, еще никто не высаживал. Надо все взвесить, ко всему быть готовыми... Пошли, товарищи. А командиру дивизиона, Замков, все же передайте мои слова, - уже выйдя из укрытия, напоминает Шатров лейтенанту.

Передовой наблюдательный пункт - это квадратная землянка, обитая досками, пахнущими смолой. Посередине стол, на котором полевой телефон, конторская книга и большой жестяной чайник с водой. В потолке дыра, в которую пропущена труба перископа, а в стене узкая амбразура. Это помещение куда уютнее нашей землянки с вечными испарениями от портянок и обуви.

- Что в матросском кубрике, - довольный порядком, определяет Чупрахин.

Пользуясь тем, что Шатров задержался наверху, Кувалдин с видом знатока поясняет:

- По всем признакам, мы попали на наблюдательный пункт самого командира дивизии. Надо это иметь в виду, вести себя прилично...

- Не дети, без напоминаний соображаем, - парирует Чупрахин, беря со стола бинокль и устраиваясь у амбразуры.

Входит Шатров. Заметив Чупрахина с биноклем, он ледяным голосом говорит:

- Между прочим, войсковой разведчик отличается от остальных бойцов высокой дисциплинированностью и выдержкой. Положите прибор на место!

- Есть! - быстро отзывается Иван и вытягивается перед подполковником в струнку, но выражение лица остается прежним: вот-вот он произнесет то, от чего самая строгая душа отойдет, потеплеет.

Шатров проходит к столу:

- Прошу слушать внимательно. Вот журнал наблюдений, - берет он со стола серую книгу. - Здесь есть графы: первая графа - в ней отмечается время обнаружения объекта, вторая графа - район, место обнаружения объекта, третья - что конкретно замечено: живая сила, огневая точка или транспорт, и четвертая графа - выводы наблюдателя, ваши предположения и заключения. Ясно? Какие будут вопросы? Нет? Прошу посмотреть журнал.

Склоняемся над книгой, листаем и искоса посматриваем на

Шатрова, стоящего у стереотрубы.

- С оптическими приборами умеете обращаться?

- Изучали, - хором отвечаем Шатрову. - Командир показывал.

- Хорошо. Вы, товарищ Кувалдин, наблюдайте в стереотрубу. Объект наблюдения - южная часть крепости Еникале. Вы, товарищ Чупрахин, - в бинокль через амбразуру, объект наблюдения - северная часть крепости. Журнал ведет Самбуров. Обо всем замеченном докладывайте Самбурову. Вот вам часы, - он подает их мне и распоряжается: - По местам!

- Время! - пушечным выстрелом гремит Кувалдин. От неожиданности подпрыгиваю, дрожащей рукой стараюсь попасть в нужную графу, докладываю:

- Десять часов тридцать пять минут.

- Южнее поселка тридцать метров, - продолжает Егор, - группа солдат во главе с офицером. Производят оборонительные работы.

Подполковник выхватывает изо рта трубку и, оттолкнув Кувалдина, припадает к окуляру стереотрубы. Минуту он топчется на месте, потом уступает место Егору:

- Продолжай наблюдать, начало хорошее: - И подходит ко мне. - Записали? Четче ведите журнал, не торопитесь.

Он садится у входа. Вновь наступает тишина. Но теперь она уже не томительная, какой казалась в начале работы, И журнал кажется не таким сложным. Теперь даже можно немного помечтать. Сколько сейчас таких, как мы, наблюдают за противником! День и ночь непрерывно они следят за врагом, регистрируют малейшее движение, замеченное на той стороне. И все это где-то в большом штабе суммируется, обобщается, наносится на карты, делаются выводы, предположения, намечаются планы. Сколько людей готовят эту трудную десантную операцию! И в Москве, наверное, сейчас кто-то занят нашим делом: может быть, так же вот, как и мы тут, ночи не спит - думает, планирует, с тревогой и надеждой дает указания, получает сведения с южного крыла гигантского фронта.

- Бурса! - вдруг кричит мне Чупрахин. - Запиши: сволочи тянут на тракторе какое-то большое белое колесо. Не иначе как дот оборудуют у самого мыса. Запиши, чего смотришь?

Шатров поднимается. Его лицо делается бурым, потом неожиданно для нас подполковник улыбается.

- Кто же так докладывает? Четкости нет,

- Четкости? - еще находясь в первоначальном возбуждении, переспрашивает Иван. - А суть, самую суть доложил?

- Суть-то понятна. Дайте бинокль... Та-ак, правильно схвачено. Разведчику нельзя ошибаться. - Он достает из планшета

карту и синим карандашом наносит условный знак. - Об этом надо доложить артиллеристам, они возьмут эту огневую точку на учет, - поясняет он нам.

Видимо довольный нашей работой, Шатров теперь стал более разговорчив. Он рассказывает о проливе, о рельефе прибрежной части полуострова, о крутых, скалистых берегах. Потом узнаем, что подполковник до войны служил в Бакинском пехотном училище, в начале войны командовал стрелковым полком в Крыму, оборонял Керчь и последним переправился через пролив на плоту, построенном из кузова автомашины и колес. Плот отнесло в море, и Шатров пять дней болтался там, пока его не подобрал наш сторожевой катер. Затем полмесяца он пролежал в госпитале и вот снова на фронте.

В блиндаж входит командир дивизии полковник Хижняков. За ним, осторожно отсчитывая ступеньки, спускается генерал, сопровождаемый двумя офицерами. Шатров сразу принимает прежний официальный вид и с достоинством докладывает генералу:

- Товарищ командующий, подполковник Шатров, начальник разведки дивизии. Ведем наблюдение за районом крепости Еникале, Замечены оборонительные работы и движения мелких групп противника.

Командующий, с воспаленными глазами, гладко выбритым лицом, подает Шатрову руку:

- Добро, добро... - И обращается к командиру дивизии, застывшему у стола в положении "смирно": - Видать, Хижняков, твои глаза хорошо работают. Но успокаиваться на этом нельзя. Наблюдать и наблюдать...

Он устало опускается на поданную лейтенантом табуретку и, видимо вспомнив прерванный по дороге разговор, несколько оживляется:

- Вчера поспорили с представителем Главного командования. Собственно, спора, как такового, не было. Он говорил, я слушал. Он, как и ты, Хижняков, утверждает, несмотря на сложность высадки десанта, все же основная трудность операции заключается в развитии успеха, в организации безостановочного продвижения наших войск в район Перекопа и затем в оказании помощи севастопольской армии. Конечно, бой в глубине обороны противника будет нелегким. Но я придерживаюсь другого мнения. Успешно высадим войска - и дальше у нас пойдут дела хорошо. Поэтому требую: изучать и изучать прибрежную часть полуострова, все внимание - высадке десанта. Надо вначале перепрыгнуть, а потом говорить "гоп".

- Это верно, товарищ командующий. Но можно перепрыгнуть

и не сказать "гоп": ноги подломятся, застрянешь на плацдарме, а противник тем временем оправится от удара.

- Мрачные картины. - Генерал говорит тихо, медленно. Его глаза то загораются, то, блекнут. Мы, затаив дыхание, с любопытством рассматриваем командующего. Я впервые вижу настоящего генерала, и не в кино, а рядом: простой, самый обыкновенный человек. Его медленные движения, тихая, неторопливая речь вызывают симпатию к нему. Только непонятно, почему упорствует командир дивизии, что ему стоит согласиться с этим усталым человеком: ведь он командующий, все знает и, конечно, не может ошибиться.

- Вам известны данные авиаразведки? - чуть склонив на сторону голову, спрашивает генерал.

- Да, начальник штаба знакомил. По ним можно предположить, что гитлеровцы не ожидают нашего десанта.

- Вот, вот, - продолжает командующий. - Значит, главное - вцепиться в прибрежную часть, перепрыгнуть через пролив. А там нас никто не задержит. Для большей уверенности в успехе операции я приказал сразу же вслед за передовыми частями перебрасывать войсковые тылы. Имейте это в виду.

Генерал поднимается и с минуту смотрит на Шатрова.

- А вы что скажете?

- Товарищ командующий, мы готовы выполнить любой приказ. Но вот данные авиаразведки, на мой взгляд, как раз говорят о том, чтобы мы здесь больше уделяли внимания бою в глубине обороны немцев, организации взаимодействия, чтобы потом меньше тратить времени на эти вопросы...

- Ух какие вы тут стратеги! - повышает голос, генерал, и на его лице появляется снисходительная улыбка. - Дайте-ка бинокль.

Чупрахин освобождает место у амбразуры. Командующий припадает к глазнице и, согнувшись, тем же спокойным, неторопливым голосом продолжает?

- Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны. Обзор хороший... Да, а на Шипке затишье. Или они хитрят, или действительно не подозревают об угрозе. А что вы скажете, товарищ красноармеец? - спрашивает командующий у Чупрахина.

- Скажу вам, товарищ генерал, наше дело - бить врага, так сказать, разминировать, обезвреживать его, - одним духом выпаливает Чупрахин, и, посмотрев на Шатрова, добавляет! - Скорее бы туда, а наблюдениями их не запугаешь.

- А не страшно через пролив да на такие кручи карабкаться против огня?

- Страшно бывает только кассиру, когда он берет казенные деньги. А мы, бойцы, идем освобождать свою землю. Может быть,

кому и страшно, не без этого. Но я так понимаю, товарищ командующий, страх живет одну минуту, а смелость всегда при человеке.

- Орел! Молодец! - генерал вынимает платок и вытирает увлажнившиеся глаза. - Пойдемте, Хижняков. - Он направляется к выходу, приглашая с собой и подполковника Шатрова, который на ходу бросает нам:

- Вечером вас сменят. Обо всем замеченном доложите командиру взвода, а он пусть передаст Сомову.

- Ну что? - как только мы остались одни, спрашивает Чупрахин. - Поняли? Все уже готово. Скоро будем в Крыму. А насчет Москвы - это болтовня, Егорка. Никуда нас не пошлют, тут будем молотить фашистов.

Кувалдин отвечает:

- Для меня, Иван, Москва всюду, не только там, в Москве. Понял?

- Очень даже. Не один ты так думаешь.

С наступлением темноты покидаем наблюдательный пункт, идем не берегом, а прямо, кратчайшим путем. Местность - сплошной муравейник: то там, то здесь слышатся команды, топот ног, глухие удары саперных лопат о мерзлый грунт, проходят взводы, роты, производятся тренировочные посадки на катера и баржи. Пролетает вражеский самолет. Кругом все замирает, и тотчас же в стороне, километрах в полутора от берега, вспыхивает яркий шар осветительной ракеты, сброшенной на парашюте фашистским летчиком. В мирное время можно было бы и полюбоваться этим висящим в небе пучком света. Но сейчас он кажется зловещим, холодным светящимся пауком с вытянутым брюхом.

В землянке застаем одного Шапкина, сидящего с газетой в руке возле фонаря. Заметив нас, он поднимается и кладет раскрытую газету на вещевой мешок. Кувалдин докладывает о результатах наблюдения.

- Значит, все-таки они там барахтаются, - выслушав Егора, произносит Шапкин. Его бесцветные, реденькие брови смыкаются у переносья, а плечи поднимаются кверху. - Не понимаю! Откуда вы взяли такие данные? Ведь немцы совершенно не подозревают о десанте. Проверю, возможно, рыбаков приняли за фашистов. В термосе ваш обед, я пошел к командиру роты.

Беру газету. Внимание привлекает заголовок "По фашистскому самолету из ручного пулемета". Читаю вслух:

- "Рота совершала марш. Неожиданно в воздухе появились вражеские самолеты. Командир отделения Захар Шапкин, пренебрегая смертельной опасностью, смело открыл из ручного

пулемета уничтожающий огонь по воздушному врагу. Вокруг рвались бомбы. Но мужественный боец продолжал единоборство с фашистскими стервятниками да тех пор, пока самолеты врага не были отогнаны, Командир роты объявил Шапкину благодарность. А недавно за новые ратные дела Шапкина назначили командовать взводом. Однополчане горячо поздравили мужественного бойца и пожелали новых славных боевых дел.

Красноармеец К. Беленький".

- Написал все же, - говорит Кувалдин. - Надо поздравить старшего сержанта.

- Обязательно, - соглашается Чупрахин, открывая термос с горячими пахучими щами.

Вбегает Беленький. Он шепотом сообщает!

- Только вам, по секрету, смотрите - никому... Через два дня в бой, туда, - он показывает на оконце и тянет; - Де-ла-а! Пришла пора желанная, пришла...

- Писать будешь о нас? - спокойно, без тени иронии спрашивает Чупрахин, набивая рот гречневой кашей. - Пиши, Кирилка, пиши. Ты теперь там, в верхах, при командире, тебе виднее...

- Да нет, товарищи, - поясняет Беленький. - Я же, как и все, пойду вместе со взводом. В штабе временно работал. Оно, конечно, - переходит на шепот. - С одной стороны, если бы кто-нибудь из вас сказал политруку обо мне: так, мол, и так, газетчик; с другой стороны, нельзя ли его как-то зачислить ну, скажем, в медсанбат, пусть освещает нашу боевую жизнь. А самому неудобно об этом говорить.

- Конечно, - соглашается Чупрахин и трясет газетой. - Читали, как ты тут о взводном написал. Радуйся, философ, в люди выходишь. И выйдешь, если тебя волной с палубы не сшибет.

- Так бывает? - интересуется Беленький. - Нет, серьезно, Иван? Я никогда не бывал на море. Первый раз в жизни придется...

За окном поднимается ветер. Он гудит протяжно, с надрывом. Чупрахин успокаивает Беленького:

- Ничего, Кирилка, море как море. Перепрыгнешь. Только зайцы боятся воды.

- 5

Завтра во взаимодействии с моряками Черноморского флота и Азовской флотилии пойдем на штурм Керченского полуострова. Только что закончилось открытое партийное собрание собрание, В нашей разведроте - восемь коммунистов и пятнадцать комсомольцев. Почти все выступили в прениях. Чупрахин говорил, что он будет разминировать фрицев аккуратно, без

лишнего шума, но так, что от страха закрутятся в гробу ихние большие и маленькие фридрихи и кайзеры, а Гитлера по этой же причине хватит падучая болезнь.

Кувалдин, как всегда, был немногословен. Теребя в руках шапку, он пробасил:

- Как командир первого отделения приказываю всем быть в первых рядах. А остальное я доскажу в бою автоматом и гранатой. Фашист, он такой язык понимает лучше.

С подъемом произнес речь Беленький. Говорил он долго, делая большие отступления "в глубь веков". От усердия у него нос покрылся обильным потом. Закончил призывом бить германца по-шапкински, не зная страха. Сам Шапкин не выступал. Он только с места заявил:

- Я человек беспартийный. Но свой голос присоединяю к словам коммунистов и комсомольцев.

Решение было коротким. Его зачитал политрук:

- "Мы, коммунисты и комсомольцы, бойцы и командиры разведроты, заверяем советский народ, родную партию в том, что без страха и колебания идем на штурм Керченского полуострова и, чего бы это нам ни стоило, с честью будем сражаться за полное освобождение советского солнечного Крыма от фашистской оккупации. Всем коммунистам и комсомольцам быть в первых рядах, штыком, огнем автомата и гранатой бить гитлеровцев до полного разгрома. В бою поддерживать друг друга, не оставлять в беде товарища".

Потом пели "Интернационал". Его подхватила в стороне соседняя рота. И песня покатилась по всей окрестности. Пели артиллеристы, саперы, моряки, танкисты, пели авиаторы в капонирах полевого аэродрома.

Звуки гимна и сейчас еще продолжают звучать в ушах. Беленький готовит корреспонденцию о прошедшем собрании. Кирилл уже не раз бегал к политруку, и, кажется, Правдин сказал ему: "Пиши - отошлем". Теперь Беленький всем нам не дает покоя: требует, чтобы выслушали начало, или, как он говорит, запевку к статье. Это начало он дополняет и изменяет через каждую минуту и сразу же после этого просит послушать. Больше всех достается Егору: он коммунист, и ему нельзя отказать в просьбе Беленькому, но Кувалдин на слова удивительно туг, ему легче отрыть окоп в полный профиль, чем на глазах у людей произнести десяток слов.

Кирилл хватается за голову и начинает отчаянно тереть виски. Он всегда так делает перед чтением своих корреспонденции. Кое-кто пытается выскочить из землянки. Но Беленький спешит загородить собой выход:

- Товарищи, дело общественное, я, собственно, для вас же стараюсь.

- Ведь слышали же! - говорит Мухин. Беленький уходит. Мухин тут же начинает вспоминать, как первый раз прыгнул с причала в воду и удивился: очень холодная.

- Неженка! - режет Чупрахин. - Лично я с детства привычный к холодной воде. Когда мне было двенадцать лет, один дружок посоветовал обливаться холодной водой. Говорит: "Ты, Ванька, хилый, полезай в колодец и закаляй организм". - "Как же туда полезу?" - спрашиваю. Отвечает: "Пара пустяков! Садись в ведро, я тебя спущу". Согласился, дурак. Дело было вечером. Опустил и кричит: "Ванька, поболтайся там маленько, я отнесу воды домой!" Понес и забыл про меня, подлец. Сижу, совсем окоченел. И кричать боюсь - отец выпорет. И сам выбраться не могу. "Ну, думаю, пропала моя организма!" К счастью, в это время у колодца остановились старик со старухой лошадей напоить. Опустили ведро. Я, конечно, сел в него и молча держусь за цепь, боюсь слово произнести: как бы дед с испугу вновь не окунул. Только начал приближаться к срубу, как прыгну - и уцепился за край сруба. Старик как заорет: "Свят, свят, свят! Водяной!" Старуха - в обморок. Кони рванули в сторону. Беда-а...

- И ты проснулся? - замечает кто-то.

- Это правда. Потом отец так закалил мне ремнем одно место, что месяц не мог сесть. Ел стоя.

Бойцы смеются. Чупрахин, довольный своим рассказом, хитровато улыбается, поглядывая по сторонам. В землянку заходят Шатров и Сомов.

- Весело живете! - говорит подполковник и обводит строгим взглядом, кажется, вот-вот с его уст слетит команда. Он строен, подтянут, будто собрался на парад и забежал что-то сообщить нам.

Иван уступает Шатрову место у печки:

- Погрейтесь, товарищ подполковник.

- Спасибо. Не замерз. Скажите, кто из вас в Крыму бывал?

Поднимается Шапкин:

- Я.

- Где и когда?

- В поселке Владиславовка. Родился там, но жить почти не жил. Мальчонкой уехал оттуда в Ростовскую область.

- Это и у меня бабушка родилась в Багерово, - хихикает Чупрахин, держа в руках полено.

- Шутки неуместны! - поворачивается к нему Сомов. - А вы, товарищ Мухин, где жили? - спрашивает лейтенант Алексея.

- В Развильном, что под Сальском.

- Значит, никто из вас не жил на Керченском полуострове? - продолжает, подполковник.

Он прикалывает к стенке газету, на которой красным карандашом аккуратно вычерчена карта полуострова.

- Смотрите сюда. Это, - говорит он, показывая карандашом на черные кружочки, - населенный пункт Мама-Русская, это мыс Зюк, мыс Тархан, мыс Хрони, это крепость Епикале, город Керчь и южнее населенный пункт Камыш-Бурун... А вот здесь Аджимушкайские катакомбы.

Рассказав о населенных пунктах, прибрежных высотках, подробно охарактеризовав место высадки дивизии, нашей роты, он заключает:

- Запомните, все это пригодится. - И, повернувшись к Сомову, спрашивает: - Водку сегодня получали?

- Получали. Но все берегут, чтобы в море погреться.

- А закусить у вас есть чем?

- Найдется! - отвечаем хором.

- Тогда будем веселиться, что же скучать.

На импровизированном столике вырастает гора консервных банок, хлеба, сухарей, появляются кружки, раскрытые фляги.

- А за что же, товарищ подполковник, выпьем? - спрашивает Шапкин.

- За нашу победу! - звенит Чупрахин. - Что тут спрашивать! Помнится мне один случай...

- Погоди трещать, - останавливает его Кувалдин.

- Нет, товарищи, за нашу победу мы выпьем потом. А сейчас - за знакомство! Ведь мы как следует не знаем друг друга, а знать нам надо: в бой идем, не на вечеринку. Выпьем и поговорим.

Выпиваем: по сто граммов. Сомов закуривает:

- Зовут меня Сергеем, величать не обязательно. Мне двадцать пять лет, окончил Тамбовское пехотное училище. В боях был мало, но был. Родом я из Воронежа. Характер у меня жесткий, люблю дисциплину, воинский порядок. Но в этом я не виноват, так воспитали в училище. Предоставим слово, товарищ подполковник, командиру взвода Шапкину.

Захар поднимается, брови смыкаются в переносье, в глазах суровый блеск.

- Начну с хасанских боев, - будто рапортуя, говорит он. - Мы это, значит, на них в штыки, а японцы-то маленькие...

- Погоди, погоди, - останавливает его Шатров. - Родились вы где?

- В станице...

- Как в станице? Говорили же, в Крыму, во Владиславовне.

- Правильно, во Владиславовке. Жил в станице...

Шатров смеется, смеемся и мы. Растерявшийся Шапкин сильнее хмурит брови и кое-как заканчивает рассказ, поглядывая в мою сторону, будто просит, чтобы я подтвердил.

- Он мой земляк, - наконец отзываюсь, чтобы успокоить Захара.

- А вы что скажете? - обращается Сомов к Чупрахину, рассматривающему пустую кружку.

- Маловато, товарищ лейтенант, еще бы по махонькой: градусов для красноречия не хватает. Но если нельзя, тогда я так, без красноречия, как могу... По рассказам моего дедушки, родился я в городе Каменске. Ну, первым делом назвали Иваном в честь деда. Тут и революция совершилась. Опять же как было дело с моим крещением? Когда выздоровела мать - она после родов легла в больницу - спросила отца: "Крестил?" - "Нет, говорит, теперь Советская власть, можно и без попа обойтись. Ванюшкой назвали". Вот вы смеетесь, а мне тогда было не до смеха, так как между родителями возникли настоящие военные действия.

- Остановить бы, опять его прорвало, - наклоняется ко мне Кувалдин.

- Пусть выскажется.

- Врет же он, - сокрушается Егор, потом смеется вместе со всеми.

- Мать говорит: "Нехристей в семье не должно быть. Это надругание над верой христианской", - воспользовавшись одобрительным взглядом Шатрова, продолжает Чупрахин. - Отец стоит на своем: "Дура, говорит, что ты смыслишь в этой вере!" - "А то, - говорит мать, - что у нехристей не растут на голове волосья. Какой девке полюбится плешивый парень?" Дед потушил пожар. "Вот что, говорит, аники-воины, окрестим мы его дома, купим у горшечников трехведерный кувшин и с богом обряд совершим". Так как деда в семье считали человеком рассудительным, согласились. Купили огромный кувшин, макитрой у нас называется, наполнили водой. Дед вооружился какой-то книжкой, потом выяснилось, что это был учебник по арифметике, прочитал молитву. Ну, значит, бултых меня в эту посудину: расти Иваном. Так что я - дважды Иван. Это надо бы знать фашистам! - вдруг сурово восклицает Чупрахин.

- Узнают, - в тон ему отзывается Шапкин.

- А дальше моя биография неинтересная, - разводит руками Иван. - Кончил ФЗУ, служил на флоте, там и в комсомол приняли. До армии работал на транспорте, в ростовском депо. За хорошую работу премию получал. Был со мной такой интересный случай... Маленько к наркому на чай не попал. Приезжаю в Москву, а там в

наркомате выяснили, что нарком другого Чупрахина приглашал... Море люблю... Это вам, наверное, неинтересно, - опуская голову на грудь, тихо заключает Иван.

Рассказываем о себе часа полтора. Шатров слушает внимательно, кое-что записывает.

- А кто из вас поет? - интересуется подполковник.

- Мухин, - отвечает Сомов и обращается к Алексею: - Спой, Леша. Лейтенант кладет на его плечо руку. Вижу на руке лейтенанта, выше кисти, синий шов недавно зарубцевавшейся раны.

Грудь Мухина поднимается, и с его почти детских, обветренных губ начинает литься ровная песня. Вначале тихо, потом все громче и громче. Щеки Алексея вспыхивают нежным румянцем. У Мухина приятный, звонкий и чистый тенор.

Мухин обрывает песню. Несколько минут в землянке стоит тишина. Шатров застегивает шинель, говорит:

- Да-а, подходяще спето!.. Хорошие люди у тебя, Сомов.

- Леша, спой "Варяга", - вдруг просит Иван.

- Хватит, товарищи, отдыхайте, - распоряжается Шатров и уходит вместе с Сомовым.

А мы никак не можем освободиться от мыслей, навеянных песней. Все куда-то исчезает. Передо мной степь... Далеко, где чистое небо сливается с землей, идут тракторы. Тянется широкая лента пашни. Зябь мягкая, пушистая, как сдоба, - так и хочется потрогать ее, взять в горсть, растереть на ладони и вдыхать сыроватый, отдающий перегноем запах. Прошли теплые осенние дожди. Степь бурно зеленеет. Ожил мятлик, покрываясь свежим зеленым ворсом. Ярко краснеют морозоустойчивые солянки. Придет первый мороз и своей неумолимой рукой оторвет их от земли и бросит на потеху ветру, который соединит солянки в большие шары и погонит по степным просторам до первого оврага или зеленого заслона, где они найдут свой вечный покой.

Люблю осеннее поле! С первыми ночными заморозками над степью пролетают птицы. Высоко в небе черными треугольниками плывут журавли. А воздух до того прозрачен, до того чист и целебен, что чувствуешь, как наливаешься силами. Забываются все мелочи жизни, и перед тобой только она, богатая, необъятная, сильная и вечно молодая наша земля!

С шумом врывается Беленький:

- Товарищ командир взвода! Сомов приказал выходить и строиться - перед посадкой на корабли митинг будет.

- Одеться и проверить оружие! - командует Шапкин.

Осматриваем винтовки, гранатные сумки, противогазы. Захар предупреждает, чтобы у каждого в брючном кармане имелся

медальон с адресом и фамилией. Медальон предназначен на случай гибели, чтобы потом можно было опознать и сообщить родственникам по указанному адресу. С легкого словца Чупрахина этот черный резервуарчик бойцы называют "пропуском в рай". Иван, отвинтив крышку медальона, с озабоченным видом набивает его табаком, старается засунуть туда пару спичек и кусочек терки. Проделав эту операцию, он подмигивает Егору:

- Соображать надо, в море идем.

Выходим на улицу. Вечереет. Грохот штормового моря заглушает наши голоса. Будто пьяные, пляшут на волнах сейнеры. Они кажутся маленькими, как спичечные коробки, брошенные в огромный водоворот. Войска выстраиваются большим четырехугольником вокруг стоящего посредине грузового автомобиля. На машину поднимаются командир дивизии, комиссар и Шатров, одетый в белый полушубок.

Митинг открывает комиссар дивизии. Голос у него простужен, хрипловат. Положив руку на кобуру маузера, он говорит о священной мести врагу, о том, что настал решительный час ударов по гитлеровским захватчикам, что Красная Армия развивает наступление под Москвой, освобожден Ростов, враг отступает на запад.

Стоим неподвижно. Глаза наполнены радостным блеском. Лица у всех строгие, руки сжимают оружие. "Наконец-то, наконец-то, - стучит сердце, заговорила и наша сила..."

- Нам выпала честь первыми нанести удар по врагу здесь, на левом фланге великого фронта, в районе Керченского полуострова. Клянемся, что преодолеем все трудности и точно выполним приказ Родины! - поднимаясь на носках, рубит рукой воздух комиссар дивизии.

- Клянемся!

- Клянемся!

"Клянемся!" - вся земля вместе с нами произносит это слово, заглушая тяжелый шум волн.

- Согласно боевым расчетам, по кораблям! - приказывает командир дивизии.

Живой черный квадрат раскалывается. Сомов ведет нас к причалу. Высокая волна с рокотом бросается под ноги.

- 6

Темная ночь. Упругий, порывистый ветер силится сбросить с палубы. Сейнер то взлетает, то, срываясь с высоты, долго летит в пропасть. Кажется, не плывем, а болтаемся в воздухе, проделывая головокружительные петли.

"Бьются два мира, бьются насмерть, - про себя повторяю слова Шатрова, как-то услышанные от него на наблюдательном пункте.

- Мы верим в нашу победу, потому что ведем справедливую, освободительную войну. Сегодня фашисты в экстазе от успехов, но завтра они рухнут..."

- О чем задумался? - спрашивает Егор, дыша мне в ухо.

- О победе.

- Ты что, адмирал? - вступает в разговор Чупрахин. - Вот удивительно: в такую маленькую головенку, а какая мыслища забрела! Слыхал, Кирилл, о чем речь идет?

Беленький, ухватившись за перила, стоит на коленях. Ему, как и некоторым другим, не до разговоров. Качка начисто опорожнила его желудок, и теперь он при очередном приступе тошноты только мычит, ухватившись за леера.

Порывы ветра делаются резче. Волны кажутся белогривыми львами. Вот они, оскалив пасть, большими скачками несутся навстречу судну. Мгновение - и как щепку швыряет сейнер. Отряхиваемся от воды, жадно глотаем воздух и только успеваем раскрыть глаза, как с прежним ревом обрушивается на нас очередная волна.

Словно молодая необъезженная лошадь, упрямится баржа, прикрепленная к корме сейнера длинным тросом. Она то встает на дыбы, то вдруг шарахается в сторону, зарываясь в кудлатые волны. Надрывно, жалобно стонет буксирный трос.

- Не выдержит, оборвется, - опасается Мухин.

- А ты думай: выдержит, - отзывается Кувалдин.

- Да ведь как треплет!

- Все одно... лопаться тросу нельзя.

На барже среди бойцов второго взвода находится Аннушка. Спрашиваю Кувалдина, где и когда познакомился он с Сергеенко. На мой вопрос Егор раздраженно кричит:

- Нашел время спрашивать!

- Смотрите!

- Трос лопнул!

Налетают очередные волны. Баржа, как подбитая птица, то исчезает, то вновь появляется на поверхности.

- Пронеси, - слышится чей-то голос.

- Я те спаникую! - кричит Чупрахин. - Пехота!

- Надо бы, товарищ лейтенант, помочь, - умоляет Кувалдин Сомова, подошедшего к нам.

- Разрешите, прыгну за тросом? - сбрасывая шинель, обращается к командиру роты Иван.

- Приготовиться к высадке! - не слушая Чупрахина, командует Сомов.

Навстречу из мрака выплывает берег. Лейтенант выхватывает из сумки ракетницу и дает сигнал для высадки.

Содрогается воздух. Это открыли огонь корабли, прикрывающие десант. С тяжелым, надсадным кряканьем рвутся снаряды, окантовывая желто-красным поясом выступ полуострова.

Метрах в ста левее, освещенная заревом разрывов, беспомощно раскачивается на волнах буксирная баржа.

Кричу Егору:

- Смотри, их гонит к берегу!

- Вижу!

Но в это время баржа, высоко поднятая на волнах, тяжело кренится на борт. И сразу вокруг нее, будто брошенная горсть семечек, заколыхались на воде черные точки бойцов.

Сейнер резко стопорит. По коленям хлещут волны. Справа и слева, вровень с нами, останавливаются другие корабли.

- За Родину! Вперед! Урр-а-а! - что есть силы кричит Сомов и скрывается за бортом.

- Урр-а-а! - подхватывает клич Чупрахин и прыгает вслед за лейтенантом.

- Вперед! - призывает Егор, борясь с отливными волнами, которые, ударяя в грудь, стремятся отбросить его назад.

В воде сталкиваюсь с лейтенантом Замковым. Он, чертыхаясь, кричит на артиллеристов, выкатывающих противотанковое орудие на берег. Замечаю Правдива. Он переправляется с третьим взводом. У него в одной руке пистолет, в другой граната.

- Шапкин, бери правее! - командует политрук.

- Черт возьми, уперлись в отвесную кручу! - поглядывая по сторонам, сердито отзывается Захар.

Чупрахин прыгает в сторону, бежит вдоль обрыва:

- За мной, братва, здесь выход!

Устремляемся вслед за Иваном. Неожиданно на пути вырастает пулемет противника. Падаем между камней. Пули звонко секут скалы. Егор поворачивается к Шапкину:

- Надо убрать этого гада. Разрешите?

- Погоди...

- Что "погоди"! - возражает Чупрахин, ерзая на животе. - Пошли, Егорка, линия одна - вперед! - поднимается он.

Ползем к проходу. Одна за другой рвутся гранаты. Карабкаясь по скалам, преодолевая кручи, наконец достигаем небольшого плато. Впереди виднеется населенный пункт. Оттуда бьют немецкие минометы. Мины падают почти рядом. Их разрывы похожи на тявканье молодых собак. Снова вижу политрука. У него на левом рукаве пятна крови.

- Кто здесь коммунисты? - громко спрашивает он залегших бойцов.

- Все мы сейчас коммунисты. Я коммунист, - быстро орудуя саперной лопатой, отвечает Кувалдин.

- А я комсомолец, матрос, - кричит Чупрахин, продолжая наблюдать за поселком.

К политруку, запыхавшись, подбегает Беленький:

- Товарищ политрук, командир роты тяжело ранен, не может встать.

- Приготовиться к атаке! - раздается голос политрука. - Я командир, слушай мою команду!

Из-за скалы артиллеристы выкатывают орудие. Замков подбегает к Правдину.

- Сейчас поможем, - говорит он и тут же подает команду расчету: Огонь!

- В атаку! - зовет Правдин и, согнувшись, бросается вперед. В правой руке он держит автомат и стреляет на ходу.

Догоняю политрука. Чувствую, что он задыхается. Рядом замечаю Кувалдина и Чупрахина. Стараюсь не отстать от них.

- Урра-а! - басовито кричит Кувалдин.

Десятки голосов подхватывают призывный клич. Кто-то, сраженный пулей, падает справа, слева, впереди... Но остановиться уже нельзя: до вражеской траншеи не более двадцати метров. Отчетливо видны перекошенные лица гитлеровцев.

- Урра-а!..

- Аа-аа-аа, - откликается на флангах.

- Аа-аа-аа, - напрягаю голос и прыгаю через траншею.

Кто-то хватает меня за ногу. Падаю, повернувшись назад, вижу: бледный, с оскаленным ртом фашист. Пытаюсь вырваться. На помощь подбегает Мухин. Он бьет гитлеровца прикладом по голове.

Поле боя уже не оглашается сплошным гулом. "Ура" гремит лишь в местах, где немцы еще оказывают сопротивление.

- Не останавливаться! - предупреждает политрук. - Выходить на западную окраину поселка. - У Правдина черное лицо, раненая рука лежит на груди, подвязанная поясным ремнем. Без шинели, в ватной телогрейке, он кажется еще выше.

Залегаем у каменной ограды. Наступает затишье. Вдруг с крыши дома ударил автомат. Пытаемся определить направление огня. Шапкин приказывает мне узнать, кто это стреляет. Делаю несколько коротких бросков - и вдруг с крыши падает на мерзлую землю фашист.

- Ха-ха-ха, - кто-то хохочет вверху. - Не бойся, он обезвреженный.

Задираю голову: Чупрахин прилаживает к коньку крыши

кусок кумача. Вражеская мина рвется за оградой.

- Ишь как злятся, цвет им не нравится. Водрузив флаг, Иван спрыгивает на землю.

- Воюем! - говорит он. - Знамя-то развевается... Красное, наше, советское.

Из окошка подвала выглядывает стриженая головка мальчика.

- Дяденька, теперь можно? - спрашивает паренек Чупрахина.

- Теперь вылезай, - отвечает Иван и протягивает руку, помогая мальчишке выбраться из подвала. Мальчик по-взрослому докладывает Чупрахину:

- Геннадий Захарченко, разведчик из катакомб.

Иван тащит его за угол, в безопасное место, и рассказывает мне:

- Подполз к дому, вижу: из подвала смотрит на меня эдакая симпатичная рожица и серьезно предлагает мне свою помощь. Сиди, говорю, там, без тебя управлюсь. Ты как же сюда попал? - спрашивает Иван у Геннадия.

- Я из катакомб. Ночью ходил в село за картошкой, а когда возвращался, фашисты взорвали вход в каменоломни. Наши, конечно, там погибли. Пришлось обратно в село идти. Спрятался в подвале. Пять дней сидел... И тут вы пришли. Возьмите меня с собой. Я здесь все тропы знаю, умею стрелять из автомата. Возьмите, не пожалеете. У меня даже граната есть, - похвастал вдруг он и достал из кармана завернутую в тряпицу лимонку. - Настоящая, только нет запала.

- Нет, хлопец, останешься здесь. Вот тебе дом, и хозяйничай в нем, решительно возражает Чупрахин и отводит мальчика в подвал.

Политрук вновь поднимает роту в атаку. Огородами и садами выходим на западную окраину поселка. Далеко в складках местности теряются мелкие группы отступающего противника.

Поступает распоряжение окопаться.

- Фриц бежит, а мы остановились, - недовольно замечает Кувалдин, па минуту разогнув спину.

- Разговорчики! - обрывает его Шапкин, примостившийся в воронке от снаряда. Его лицо испачкано пороховой гарью, вырван кусок шинели, и сквозь дыру виднеется нательная рубаха. Вспоминаю, что в моей ушанке приколота иголка с ниткой. Предложить разве взводному в роте, не сообщать о нем тому "косолапому матросу", который запер его в подвале.

- Как же ты сюда попал?

- Как все, - с серьезным видом отвечает он. Я советую ему залезть в нишу и сидеть там, пока не наступит ночь.

- И ты никому не говори. Ладно? - выглядывая из укрытия, обращается он к Мухину.

- Хорошо, - соглашается Алексей.

В траншее появляется Замков. Вытирая платком лицо, лейтенант интересуется:

- Ну, как вы тут, товарищи, устроились? Что-нибудь заметили подходящее для нас? Мои огневики не подведут! - Он ползет к Шапкину и оттуда наблюдает в бинокль за противником.

Кувалдин развязывает вещевой мешок и открывает банку консервов.

- Ешь, - предлагает мне, но сам не ест, а, сев напротив, молчит.

- О ней думаешь? - спрашиваю Егора. - Может быть, выплыла. Говорят, многих спасли, - утешаю Кувалдина, а заодно и себя.

- Не до них было.

- Почему?

- Ладно меня успокаивать. Вон Кирилку успокой, а то совсем парень скис. Попрыгай - замерзнешь, - советует ему Егор.

- Вот бездельники, - укоряет нас Чупрахин, появившийся с большой вязанкой поленьев на спине. - Я и дров принеси, и соломы для растопки, и нишу для очага ковыряй. Черти невысушенные, ведь простудитесь. Сейчас устрою вам комфорт.

Он быстро разводит костер.

На левом фланге гулко разрывается несколько снарядов.

- Злится, - замечает Иван, старательно отвинчивая крышку медальона и извлекая оттуда кусочек терки и спичку.

Политрук сообщает, что наши части подошли к Керчи, десант успешно справился с боевой задачей.

- Это хорошо, но вот остановились мы напрасно, оторвется фашист и уйдет, - басит Кувалдин.

Я замечаю, с какой строгостью посмотрел на него Шапкин.

- Ты что все долбишь: напрасно, напрасно! - прикрикивает он на Егора, когда уходит политрук. - Ты что, лучше командующего разбираешься в стратегии?

В костре шевелятся синеватые языки пламени. Падают легкие, пушистые снежинки. Слышатся раскаты шторма.

Иван предлагает мне плитку шоколаду:

- Бери и помни: - где Чупрахин, там знай наших! Ребята, кому подштанники заменить, у меня есть чистое белье. Люблю порядок. Это у меня от деда такая наследственность. Жил у нас в селе гражданин, по прозвищу Митрофан - незаштопанный сарафан. Ух как не любил его дед! Однажды Митрофан у деда рубль взаймы попросил...

Глаза слипаются, сквозь дрему слышу, как сокрушается Иван:

- Здрасте, я им про Митрофана, а они спят. Ну и пехота, матушка-рота.

Ночью во взводе появляется Шатров. Он предупреждает:

- Если гитлеровцы пойдут в атаку, высоту не сдавать, постараться захватить пленного. Вас будет поддерживать дивизионная артиллерия.

- 7

Впереди полыхают разрывы; небо дымное, черное. В двух метрах сидит Кувалдин и, как это он часто делает, грызет сухарь, медленно, долго. Меня это раздражает.

- Перестань!

Егор и ухом не ведет. Подползаю, дергаю за рукав:

- Слышишь?

Егор лениво смотрит в лицо, на скулах шевелятся желваки.

Час назад фашисты опрокинули на окопы огромную чашу огня и металла и льют эту тяжелую смесь без конца. Я тревожусь за Генку: он еще в нише, и, если Егор узнает о нем, он устроит мне нахлобучку.

- Хилый ты, студент! - кричит Кувалдин, пряча в карман недоеденный сухарь. - Сейчас они пойдут, готовь гранаты.

...Гитлеровцы идут плотными рядами, плечом к плечу: издали кажется, не цепи, а зеленые морские волны. "Хо-хо-хо!" - перемешиваются с выстрелами их выкрики.

Бьет наша артиллерия. Катящаяся гряда начинает редеть: в ней появляются просветы, одни фигурки отстают, другие спотыкаются, неуклюже падают, замирают на месте.

- Огонь! - заглушая выстрелы, командует Егор.

"Трах-тах-тах... Тррр-тррр, тах-тах". Стреляем дружно, почти в упор.

- Танки! - вскрикивает Беленький.

- Что орешь? - одергивает Кирилла Кувалдин. - Перестань метаться!

На гребне высотки вырастает длинная цепь неуклюжих коробок. Тотчас же среди них вспыхивают яркие снопы разрывов.

Неожиданно в траншее появляется Правдин.

- За Родину! - он взмахивает тяжелой связкой гранат, но голос его сразу тонет в гуле орудий и лязге гусениц.

Я тоже сжимаю в руке гранату и смотрю на Егора: он уперся ногой в стремянку окопа, нацелился в подползающий танк.

- Получай!

Машина, будто споткнувшись, останавливается, потом сердито кружится на месте, словно гигантское чудовище, лишившееся одной ноги. Из-за подбитых и остановившихся черных коробок выползают другие - тяжелые, дышащие жаром.

Минуту, другую танки висят над головами, плотно закрыв траншею стальными днищами.

Неподалеку падает снаряд. Комья земли поднимаются кверху, летят нам на головы. Раздается оглушительный взрыв. Траншея наполняется дымом. Некоторое время лешим неподвижно.

- Это Замков влепил в танк, - едва слышу Чупрахина. Усиленно протираю уши: в голове шум.

...Иван что-то говорит мне. Потом вытаскивает меня из траншеи. Впереди колышутся желтые языки пламени. Словно лягушки, лежат в зеленых шинелях трупы гитлеровцев. Гляжу на них и не чувствую ни злости, ни сожаления, будто вижу какие-то предметы, на которых случайно остановился взгляд, поскольку они попали в поле зрения.

Позади, в десяти метрах от траншеи, раздавленная танком сорокапятка. Из укрытия вылезает Замков. Он подходит к остаткам орудия, долго смотрит на изогнутые части,

Наши продвинулись вперед, и теперь высотка, на которой находилось боевое охранение, стала передним краем. Не вижу Мухина. Егор утверждает, что Алексей был на своем месте до конца боя, а куда делся - не заметил.

Я бросаюсь к нише: мальчика нет. Странная усталость давит на плечи. Я сильно заикаюсь, Чупрахин советует говорить нараспев и тут же приводит случай, который произошел с его бабушкой, когда она еще ходила в девках.

- Волк напугал ее, - рассказывает он, угощая меня папиросами и тыча под бок Кирилла, сосредоточенно рассматривающего немецкий автомат. - Но она же барышней была. Кто заику полюбит? Начали лечить. И каких трав не давали ей! Поди, с тонну она съела всякой растительности, а заикание не проходит. Тогда один старичок посоветовал: "Вы ее еще раз напужайте - пройдет". Напугали. После этого она месяц хворала. Старик говорит: "Перепускали. А перепуженных одно средство лечить - пусть песий играет". И начала бабушка петь. Все поет: разговоры поет, с родителями говорит - поет. И что вы думаете, так развила голосовые штуковины, что потом в церковный хор ее приняли. Так что ты, Николай, не отчаивайся, а говори спасибо, что тебя маленько пришибло, все нараспев тяни, потом Лемешева заменишь в Большом театре.

- Смотрите! - Шапкин показывает вдоль траншеи. По косогору поднимается Мухин. Впереди Алексея шагает гитлеровец с поднятыми руками, а чуть в сторонке с видом бывалого вояки идет Генка с трофейным автоматом.

- Убежать хотел, - докладывает Алексей взводному. - Ох и шибко бегает, зверюга! Вот Геннадий помог мне.

Егор подходит к мальчугану и берет его за подбородок:

- А ты, малыш, откуда взялся тут?

- Так я же, товарищ командир, служу у вас!

- Как служишь? Давно? - удивляется Кувалдин.

- Да уже часов двадцать, - бойко отвечает Геннадий.

- А лет тебе сколько?

- Осенью будет четырнадцать.

- Кто это его взял? - обращается к нам Егор. Чупрахин, взглянув на меня и, видимо, поняв все, спешит объяснить:

- Егорка, пацан, видать, с морской закалкой. Я его вчера запер в подвале, а он, чертенок, оказался на передовой. Чего ты на него шумишь, малыш уже обстрелянный.

- "Обстрелянный", - повторяет Егор. - Надо отвести к Шатрову, он устроят его в тылах, а здесь ребенку не место.

Окружаем гитлеровца. Он отчаянно моргает, словно еще не веря, что попал в плен. Шапкин приказывает Мухину отправить пленного на КП роты.

- Зачем? Шлепнем его здесь, и пусть себе отдыхает в Крыму, - предлагает Чупрахин, тыча стволом автомата в живот немцу.

Фашист прячется за Шапкина.

- Понимает, кто здесь старший, - удивляется Иван. - Вот сейчас как трахну по твоей чугунной башке, красной юшкой умоешься!

- Убери оружие, он пленный, - останавливает Шапкин Чупрахина, отвоевался. Ведите, Мухин.

- Погоди, товарищ командир, - просит Кувалдин.

На лице у Егора вздуваются желваки, глаза темнеют, округляются. Вот такое лицо было у него, когда мы прыгали с сейнера в воду.

- Дай солдатской душе потолковать: Студент, ты по-ихнему, кажется, можешь говорить? - Кувалдин поворачивается ко мне: - Можешь?

- Мы-мы-ммогу.

- А ты говори нараспев, - советует Чупрахин. - Спроси у него, почему он полез на нас.

- Правильно, - поддерживает Егор. - Попытай, много их тут в Крыму-то?

Стараюсь говорить, но у меня получается сплошное заикание. Чупрахин злится:

- Вот дурья башка, тебе советуют: пой, пой, нараспев говори. А то я с ним сам, он поймет меня на всех языках!

- Ска-жи, м-мно-но-го ва-ас, в Крым-му-у? - пою по-немецки.

- Чуйт, чуйт, софсем чуйт...

- Слышите? - сверкает глазами Чупрахин. - Заговорил по-

русски. Тогда слушай, фриц, что я спрошу.

- Мы ни фриц, ни, ни...

- Не возражай, когда с тобой говорит Ванька Чупрахин. Это я Ванька Чупрахин; Понял? А вот это - Егор Кувалдин. Это - Мухин. А вот этот - Кирилл Беленький. Вот, значит, мы тут промеж себя такое дело порешили: отучить вас, колбасников, в чужие хаты факелами швыряться. Осилим эту задачку, а?

- О-о! Да, да! Гитлеру капут, рус большой медведь.

- Ах ты гадина, медведем обзываешь! - Чупрахин замахивается на гитлеровца. - Я твой танк спалил и твоего Гитлера прикончу!..

- Не смей! - останавливает его Шапкин. - Мухин, отведите пленного к командиру роты и сдайте его под расписку. Выполняйте. И мальчишку захватите с собой...

- Эх ты, Чупрахин, испортил все, - вздыхает Егор и садится на свое прежнее место.

- "Испортил", - отзывается Иван. - Как тут можно удержаться, когда перед глазами такой экспонат. На кой черт Мухин привел его сюда? Они нашего брата под расписку не сдают. А тут, видите ли, сдайте под расписку. Как это, по-твоему, Кирилка, хорошо? Молчишь? Значит, нехорошо?

- Злой ты человек, - замечает Шапкин, помогая Кириллу зарядить трофейный автомат. - Этого пленного допросят в штабе, возможно, он сообщит важные сведения. Понимать надо!

- Злость на врага человеку не помеха. Правду говорю, Егор? - роясь в вещевом мешке, парирует Иван.

Кувалдин молчит. О чем он думает? Подхожу к нему. Вчера узнал от политрука, что Аннушка выплыла на берег, сейчас находится на КП дивизии. Сообщить об этом?

- Слышал, Аннушка спаслась? Герой, а? - стараюсь ободрить Егора.

Кувалдин ничего не разобрал.

- Ты что промычал? - наконец говорит он. - А ну пропой, слышишь, пой!..

- А-анну-уш-шка-а, на-а-а ка-а пэ-э...

- Врешь, все успокаиваешь...

- Ки-ке-кляну-усь.

Кувалдин хватает за плечи, трясет. И начинает смеяться, смеется долго, заразительно. Потом вдруг говорит:

- А знаешь, Николай, ты уже годишься в подносчики патронов. Хорошо сегодня дрался... Значит, Аннушка жива. Ты не смотри так! - прикрикивает он и переходит на шепот: - Тебе откроюсь, знаешь, что для меня Анна?

И, сбив шапку на затылок, мечтательно рассказывает, как

познакомился с Аннушкой, переписывался с ней. Перед войной на одном занятии Егор сильно ушиб ногу. Его положили в госпиталь. Полк ушел на фронт, а он, разыскав Сергеенко в Ростове, где она училась на курсах радистов, вместе с ней попал на формировочный пункт. Рассказывает неумело, сбивчиво и неожиданно заключает:

- Аннушка - моя жена.

- Чи-чи-что?

- Хватит, сказал - больше ни слова!

Вздохнув, принимает прежнюю позу. Ослышался или действительно он сказал: Аннушка его жена? Лучше бы этого не слышать.

А Егор говорит о другом:

- Тишина какая! Будто и не было боя... Окопается на Акмонайских позициях, тогда придется лишнюю кровь проливать. Сидеть нам тут не дело.

- Опять он свое. Куда пойдешь, когда так контратакует.

- Немцы, они хитрые, у них боевого опыта больше, - словно отвечая на мои мысли, продолжает Кувалдин. - Частью сил контратакуют, а остальные отводят на более выгодные рубежи.

Шапкин тихонько останавливается за спиной у Егора. Вытянув шею, настораживается, замечает мой взгляд, произносит:

- Гений! Талант! Эх, Кувалдин, шел бы ты помощником к командующему фронтом. Болтаешь тут всякую глупость... Собирайся, пойдешь за ужином.

Через час Егор возвращается. Вместе с ним приходит Шатров. Он расспрашивает о вновь выявленных у противника огневых точках. Вооружившись биноклем, устраивается в отдельном окопе. Сидит там до утра. Со стороны Керчи доносится какой-то гул. Шапкин предполагает: фашисты готовят контратаку, и приказывает подправить разрушенные места траншеи. А когда Шатров покидает окоп и спускается к нам, задаем ему вопрос:

- Фашисты готовят контратаку?

Подполковник набивает трубку табаком и, словно рассуждая вслух, говорит:

- Не то, не то... Товарищ старший сержант, усильте наблюдение за выходом из Керчи. Похоже на то, что противник готовится к отдыху.

Он уходит. Сейчас, видимо, доложит командованию о своих наблюдениях, и, возможно, завтра пойдем вперед, Скорее бы.

- 8

Заря расплескала краски. Розовая заводь занимает полнеба. Чувствуется приближение дня. И от этого радостнее становится на душе.

В ночь на 29 декабря были высажены новые десанты наших войск на побережье в районе Керчи и Феодосии. Гитлеровцы дрогнули. Мы совершили рывок на сто километров и вышли на Акмонайские позиции: впереди крымский простор, а там - Севастополь, где ждет нас Приморская армия, вот уже много дней отбивающая бешеные атаки гитлеровцев.

- Вот так, Алеша, русский немцу всыпал перцу! - Чупрахин угощает очередным случаем, который произошел с ним во время преследования противника.

- Вгорячах-то маленько вырвался вперед, - рассказывает Иван, - а останавливаться неохота, потому как злости не позволяет. Я, когда разозлюсь, могу самого себя поднять одной рукой. Да! Вот так возьму за воротник - и будьте любезны, Иван, повисите в пространстве. А впереди же немцы! Какой резон русскому солдату перед фрицами останавливаться. Жму на самой высшей скорости и слегка поругиваюсь. И вдруг впереди огневая точка затараторила. Пули так и поют над ухом. Эх, думаю, худо бы не вышло. И поблизости лейтенанта Замкова нет. Он бы со своими боженятами быстро усмирил фашиста. Осмотрелся на ходу: с бугорка сечет. Я немного в сторону. Заметил, змей! Прижал меня к земле, и нет никакой возможности подняться...

- А дальше? - воспользовавшись тем, что Чупрахин раскуривает погасшую папиросу, спрашивает Беленький. - И злость не помогла?

- Помогла! Моя злость на врагов без осечек. Сбросил с себя шинель, сбил ее попышнее и оставил на виду у фрица, - а сам в сторонку да лощинкой ловчусь с тыла зайти. Подполз к нему и глазам не верю: обер-лейтенант лежит за пулеметом и мою шинель дырявит. Думаю: возьму живьем и заставлю штопать каждую дырочку. И в этот миг он поворотил ко мне голову: глазищи навыкат, брови на лоб, губы буквой "о" - испугался, значит. Руки вверх, говорю! Нет, не поднял, то ли от испуга, то ли офицерский гонор в нем заговорил... Самому придется штопать шинель. Но ничего, обер не последний! - восклицает Иван, обжигая окурком пальцы.

Приходит Кувалдин. Его вызывал к себе командир роты. Он молча подсаживается к нам, вытаскивает из-за голенища суконку, протирает автомат. Тщательно протерев оружие, говорит:

- Шапкина отозвали в штаб дивизии, новое назначение получает.

- Шагает здорово, в генералы попадет, - замечает Чупрахин.

Вспоминаю марш: если бы я тогда сказал, что стрелял по самолетам вовсе не Шапкин, наверное, по-другому все сложилось бы. Случай этот кажется настолько далеким и ничтожным, что

неудобно и вспоминать о нем. Шапкин растет в бою. Интересно получается: до войны ходила худая слава о человеке, а вот столкнулся он с настоящими трудностями - стал другим.

- А кто же взводом будет командовать? - спрашивает Мухин.

- Приказали мне, - отвечает Кувалдин.

Чупрахин, заметив на прикладе автомата грязь, торопливо счищает ее. Мухин расправляет на груди лямку противогаза. Губы Егора вздрагивают в легкой улыбке: он заметил, как мы реагировали на его сообщение. Только один Беленький остается неподвижным. Он вздыхает:

- Что-то из редакции не дают поручений. И в животе штормит - не разогнешься. Разрешите в санроту сбегать, - обращается он к Кувалдину.

- Иди, коли штормит, - отпускает Кувалдин, - только доложи политруку.

Кирилл, согнувшись, срывается с места и вскоре исчезает за поворотом траншеи.

- Штормит, - посылает ему вслед Иван. - Слово-то какое! - И немного погодя трогает Кувалдина за плечо: Егорка, то есть товарищ командир, надо бы того, - Иван выразительно щелкает по шее, - обмыть твое назначение. У меня трофейный коньяк есть: выпьем, и командуй нами вплоть до генеральского чина. По внешности генерал тебе очень идет. Только улыбка у тебя бабья. Но ничего, ту улыбаешься раз в неделю, этот брачок не заметят. Нальем, что ли, товарищ командир?

- Коньяк, говоришь, трофейный? Дай-ка флягу.

- Пожалуйста, чистейшей трофейной марки, обер-лейтенантский. А они, эти оберы, вкус в нем понимают.

Кувалдин берет флягу, открывает, тянет носом:

- Запах приятный.

- Ангельский напиток, - хвалит Чупрахин. - От всех хвороб микстура, примешь сто граммов - и чувствуешь себя Ильей Муромцем.

- Пробовал? - интересуется Кувалдин,

- Воздержался.

- Почему?

- Забыл.

- Хорошо сделал, что забыл. - И Егор выливает коньяк на землю. Чупрахин некоторое время молча смотрит на желтоватую лужицу, потом на Кувалдина.

- Это как же понимать? Товарищ командир? - ледяным голосом спрашивает Иван.

Кувалдин стоит перед ним, высокий, с широкой грудью, с опущенными по швам руками.

- Запрещаю! Отравиться можно. По местам!

Закурив, Егор смотрит в сторону противника. Впереди слегка всхолмленная местность, припудренная легким снежком. В утренних лучах солнца искрится земля.

- Нехорошо получилось.

- Что нехорошо?

Кувалдин гасит папиросу, отбрасывает окурок в сторону.

- Ты вот скажи мне, - оживляется он, - много видел пленных? Отпрянул фашист, поэтому мы так быстро проскочили эти сто километров. Проскочить-то проскочили, а хребет фашисту не сломали. Главное в бою - сломать противнику хребет, а потом бери его - не уйдет. Нынче война не та, что раньше... Раньше пространство брали, города завоевывали, а теперь надо живую силу брать. А у нас получилось не так, не так. - И признается мне: - Это не мои слова. Когда я был в штабе, Шатров так говорил комдиву. И полковник Хижняков соглашался с ним.

- Он же -полковник. А мы - маленькие люди.

В воздухе появляются немецкие самолеты. Они идут друг за другом длинной вереницей, словно нанизанные на шпагат.

Бомбы падают между первой и второй траншеями. Комья земли попадают в окопы. Отряхиваемся и смотрим вслед уходящим бомбардировщикам. Стрекочут пулеметы, рвут воздух ружейные выстрелы, серыми кляксами вырастают на небе разрывы зенитных снарядов. Чупрахин таращит глаза на тающие в воздухе точки немецких бомбардировщиков и кроет наших зенитчиков:

- Фронтовой паек жрут, а как стреляют! Руки отбил бы за такую работу. Ну мыслимо ли столько сжечь снарядов и ни одного не сбить! Лоботрясы! Кашу съели, сто граммов выпили, а на порядочную стрельбу, видите ли, у них умения нет.

- "Ястребки" наши! - кричит Мухин.

Вспыхивает воздушный бой. Он длится не более трех минут. А когда сбитый вражеский бомбардировщик падает в море, Иван потрясает автоматом:

- Молодцы, свалили одного чижика-пыжика!

Чупрахин долго не может уняться.

- Хватит, разошелся! - стаскивает его с бруствера Кувалдин. - Подправь окоп. И ты без дела не стой, - обращается он ко мне, - займись нишей для боеприпасов.

Повесив автомат на грудь, Егор уходит по траншее на левый фланг взвода. Чупрахин бросает ему вслед:

- Круто Егорка берет! Но ничего, он парень, видать, с искрой в голове.

- Командир, - говорю я, вынимая из чехла саперную лопату.

- Коньяк загубил, а так, что же, солидный командир. - Чупрахин, поплевав на ладони, приступает к делу. - Люблю ковырять землю. И откуда у меня такой талант - сам не знаю.

Возвращается Беленький. Он разглядывает нас так, будто мы вернулись из преисподней.

- Целы? А бомбы? - не говорит, а ловит воздух. - А там угодило в тылы.

- Врешь! Убитые есть? - подбегает к нему Мухин.

- Не рассмотрел... Из санроты прямо сюда. И зачем так близко к передовой расположили медиков?

Вижу, вприпрыжку бежит Егор.

- Ты правду говорил: выплыла она. Смотри тут. Правдину звонил, он разрешил на часок. К ней бегу. И, не задерживаясь, уходит.

- Что это с ним? Никак, немецкого генерала взяли в плен? - спрашивает Чупрахин.

- Похоже на то, - отзывается Мухин со своего места.

- Это он побежал к знакомой девушке, - поясняю ребятам.

- К бабе, и так бегать? - удивляется Чупрахин.

- Смотри, сам не так побежишь! - замечаю Ивану.

- Чупрахин ни за одной юбкой пока не бегал, - расправил плечи Иван. - Я к нежностям не расположен. А без нежностей, какая же, любовь - так, вроде этой обгорелой спички: огня не жди.

- А Машу Крылову сразу приметил, - напоминаю Ивану о докторе.

- Это хирурга-то? Ничего девушка, только она же врач. Боюсь одного вдруг меня ранят, и я попаду в ее руки... Спаси меня, боженька, от вражеской пули и осколка, - дурашливо крестится Иван.

Отчетливо представляю Аннушку, их встречу с Кувалдиным. Какая-то чертовщинка волнует сердце, волнует и щемит. На минуту перестаю замечать все, что окружает меня, вижу только одно лицо Аннушки с большими глазами, в которых сверкают живые звездочки.

...Кувалдин приводит с собой красноармейца с рыжей бородой и такими же рыжими усами, крупным носом и щербатым ртом. Он представляется нам деловито, словно пришел учить нас какому-то важному ремеслу, в котором мы совершенно не разбираемся.

- Прохор Сидорович Забалуев, - подает каждому из нас свою шершавую руку. - Значит, вот такая статья, - добавляет он, - будем вместе немчишку постреливать. - И, заметив у Чупрахина под ногами валяющийся боевой патрон, прикрикивает: - Добро топчешь, подними! Соображать надо: ведь в этой боеприпасе твоя

же сила, парень! Учить вас надо!

Иван круто поворачивается к Забалуеву, с удивлением смотрит на него:

- Это ты, отец, мне?

- Не таращь глаза, подними!

- Слушаюсь, товарищ генерал! - нарочито вытягивается Чупрахин перед Забалуевым. Подняв патрон, говорит: - Скажи мне, Прохор Сидорович, на какое расстояние полетит вот эта самая "боеприпаса", если пульнуть из твоей винтовки? И может, ты ответишь заодно на такой пустячный вопрос: когда кончится вот эта канитель, которую называют войной?

Забалуев поглаживает бороду. Его взгляд останавливается на Мухине.

- Когда я был вот таким мальчонкой, - показывает он на Алексея, первая мировая война шагала по планете. Потом началась гражданская. Так вот эту боеприпасу я, брат, четыре года пулял...

Начинаем спорить: высадятся ли Англия и Соединенные Штаты в Европе, чтобы нанести удар фашистам во Франции.

- Все идет к этому, - проявляет свою осведомленность Беленький. - По этому поводу, говорят, идут правительственные переговоры. Скоро гитлеровцам придет крышка, время работает против них.

- Крышка-покрышка, - ворчит Чупрахин. - Не верю я этим американцам и англичанам. Они ведь за здорово живешь помощи нам не окажут. Империалисты делают все с выгодой для себя. Так я говорю, Кирилл Иванович?

Беленький, подтянув ремень, длинно отвечает:

- Если говорить с точки зрения стратегии, то есть основного удара, и учитывать политические события, которые сейчас происходят, то надо прямо сказать, Чупрахин не прав. Вот я, когда учился в институте...

- Погоди, погоди, Кирилл Иванович, - прерывает Кувалдин Беленького. Прямо говори: выступит Америка на нашей стороне против гитлеровцев?

- А чего тут отвечать: все зависит от места, условий и времени. Понимаете, я вам сейчас разъясню...

- Пошел философ петлять! И где его такой мудростью начинили? удивляется Чупрахин и обращается к Егору: - Ты сам, Кувалдин, ответь: выступят они на нашей стороне?

Артиллерийский налет прерывает спор.

После обеда приходит Правдин. Нос у него заострился, фуфайка вся иссечена, рука по-прежнему на перевязи. Хочется подойти к политруку, сказать что-то хорошее, теплое.

- И чего этот проклятый фриц вдруг замолчал? - возмущается Чупрахин. Не выношу тишины! Товарищ политрук, скоро мы двинемся вперед? Что за стратегия сидеть в окопах? Мы же не какие-нибудь англичане, чтобы комфорт в окопах устраивать, правда, дядя Прохор?

Забалуев поглаживает бороду:

- Не знаю, браток. - И добавляет: - Война долгая будет. Привыкай сидеть в окопах.

- "Привыкай"! - передразнивает Чупрахин Забалуева. - Это вам не четырнадцатый год, отец! Сказал же, "Долгая!" Ты, видать, старой закваски солдат, но ничего, мы тебя перевоспитаем.

- Есть, товарищи, очень важное дело, - сообщает политрук. - Надо к немцам сходить - разведать. Кто из вас пойдет добровольно?

Некоторое время длится молчание. Правдин поправляет повязку. Забалуев посасывает самокрутку. Мухин теребит в руках ружейный ремень. Беленький смотрит себе под ноги.

Первым отзывается Чупрахин:

- Пишите, товарищ политрук: матрос Иван Чупрахин, это я, значит... Ну, что молчите? - кричит он на нас. - Языки проглотили?

Делаю шаг вперед. Правдин окидывает меня испытующим взглядом. Видимо, мое телосложение не внушает ему доверия.

- Он по-ихнему говорит. Очень может пригодиться, товарищ политрук, поясняет Чупрахин. - Пусть идет.

- Я пойду, - поднимается Кувалдин.

- Пишите, - поправляет автомат на груди Мухин.

Дядя Прохор толкает в бок Кирилла, шепчет на ухо:

- Не робей, сынок, отзовись!

Горячая волна срывает с голов шапки.

- По местам!

Пригнувшись, мы разбегаемся по траншее. Артиллерийский обстрел длится несколько часов.

Ночью политрук, собрав нас к себе, рассказывает, как будем готовиться для перехода линии фронта, говорит, что группу возглавит Шапкин.

- Но это не сегодня и не завтра, - поясняет нам Правдин и лощинкой уходит на свой наблюдательный пункт.

- 9

С левого фланга, где находится Феодосия, доносится гул артиллерийской канонады. Он начался ранним утром, когда еще светились на небе звезды, и продолжается уже больше часа. Когда он прекратится, никто не знает. Дядя Прохор, положив рядом с собой автомат, штопает шинель. Дырочка небольшая, но на

видном месте - на плече: это след осколка. Но Забалуев умалчивает об этом. Чупрахин, глядя, как Прохор ловко орудует иголкой, замечает:

- Портным, что ли работал?

- Нет, не угадал, садовник я. Есть такая станица Ахтапизовская, слышал?..

- Как же, знакомый населенный пункт, - отвечает Иван. - Помнишь, Бурса, у колодца индюка встретили, говорил нам: сколько вас тут иде, а он все про и пре. Помнишь, па Петра Апостола похожий, с длиннющей белой бородой... Георгиевский крест у него на груди.

- Ну и что? - настораживается Забалуев.

- А то, что индюком он, тот крестоносец, оказался. Шибанули мы фрица, и будь здоров! - Чупрахин надевает каску, поднимается на бруствер. Улегшись поудобнее, он наблюдает, как мечутся за холмами вспышки разрывов. Забалуев дергает его за ногу:

- Слышишь, слезай браток, нечего тебе там торчать, а то шальной осколок черябнет, и будет тебе индюк.

- Отстань, - брыкается Иван. - Опять бомбардировщики летят, - сообщает он. - Заходят, разворачиваются. Ребята, наши появились... Под хвост им! Так! Горит один вислобрюхий!

Покачнулась земля, дохнула в траншею горячая волна воздуха, даже руки ощутили прикосновение тепла. Забалуев силой стаскивает Чупрахина вниз. Иван отряхивается и сердито спрашивает Прохора:

- Чего мешаешь смотреть на их смерть? Ведь сбили одного вислопузика.

- А это, это что? - Забалуев тычет пальцев в черную дырку на левом рукаве Ивана.

- Пошел ты к черту! - отмахивается Чупрахин и бежит в укрытие.

- Ершистый парень, - говорит мне Прохор. - Пойди посмотри, по-моему, его ранило.

Меня опережает Мухин. Когда мы остаемся вдвоем, Прохор сообщает:

- Старик-то, которого вы видели в Ахтанизовской, мой тесть, если, конечно, при Георгии был. Такой у нас один на всю станицу. И напрасно матрос индюком обзывает его. - Забалуев достает кисет, неторопливо скручивает папиросу. И, уже забыв про тестя, спрашивает: - Устоят наши на левом-то?

- Должны, - коротко отвечаю, прислушиваясь к гулу канонады.

- И я так же полагаю: устоят, иначе нельзя, - зажигая спичку, соглашается он. - Трудный у нас участок фронта, с трех сторон

море, в случае неустойки беда может случиться. Я врангелевцев в двадцатом тут доколачивал. Серьезный противник был. Вооружение английское да хранцузское, и личный состав - одно офицерье. И все же, когда мы под командованием товарища Фрунзе штурмом взяли Сиваш, тут барон и выдохся: в несколько дней мы его порешили. Нам стоять на месте не дело, надо идти вперед, - рассудительно заключает Прохор. - Кувалдин так же говорит.

"У Егора искра в голове", - вспоминаю слова Чупрахина. А может быть, никакой "искры" у Кувалдина и нет: мало ли в наших головах нетерпеливых мыслей.

...За поворотом траншеи Чупрахин сталкивается с Кувалдиным.

- Куда бежишь? - останавливает его Кувалдин.

- Я? А черт его знает куда... Видишь, нос расквасил, даже шинель испачкал. И кровь не остановишь. Надо на медпункт смотаться. Обернусь быстро.

- Иди, - разрешает Егор. - Кстати, поможешь Беленькому обед принести, Кирилл только что ушел.

- Ты уж никому не говори, что я ушел на медпункт. Понимаешь, Чупрахин и вдруг с разбитым носом идет к врачу... Нехорошо!

- Ладно, иди, секрет твой никто не узнает.

До медпункта метров триста. У входа в палатку, защищенную со всех сторон высокой насыпью, Чупрахин встречает хирурга Крылову. Маша сразу узнает его:

- А-а, старый знакомый, заходи, заходи...

"Нет, с этой я не договорюсь", - подумал Иван и почувствовал, как что-то оборвалось внутри. Когда бежал, рассчитывал: рана пустячная, перевяжут - и сразу на передний край. Никто и не узнает, что был ранен. Конечно, можно бы сделать перевязку и там, в траншее, но тогда бы пришлось краснеть за свою оплошность перед старым солдатом - дядей Прохором. "Накаркал, щербатый садовник", - ругнул в душе Забалуева Чупрахин и отозвался:

- Это вы мне говорите?

- Да, вы же ранены? Заходите! - Крылова берет его под руку, вводит в палатку: - Раздевайтесь,

- Зачем раздеваться, у меня только с носом что-то не в порядке.

- Разрешите взглянуть, - она пристально смотрит Ивану в лицо. - С носом у вас все в порядке. Как это вы испачкали лицо кровью?

Дальше хитрить невозможно. Помедлив с минуту, Иван

решительно сбросил шинель. Весь рукав гимнастерки пропитался кровью. Но рана была небольшая: чуть пониже локтя осколок коснулся мягкой ткани, оставив разрез сантиметра три длиной. Крылова даже не стала накладывать швы. Она быстро обработала рану, перевязала руку и предложила Чупрахину отправиться в палату выздоравливающих.

- С недельку отдохнете - и опять в роту, - сказала Маша, вручая Ивану заполненный бланк.

- С недельку? Маловато, доктор, мне бы с месячишко полежать.

- Хватит, ничего серьезного я не вижу, чтобы продлить срок. Идите!

Иван облегченно подумал: "Вот и пронесло, наивная девчонка: она полагает, что я и взаправду прошусь на отдых, черта рыжего Чупрахина туда, в эту команду выздоравливающих, заманишь". Он, весело подмигнув Крыловой, направился к выходу.

- Погодите! - вдруг остановила Маша Ивана. Чупрахин насторожился. Не поворачиваясь, спросил:

- Что, еще прибавить решили?

- Как старому знакомому, я вам провожатого дам, чтоб не блуждали в поисках палатки.

- Да нет, не надо, я сам найду, - шмыгнул за дверь Чупрахин.

Беленького он догнал на полпути. Взяв у него бачок с кашей, зашагал впереди, покусывая от боли нижнюю губу.

...Под вечер узнаем: гитлеровцы заняли Феодосию и сильно потеснили наш левый фланг. Но распоряжение о посылке разведчиков в тыл к фашистам остается в силе. Мы собираемся покинуть траншею. Я слышу, как Прохор в стороне говорит Чупрахину:

- Зачем обманул Егора? Не годится так, он командир, перед ним солдат должен быть как на духу. Понял?

- Дядя, вот что... Старой ты закваски человек. Не задерживай меня. В разведку иду, а ты мне молитвы читаешь. Егорку я никогда не подведу, бросает он Прохору и направляется ко мне: - Я тебе как другу сказал о ранении... Зачем этому садовнику передал?

- Я ему ничего не говорил. Забалуев все видит, он тебя понимает больше, чем ты сам...

- Ну? - удивляется Иван.

И все же, когда приготовились в путь, Чупрахин первым подает руку Прохору:

- Ну, дядя, бывай здоров, хорошенько следи за фрицем, коли ты такой глазастый. Еще встретимся. И не обижайся на меня.

- Иди уж, перец окаянный. Я-то думал, тебя действительно малость черябнуло осколком, но не похоже на это. Вот я и рад, что ошибся. Но, однако, ты понапрасну не рискуй, негоже так солдату...

- Так я же матрос, Прохор Сидорович!

- 10

Я заметил, что Шапкин не любит ходить на передний край вместе с Шатровым. Может быть, потому, что подполковник долго

задерживается там? Скажет, на часик, а пойдет - останется на сутки, а-то и больше. Начинается обычно так. "Ну пошли, Захар, - скажет он, - взглянем одним глазком, как они там ведут себя". Шапкин немного подумает, пожмет плечами и согласится: "Можно, конечно. Только что же я один, разрешите взять кого-нибудь из разведчиков?" А подполковник уже смотрит на меня. И всегда так получается. И сегодня тоже. После обеда, только было я собрался написать матери, появился Шатров, пришлось отложить письмо.

От места, где мы готовимся к операции для перехода линии фронта, до переднего края не больше километра. Но это только напрямую. Ходим же туда, делая большие петли. Вернее, не ходим, а продвигаемся. А это не одно и то же: продвигаться приходится ползком.

Шатров предупреждает:

- Из травы голову не высовывать.

А трава здесь ниже кочек. Мартовские ветры начисто слизали небольшой снежный покров, обнажив рыжеватую щетку прошлогодней растительности. С виду вроде и сухое место, а ступишь - по самые щиколотки вязнешь в липкой, как клей, грязи. Это еще сносно. Но вот подполковник сгибается, потом ложится на землю. Ползти надо метров шестьдесят до хода сообщения, который приведет нас к первой траншее. Приходится прижиматься к земле так, что подбородок касается холодной студнеобразной жижи. Но это только на первых метрах, потом ничего не чувствуешь - ни липкой, проскальзывающей между пальцами рук грязи, ни жесткой, колючей щетки стерни. Захлебываясь в тугом неподвижном воздухе, над нами пролетают снаряды, они могут шлепнуться рядом или угодить одному из нас па спину. Тут уж, конечно, не до удобства... И все же вскоре и к этому привыкаешь, как будто так и должно быть. Что же думать об опасности, когда есть цель, и не лучше ли смотреть вперед, туда, где, извиваясь, тянется к переднему краю небольшой хребетик земли, - это обозначается ход сообщения. Там можно будет встать на ноги, разогнуть спину и пройтись по-человечески, как и должны ходить люди.

Первым спускается в траншею Шатров. Когда я приближаюсь к нему, подполковник уже успевает привести себя в порядок, очистить шинель от грязи и даже умыться в студеной лужице; лицо его выглядит свежим и вообще сегодня он какой-то другой - менее ворчливый, даже встречает шуткой:

- Ты, лейтенант, почисть шинель, а то на черта похож, еще немцев перепугаешь, - замечает он Шапкину. Захару и Егору Кувалдину недавно присвоили звание лейтенанта.

Когда же мы обретаем нормальный вид, Шатров угощает нас папиросами:

- Прошу, курите... Сначала мы побудем у артиллеристов. Лейтенант Замков - парень глазастый, он все замечает.

Противотанкисты находятся на окраине небольшого полуразрушенного поселка. Их орудия зарыты в землю, только стволы торчат над брустверами темными трубочками, похожими на оси из-под телег. Впереди, метрах в трехстах, виднеются позиции гитлеровцев. Там никакого движения - безмолвная, набухшая от дождя степь, теряющаяся в тумане мороси. Но все это только на первый взгляд. Замков полулежа докладывает подполковнику:

- Вот за этим курганом, - показывает он рукой, - у них стоят танки, правее, в лощине, сосредоточена дивизионная артиллерия, не меньше трех-четырех батарей.

Шатров прикладывает к глазам бинокль. Минут десять оп молча изучает местность. Потом передает прибор Шапкину:

- Взгляни-ка, Захар!

Пока Шапкин наблюдает в бинокль, я успеваю осмотреть помещение наблюдательного пункта. Это небольшая землянка с ветхим дощатым потолком. Возле амбразуры сооружена полочка, на которой стоит несколько книг. По корешкам узнаю знакомые произведения Лермонтова, Пушкина, учебник химии. Замков, перехватив мой взгляд, наклоняется ко мне, шепчет:

- В поселке достал. Мои ребята любят читать. А я химией увлекаюсь. Интересная наука!

- Ну как, лейтенант, есть артиллерия? - спрашивает Шатров у Шапкина.

- Есть, товарищ подполковник.

- А что ты говорил в прошлый раз?

- Тогда я ничего не заметил. Видимо, ее только что подтянули.

- Нет, она здесь давно стоит, - возражает Замков. Он снимает фуражку и перчаткой трет козырек, и без того чистый, поблескивающий лакированной поверхностью.

- Не может быть! - настаивает на своем Шапкин. Захар любит ходить на наблюдательный пункт один. Иногда он берет с собой Мухина, которому нравится ходить с лейтенантом, потому что тот все больше сам ведет наблюдение, а Алексею даже разрешает спать.

- Точно, - надевая фуражку, говорит Замков, - две батареи, а позапрошлой ночью еще подтянули. Готовятся, сволочи, точно вам говорю, готовятся к наступлению.

- Ну конечно! - иронизирует Шапкин. - Так-таки и готовятся!

Чепуха!

Шатров берет учебник химии. Полистав книгу, спрашивает:

- Кто это у вас читает?

- Я, - отвечает Замков.

- Вот как! - подполковник кладет учебник на место и продолжает: Интересно! С виду вы, Замков, такой служака - и вдруг химия. Глядя на вас, не подумаешь этого. Так что ж, Захар, какой мы вывод сделаем?

Это уже касается данных наблюдения, и Шапкин сразу соображает, о чем идет речь.

- Разрешите мне выдвинуться вперед. Враг - не полотно художника, его надо рассматривать вблизи.

- Вот это мне нравится. Давай, Захар, действуй.

Возвращается Шапкин под вечер. Весь облепленный грязью, он долго приводит себя в порядок. Шатров не торопит его с докладом. И только когда лейтенант выпивает кружку чаю, подполковник спрашивает:

- Удачно или нет?

- Замков прав, артиллерия есть - два орудия в лощине.

- Два? - переспрашивает Шатров;

- Два, - повторяет Шапкин.

- И все? - поднимается Шатров и, подойдя к амбразуре, о чем-то задумывается.

- Нет, не все, - отзывается Шапкип.

- А-а-а, значит, не все... А я-то подумал, что ты только орудия увидел. Ну, ну, рассказывай.

- Стык у них здесь. По-моему, это подходящее место для перехода линии фронта.

- Хорошо, Захар, потом мы с тобой потолкуем подробно.

Утром Шатрову сообщают, что в штаб полка прибыл представитель командования Мельхесов. Я его еще ни разу не видел, но из разговоров знаю, что это крутой человек и что его многие побаиваются, особенно командиры полков и дивизий. Но Шатров обрадовался этому сообщению, с желанием отправился в штаб полка.

В полдень он вновь приходит в траншею. Набив трубку табаком и словно не замечая ни меня, ни Шапкина, вслух рассуждает:

- Ничего не понимаю! Полчаса Мельхесов распекал Хижнякова и командира полка за то, что они укрепляют траншеи, назвал их оборонцами и тут же потребовал активнее готовиться к наступлению. Только он уехал - прибыл командующий. Совершенно другое потребовал: зарываться в землю и ни о чем больше не думать, пока не прояснится обстановка. Как

замахнулись, какой высадили десант! И вдруг такая разноголосица. А если опоздают договориться?..

- Вы думаете, немцы скоро начнут наступление? - отзывается Шапкин, глядя на высоту, которую неделю назад захватили гитлеровцы неожиданной контратакой.

- Я, Захар, ни о чем не думаю, - будто пробуждаясь, отвечает Шатров. Наша с тобой задача - побольше разведать у противника огневых точек, хорошенько изучить его боевые порядки, определить слабые места и быть всегда начеку. Да вот еще: найти прореху, сквозь которую ты со своими ребятами мог бы успешно проникнуть. Хотя такое место мы с тобой уже нашли.

Он вытаскивает из сумки карту и, развернув ее на коленях, что-то быстро чертит карандашом.

- Что же вы сидите, отправляйтесь к месту тренировки, - вдруг говорит Шатров. - Я остаюсь здесь.

На обратном пути встречаем Замкова. Он советует не идти прежним путем.

- Видите, как пристрелялся, - показывает на разрывы вражеских мин, дробящих землю на всем маршруте, по которому мы шли, а вернее, ползли сюда.

Шапкин с обидой в голосе бросает Замкову:

- Ладно учить, и так пройдем.

И, пригнувшись, скачками бежит, огибая опасное место. Замков успокаивает меня:

- Иди тихонько, снаряд в одно и то же место не падает. Понял?

Я догоняю Захара, когда он уже выходит из зоны огня.

- Садись, Самбуров, передохнем, - предлагает Шапкин, тяжело дыша и обмахиваясь платком.

Темнеет. Уже не видно курганов. У горизонта дрожит одинокая звезда, и ничего похожего нет на то, что вот на этой промокшей земле идет война.

Мы поднимаемся.

Всю дорогу молчим. Когда подходим к землянке, Шапкин вспоминает Шатрова:

- Ползает он теперь по переднему, вглядывается в темноту и все рассчитывает, прикидывает, Шатров-то! Вроде бы не доверяет своим подчиненным, а?

- Что вы, товарищ лейтенант!

- 11

Шатров велит мне разыскать Правдина. Политрук только что возвратился с наблюдательного пункта и, едва успев позавтракать, сразу же, утомленный бессонной ночью, уснул у всех на глазах прямо за столом. Мы втроем - Егор, Чупрахин и я -

снесли его в повозку, укрыли шинелью: он даже не открыл глаза. Теперь надо его поднимать, а не прошло и часа, как он уснул. В нерешительности стою перед Шатровым.

- Он только лег отдохнуть... Всю ночь там был, - показываю в сторону переднего края.

Шатров смотрит на часы:

- Ладно, пусть поспит... Не найдется ли у вас кружки чаю? - спрашивает офицер, присаживаясь за стол. Сегодня я помогаю повару: должен помыть посуду, наколоть дров и бежать туда, где Шапкин занимается с разведгруппой... Быстро наполняю кружку крутым чаем, доволен тем, что политрук теперь может поспать лишних несколько минут, а может быть, мне удастся уговорить Шатрова выпить еще кружечку - тогда совсем будет хорошо: подполковник обычно пьет вприкуску, стараясь подольше растянуть удовольствие.

Но на этот раз он пьет большими глотками. "Надо подогреть, чтобы не спешил", - решаю я и ставлю чайник па угли.

- Еще одну, Иван Маркелович? - предлагаю, стараясь сильнее раздуть жар.

- Да, чаек у вас ароматистый, только больно уж горяч, а ты, смотрю, еще больше раздуваешь угли.

- А как же! Теплый чай - это не чай. Надо, чтобы губы обжигал. - Ой, Микола, молодой ты, да ранний! Вижу по глазам: что-то ты хитришь. Старого разведчика не проведешь. Думаешь, я не знаю, что ты замыслил? Знаю: политрука жалеешь. Ладно, наливай, продрог я что-то сегодня.

Он попросил и третью. Потом решительно поднялся и стоя начал набивать трубку. Я подношу ему на жестянке уголек. Прикурив, он говорит:

- Против Замкова действительно четыре немецкие батареи. Правдин сегодня уточнил. Выходит, Захар ошибся. Вот этого я не ожидал от него. Человек он, видно, храбрый, а опыта маловато. Матери-то пишешь? - вдруг интересуется он, присаживаясь на скамейку. - Еще не писал? Это нехорошо, сегодня напиши и отправь. Ну, давай, поднимай политрука. - Он разворачивает карту, молча склоняется над ней, постукивая пальцами по столу.

- Садись, Правдин, отдыхать будем, когда севастопольцев выручим, говорит Шатров подошедшему политруку. - Надо подготовиться к докладу, приезжает Мельхесов. Хижняков просил подготовить данные разведки. А ты сам знаешь, Мельхесов ошибок не прощает. Так что присаживайся, еще раз посмотрим, что у нас перед дивизией.

Они по карте уточняют места расположения огневых точек противника, стыки между подразделениями немцев... Многое из

того, о чем они говорят, мне знакомо, я знаю, какими трудами, каким потом добывались эти сведения. В душу закрадывается жалость к этим людям: дни и ночи без отдыха, под огнем им приходится переносить и шипение вражеских осколков, и душераздирающий свист авиационных бомб, и лихорадочные судороги земли, когда враг опрокидывает на наши позиции тонны металла, начиненного взрывчаткой. Такие огневые налеты повторяются почти каждый день, а иногда по нескольку раз в сутки. Но для Шатрова и Правдина этого словно не существует: они всегда - под дождем, в темень, в слякоть - на переднем крае. У многих из нас нет-нет да и подвернутся минуты, а то и часы, когда можно расслабить тело, прикорнуть в траншее или в землянке, зная, что тебя подменили, что кто-то из товарищей зорко всматривается в сторону противника.

А они почти не имеют такой возможности. Замков сообщает: ночью слышал гул танков. Командир стрелковой роты докладывает: в таком-то месте наблюдал группу противника; мы, рядовые разведчики, находясь на наблюдательном пункте, обнаружили появление у врага нового вида оружия - не то многоствольного миномета, не то орудия. Все это надо уточнить, все это надо проверить, взять на учет, сообщить в штаб. И они работают, утюжат землю животами, сутками не смыкают глаз.

...Я уже помыл посуду, наколол дров, мне остается только пожелать повару наваристых щей, и я могу отправляться туда, где Шапкин занимается с группой.

- Ох ты, чего захотел, командира ему подавай! А ты что, не командир! пряча карту в сумку, восклицает Шатров.

- Я политрук.

- И политруки должны командовать ротами. Я тоже когда-то был политруком, а на Хасане принял батальон. Скажу тебе, настанет время, когда в нашей армии для пользы дела будут приказами назначать политических работников на командные должности, а командиров - на должности политработников. И это будет замечательно! А почему не так? Ты окончил военно-политическое училище. Изучал там не только одни общественные дисциплины, но и тактику, оружие, организацию боя. Чем же ты не командир, Василий Иванович!

- Тогда политрука давайте... Одному тяжеловато, - настаивает Правдин.

- Знаю, - соглашается с ним Шатров. - Скоро выпуск фронтовых курсов командного состава, и ты получишь своего ротного, а пока не вижу, кто бы мог тебя заменить. Так что потерпи немного.

Подбегает Беленький. Запыхавшись, докладывает:

- Товарищ подполковник, прибыл Мельхесов. Младший лейтенант приказал тут порядок навести. Сейчас они сюда придут.

- Кто - они? - спрашивает Шатров.

- Да он же и наш командир дивизии с ним. Мельхесов похвалил Шапкина, добавляет Кирилл с улыбкой.

...Мельхесов плечистый, чуть сутуловатый, черные глаза, мясистый нос, голос властный, требовательный. Хижняков предлагает ему скамейку, но Мельхесов только повел бровью на полковника и, словно не замечая стоящих возле него командиров, говорит:

- Очень уж вы тут зарылись в землю. Разве пришли сюда вековать? Нет. Наша задача - как можно быстрее прорваться к Севастополю, к Сивашу. Моральный дух у немцев подорван. Они уже не в состоянии вести такие наступательные бои, как летом и осенью сорок первого года. Значит, мы должны делать все, чтобы каждый боец понимал, пропитывался бы наступательным духом. Правильно я говорю, товарищи?

- Правильно, - спокойно отзывается Егор.

- Как ваша фамилия? - уже другим тоном спрашивает представитель командования.

- Егор Кувалдин.

- А ваша? - Мельхесов делает шаг к Ивану.

- Чупрахин, - отвечает Иван.

- Как вы думаете, прорвем немецкую оборону? Вы разведчик, вам и карты в руки. Ваше мнение для нас очень важно.

- А чем мы хуже других, вон на харьковском направлении, как говорил нам политрук, наши здорово жмут фрицев, только шерсть от них летит. - Чупрахин даже чуть приподнимается на носках.

- Слышали? - поворачивается Мельхесов к Хижнякову. - Люблю разведчиков - золотой народ! И командир взвода у вас хороший. Пора ему ротой командовать. Надо оформить, товарищ Хижняков.

Беленький толкает меня в бок, шепчет:

- Слышишь, огонь товарищ Шапкин!

- А взвод он примет... Кувалдин. Справитесь?

Егор только вытягивается, отвечает за него Шатров:

- Справится, товарищ Мельхесов.

Мельхесов садится на скамейку и начинает рассказывать о положении на фронтах, об истощении резервов фашистской Германии, о боях на Западном фронте.

- Надо больше думать о наступлении, - уже другим тоном говорит он командиру дивизии. - Оборонцев ненавижу. А сейчас

прошу, товарищ Хижняков, провести меня в штаб, захватите с собой начальника разведки.

Они уходят цепочкой. Замыкает цепочку Шатров.

Мы долго не можем уснуть. Политрук, как всегда, ушел на наблюдательный пункт, Шапкин, потолкавшись между нами, вышел из землянки, - видимо, он решил наедине осмыслить неожиданную радость. Будто угадав мои мысли, Мухин восторженно говорит:

- Ловко наш взводный показал себя представителю командования. На все вопросы, не задумываясь, ответил.

- Шапкин-то хорошо действовал, а вот ты, Кирилл, в проволоке запутался, не мог преодолеть заграждения, - замечает Чупрахин, сидя возле нагретой печурки в одном нижнем белье.

- Растерялся малость, с кем не случается, - оправдывается Беленький и начинает раздеваться. - Скоро пойдем в наступление... Это хорошо!

К полуночи землянка выстывает. Я поднимаюсь, в потемках ищу топор, чтобы наколоть дров. Тихонько выхожу на улицу. Слышатся редкие артиллерийские выстрелы. На холодном небе ярко светит луна. Глухо доносятся вздохи моря - тяжелое, усталое дыхание: видно, и морю нелегко достается эта война.

У штабеля дров натыкаюсь на Шапкина.

- Ты чего не спишь? - спрашивает он.

- Холодно в землянке, печку решил разжечь.

- Ну, ну, это ты молодец, правильно решил.

Я колю дрова. Шапкин, поеживаясь, стоит в сторонке.

- Шли бы в землянку, товарищ лейтенант. Сейчас там будет тепло, советую ему, собирая поленья.

- Понимаешь, Самбуров, что-то у меня на душе неспокойно. Бывает же так. - Он достает папиросы, щелкнув портсигаром, предлагает закурить. - Слухи пошли, что под Харьковом наши попали в окружение. И тут может случиться такое. Силен еще этот проклятый немец.

Захар выжидательно смотрит на меня. А что я скажу на это? "Силен... Конечно, слабый не пошел бы на нас. Но придет же весна, и ручьи запоют", думаю я, а вслух произношу:

- Под Харьковом, говорите? Как же так, а политрук вчера говорил другое - наши наступают.

- Да, наступали, но ничего не получилось, - спешит ответить Шапкин и предлагает мне: - Посиди немного. - Он опускается на бревно. Помолчав, продолжает: - И здесь они скоро пойдут. Ты-то как думаешь, пойдут?

Я разгибаю спину, из рук сыплются поленья: да что он мне такой вопрос задает, вроде бы пытается проверить! Шапкин, как

будто не заметив моего смущения, уже говорит о другом:

- Человек иногда бывает слеп... Ты вот в институте учился, а что ты понимаешь в жизни? Садись, - показывает он на бревна. - Что, неправда? наклоняется Захар ко мне. - Скажи, ты меня хорошо знаешь?

- О чем вы, товарищ лейтенант? - отшатываюсь я от Захара.

- Да о том, что хочу спросить тебя, веришь ли ты мне или нет?

- В чем?

- Ах, все ты понимаешь, да только притворяешься. - Шапкин резко поднимается. Закуривает и, не глядя на меня, продолжает: - Как же, человек сидел в тюрьме, а вот теперь ему доверяют командовать ротой. Но кое-кому наплевать на мои боевые заслуги...

- Да о чем вы? - удивляюсь я.

- А зачем ты сюда пришел?

- За дровами...

- Шутишь! Наверное уже все рассказал обо мне - и тот случай на привале, и как я просил у твоего папаши справку для суда, и что у меня в деревне нет никаких родственников, и черт знает что приплел. Вот я и говорю: человек иногда бывает слеп, хотя и имеет хорошее зрение.

Захар бросает на землю окурок и долго топчет его каблуком. Мне становится душно. Дрожащей рукой я расстегиваю ворот гимнастерки.

- Мне и в голову не приходило такое!

- Верно? Никто и ни о чем обо мне не спрашивал?

- Нет, никто.

Захар кладет свою руку мне на плечо. Он долго молча смотрит в лицо:

- Ну, хорошо, хорошо. Это я так. Может быть, завтра пойдем в тыл врага. Так вот я немного тебя проверил, каков ты, веришь ли мне, можешь ли в трудную минуту быть до конца преданным своему командиру. Ведь там... всякое может случиться. Только о нашем разговоре никому! Понял?

Уже потускнел лунный свет. Я собираю дрова. Поленья вываливаются из рук. На душе нехорошо. Шапкин ушел, не сказав больше ни слова. "Понял?" Ничего я не понял, только как-то вот тревожно. "Под Харьковом наши попали в окружение" - откуда он знает?.. Нагруженный дровами, иду в землянку. У входа сталкиваюсь с Захаром.

- Шатров вызывает на наблюдательный пункт, - сообщает Шапкин и, измерив меня с ног до головы, бросает: - Понял? Никому ни слова.

И опять я ничего не понял. Растапливаю печку. Дрова горят дружно. Желто-синие лепестки пламени тянутся кверху. "Шатрову бы рассказать об этом". Лепестки подмигивают: правильно, правильно, будто соглашаются со мной.

- 12

В землянке нас трое - Шатров, Правдин и я. Минут двадцать назад ушел врач. Крылова предупредила Шатрова: "Лежать и не двигаться, через недельку все пройдет. Но если попробуете ходить, я вас отправлю в катакомбы, в тыловой госпиталь". Шатров, сощурив глаза, отрицательно покачал головой вслед Маше: мол, ни за что он туда не пойдет.

Шатров говорит медленно, с большими паузами. Он лежит на соломенном матрасе, укрытый по грудь шинелью. Я смотрю на него и с тревогой ожидаю конца рассказа.

...Прошлой ночью подполковник решил "прослушать" впереди лежащую местность, избранную им для перехода линии фронта. Ранним вечером, когда в сумерках еще видны предметы, когда звезды начинают робко проклевывать небосвод, в это время степь как бы мгновенно засыпает - слышимость необыкновенная! Такие минуты не мог пропустить Шатров. Конечно, для прослушивания местности хорош и предрассветный час. Он знал об этом и решил на рассвете послушать вместе с Шапкиным, чтобы проконтролировать свои наблюдения.

На этот раз солнце почему-то очень медленно приближалось к горизонту, а достигнув края земли, вдруг, как показалось подполковнику, остановилось. На левом фланге артиллеристы вели контрбатарейную стрельбу. Три истребителя, сделав круг над передним краем, уходили на аэродром. Рокот их двигателей едва слышался. Наконец с трудом зашло солнце. Задрожала над морем одинокая звезда. Позади, в расположении огневых позиций батареи Замкова, кто-то уронил на металлический предмет пустую гильзу. Неподалеку проползли два уставших снайпера. Ему хотелось остановить их, спросить, что они интересного заметили, но тут же подумал: "Этот народ никогда не возвращается прямым путем, они охотились где-то в стороне, и их сведения не так важны".

Напрягая слух, Шатров всматривался в густеющие сумерки. Шум слышался справа и слева, а впереди местность как бы вымерла. Это убеждало его в том, что пересекать линию фронта надо именно здесь, на этом направлении,

Минуты особой слышимости иссякли. Но подполковник не покинул своего места.

Фронт жил своей обычной ночной жизнью. Подвозили на огневые позиции боеприпасы, продовольствие. Дежурные

отделения, расчеты время от времени прошивали темноту разноцветными строчками трассирующих пуль, вспыхивали осветительные ракеты. А намеченный Шатровым участок для переброски разведчиков молчал, и это еще больше убедило подполковника в правильности принятого им решения.

Заранее установленным сигналом Шатров сообщил Замкову, чтобы тот вызвал к нему Шапкина. Шапкин приполз под утро с небольшим опозданием. Но у них еще было время для прослушивания местности. Они лежали рядом затаив дыхание.

- Ну что? - спросил Шатров у Захара.

- Да, именно здесь надо переходить линию фронта, - понимающе ответил Шапкин.

- Сами вы как настроены? Дело трудное.

- Да мне хоть сейчас. Ведь обстановка требует этого, - горячо заговорил Захар. - Сидеть на месте уж нет сил. А он, проклятый, говорят, опять зашевелился на харьковском направлении. Верно, что ли, товарищ подполковник?

- Не знаю. Но, конечно, враг еще будет наступать. Сил у него достаточно.

Налетел ветер. На востоке посветлело. Теперь оставаться здесь было рискованно: местность хорошо просматривалась со стороны противника. Они решили продолжить наблюдение с передового наблюдательного пункта, от которого их отделяла шестисотметровая равнина. Сначала они шли по небольшой лощинке, слегка пригнувшись. Потом - ползли. Впереди Шатров, за ним, в двадцати шагах, Захар. На половине пути их застал рассвет. Очень уж быстро в это утро взошло солнце. Началась бомбежка. С наблюдательного пункта Замков увидел, как рядом с ними черным столбом поднялась земля. Одна бомба упала неподалеку от Шатрова. Он стряхнул с головы землю, попытался продолжить путь, но ноги не двигались. В ушах сильно гудело.

- Шапкин! - позвал он лейтенанта.

Захар, прижавшись к земле, чуть приподнял голову. Тяжело ухали вокруг снаряды.

- Захар! - вновь крикнул Шатров, поняв наконец, что у него контужены ноги и ему самому не выбраться из-под огня. Крикнул и на какое-то время потерял зрение. Когда темнота рассеялась, он увидел под собой Захара, а рядом лежали два бойца, видимо посланные на помощь Замковым. Шапкин громко ругал их, не подпуская к себе:

- Пошли к черту! Сам справлюсь.

Он полз, тяжело дыша.

- Держитесь крепче, за шею не надо, за плечи, - говорил он Шатрову, придерживая его одной рукой, чтобы подполковник не

сполз с его спины. - Вот так, так, - повторял Захар и все полз и полз. Уже в траншее, усадив Шатрова так, чтобы он опирался о стенку окопа, сказал: - Осколком не задело. Контузия пройдет. Ну и влипли мы с вами, товарищ подполковник!

- Спасибо, Захар... Выручил из беды.

Сквозь маленькое оконце пробился солнечный луч, светлой полоской лег на лицо Шатрову. Я с облегчением вздыхаю: вот он какой, Захар! Как же я мог подумать о нем плохое, он спас жизнь человеку, из огня вынес. А я-то думал, что Шатров сейчас скажет о лейтенанте что-то плохое... Глупый!

- Занятия с разведчиками надо продолжать, - оживляется Шатров. - Ты уж, Василий Иванович, проследи, - обращается он к Правдину. - А ноги мои отойдут, это я точно знаю. Нервный шок от удара воздушной волны. Полежу дней пять и встану. Думаете, нет?

- Встанете, - соглашается Правдин. - Ну не через пять, а через десяток дней будете ходить.

- Нет, Василий Иванович, раньше надо. Понимаете, раньше!

В помещение входят связисты.

- Разрешите телефон поставить?

- Ставьте, - о чем-то подумав, соглашается Шатров. А когда связисты уходят, он говорит Правдину: - Понял что-нибудь? Телефончик поставили, неужто они думают, что я тут задержусь? В сумке карта, подай-ка ее сюда, Василий Иванович.

Шатров, чуть приподняв голову, долго рассматривает карту.

- Смотри, Василий Иванович... Только вот здесь пересекайте линию фронта. Тут у них стык между подразделениями. И, как тебе известно, на этом направлении есть пещеры, катакомбы небольшие. В случае неудачи разведчики могут укрыться в них. Шапкину об этом я уже говорил. Командиру дивизии я тоже докладывал. Он одобряет этот вариант. Как жаль, что самому не придется довести дело до конца. - Шатров пытается пошевелить ногами, потом, потрогав их, качает головой: - Н-нда, целью, а не действуют. Спешился конник в самый неподходящий момент. Но лишь бы в катакомбы не упрятали.

Раздается телефонный звонок. Шатров, взяв трубку и повеселев как-то сразу, отвечает:

- Слушаю... Спасибо, товарищ полковник. Чувствую хорошо. А что такое? Врач? Что он говорил? Не меньше двух недель? Это тяжело... Я все рассказал политруку... Да, да, маршрут знает... Что? Гудит немного в ушах... Понятно. Как только поднимусь, поговорю с Замковым, и тогда, видимо, можно будет оформить наградной лист. Он сейчас у вас?.. Конечно заслуживает... Товарищ полковник, по секрету говорю: узнайте у Крыловой, как

она думает, скоро я поднимусь? Понимаете, две недели - это много... Спасибо, до свидания...

Подполковник кладет трубку.

- Хижняков звонил, - говорит он, сворачивая карту. - Предполагают, что две недели буду лежать. Это много, очень много. Понимаешь, Василий Иванович, это четырнадцать дней! Роскошь для солдата. Ну идите, готовьтесь к делу.

Первым покидает землянку Правдин. Я поднимаюсь медленно. Шатров подает мне руку:

- Ты что такой грустный? - спрашивает он, - Выше голову, Коля!

- 13

Сегодня занятия будет проводить Шапкин, политрука вызвали в штаб.

После завтрака собираемся в лощине. С лейтенантом нас шестеро. Одеты в маскировочные халаты. У каждого автомат, гранаты, финский нож.

Захар, забросив за спину собранную восьмеркой длинную веревку, ведет к месту тренировок. На пути встречаем лейтенанта Замкова с группой красноармейцев: его батарею вывели на отдых.

- Разведчикам артиллерийский привет. Как дышится? - спрашивает лейтенант.

- Лучше всех! - отвечает Чупрахин. - Четыре раза в день едим и немца не видим. Одним словом, как в Крыму.

Моросит дождь, холодный, противный. Захар медленно распускает веревку. Теперь, после того как спас жизнь Шатрову, он ведет себя с видом независимого человека, часто рассказывает бойцам, как все это случилось. Вчера он отозвал меня в сторону и спросил: "Теперь ты прозрел?" Я, взглянув ему в лицо, промолчал. Тогда он похлопал меня по плечу: "Ничего, землячок, мы себя покажем и в другом деле". И посоветовал мне, когда пойдем в разведку, держаться к нему поближе. "Я, брат, понимающий, со мной не пропадешь. Только твой папаша смотрел на меня как на чужака", - с укором сказал он. "Зачем вы об отце?" - коротко возразил я. Он передернул плечами: "А-а, нехорошо! А мне тогда каково было. Судили... А что ему стоило написать справку... Теперь-то ты видишь, каков я человек. Враг ли я своему обществу? Нет". Как-то нехорошо было слушать это. Мы сидели друг против друга. Он заметил мое смущение и вдруг рассмеялся: "Да ты тут при чем? Не вешай голову. Вот возвратимся из разведки, рапорт подам о твоем награждении. Старайся".

Сегодня вновь преодоление минного поля и проволочного заграждения. Для этой цели по приказанию Правдина саперы понаставили на учебном поле всяких ловушек, даже настоящие

мины установили, не говоря уже о проволочных препятствиях. Мины, конечно, без запалов, но нам об этом не говорят.

Мы соединяемся веревкой и по сигналу Шапкина ползем к серой паутине проволочного заграждения. У Кувалдина в руках ножницы, он должен бесшумно перерезать проволоку. Егор научился это делать так ловко, что даже Шатров как-то сказал о нем: "Подходяще работает". А по-нашему - отлично. Сзади Захар с протянутой к нему веревкой молча управляет нашими движениями. Прижавшись грудью к земле, вижу одним глазом Кирилла. Он лежит, опершись щекой о какой-то металлический предмет. Это мина. И хотя в ней вынут запал, на лице Беленького выступает пот. Замечает это и Чупрахин, тихо шепчет Кириллу:

- Медальон с адресом в кармане? Тогда лежи, Кирилка, все будет в порядке.

- Отставить! - приказывает Захар. - Имейте в виду, мы преодолеваем минное поле ночью, и разговоры тут недопустимы.

И, передав командование Егору, отходит в сторону. Скрестив на груди руки, вслушивается в гул артиллерийской дуэли. Вновь начинаем с исходного рубежа и ползем молча, как тени.

Вечером, мокрые, грязные, возвращаемся в землянку. Не успеваем поужинать - вырастает Правдин.

- Самбуров, одевайтесь, пойдемте со мной.

Дует сильный ветер. Иду вслед за политруком. То и дело попадаются блиндажи, землянки, повозки. Правдива это злит.

- Черт знает что! Боевых частей меньше, чем складов, - ворчит он.

Неожиданно упираемся в отвесный скат высокого капонира. В темноте замечаем две фигуры в белых халатах.

- Опять балаган! - резко произносит политрук.

- Не балаган, а передовой армейский медицинский пункт, - подходя к нам, говорит человек. - Вы что ищете?

- И кто вам разрешил здесь расположиться? - не останавливаясь, продолжает Правдин.

У землянки окликает часовой. Политрук спрашивает:

- У командира дивизии кто есть?

- Был начальник штаба, только что ушел, - узнав Правдива, охотно отвечает боец.

Землянка маленькая, уютная, теплая. Над столом висит фонарь. Хижняков, не поднимаясь из-за стола, приглашает сесть. Командир дивизии уже пожилой, у него седые волосы, у самых глаз пучки морщин, которые делают его взгляд лучистым и добрым. Такие глаза у моей матери. "Ты слышишь, мама, у командира нашей дивизии такие же глаза, как у тебя... И оттого я чувствую тебя рядом, И оттого силы мои неистощимы".

Хижняков берет со стола коробку со спичками, начинает стучать ею по столу. Стучит он долго. А взгляд задумчивый.

- Имеются сведения: немцы из Мелитополя перебрасывают в Крым танковую дивизию, - наконец чиркает спичкой он и закуривает.

- Та-ак, - не говорит, а стонет Правдив. - И что же он, Мельхесов, не может повлиять на командующего?

- Командующий вновь упрашивает Москву перенести срок наступления.

- Но это очень опасная нерешительность...

- А сами вы как бы поступили? - поднимается Хижняков, испытующе смотрит Правдину в лицо.

- Трудно сказать.

- Ага, трудно, а ему, командующему, легко? Подходит лето, вероятно, немцы предпримут наступление. А горячие головы не считаются с этим. Надо бы укрепить глубину обороны. Но разве Мельхесов пойдет на это? А командующего он, видимо, крепко подмял под себя... Сильная личность... Доложи-ка лучше, как разведгруппа, готова? - уже другим тоном интересуется Хижняков.

- Готова. Я считаю, товарищ полковник, надо включить в группу радиста.

- Кого именно?

- Сергеенко, из роты связи. Комсомолка.

- Вот так, уже облюбовал! Но что ж, бери. Завтра я свяжусь с командующим и доложу ему свое решение.

В роту возвращаюсь вместе с Сергеенко. За спиной у нее радиостанция. Аннушка рассказывает мне, как тогда, при высадке десанта, выбралась на берег, думала, что заболеет, но все обошлось благополучно.

- И ты тоже идешь в разведку? - спрашивает Аннушка.

- Иду.

- И Кувалдин? - наконец вспоминает о Егоре.

- Конечно, - живо отвечаю. - Егор - славный парень.

- Неужели? - она смеется, беря меня под руку. Чувствую: что-то хочет сообщить мне. "Не надо, Аня, я все знаю", - мысленно возражаю ей,

- Хочешь, один секрет открою? - спрашивает она, замедляя ход.

- Я о нем знаю.

- Нет, не знаешь.

- Тогда говори.

Она поправляет за спиной рацию,

- Егор парень действительно хороший. Знаешь, что он

придумал, когда мы уходили на фронт? Предложил мне выйти за него замуж. Я отказалась. Тогда говорит; "Значит, не любишь?" Я и сама не знаю, люблю я его или нет.

Что же я могу ей ответить? Ах, Егор, Егор, славный ты парень. Теперь ты для меня самый лучший друг.

А Аннушка все говорит и говорит. И я ей верю, верю каждому слову.

- Как ты, что у тебя нового в жизни? - наконец интересуется она мной.

- Как видишь, разведчик. Теперь вместе будем.

- А я все время думала о тебе, - признается она и начинает вспоминать институтскую жизнь.

Впереди вырастает темный бугорок. Это наша землянка,

- 14

Сидим в приемной командующего фронтом. Трещат телефоны. Стены помещения исполосованы проводами. Заходят офицеры, генералы, приходится то и дело подниматься, отдавая им честь. Редко кто из них обращает на нас внимание: или не знают, кто мы, или потому что своими делами заняты, - несколько дней назад гитлеровцы внезапно перешли в атаку. Они нанесли удар по стыку между северной и южной группами наших войск и заняли ряд населенных пунктов. Но на нашем участке линия фронта не изменилась. И все же мы вынуждены были повременить с разведкой. Сегодня вечером пойдем. Наша группа уменьшилась на одного человека. Правдин отчислил Беленького - не вынес парень тяжести тренировок. Кирилл был откомандирован снова в роту. Прощаясь с нами, он вдруг заявил:

- Не каждый может быть героем, война ведь особый случай в жизни народа. Я в другом деле покажу себя.

Кувалдин заметил:

- Рады будем, Кирилл...

А Беленький, сняв шапку, пятерней расчесал густые волосы и на этот раз ничего не сказал. Он удалялся по косогору, чуть перекосившись в плечах, отчего казалось, что он все же вот-вот обернется и произнесет очередное поучение, но так молча и скрылся за сопкой, прихрамывая на одну ногу.

Сейчас с нами будет беседовать командующий. В дверях появляется Мельхесов. Он узнает Шапкина, подает ему руку, интересуется настроением группы.

- К выполнению задания готовы, - громко отвечает Захар.

Мельхесов, взглянув на Правдива, скрывается за дверью.

Снова оживают телефонные звонки. Егор изредка бросает взгляды на Аннушку. Любит он ее, наверное, крепко, но скрывает это от других. Как-то на тренировках Аннушка не смогла быстро

настроить радиостанцию на заданную волну. Правдин, считая секунды, хмурил лицо.

- Помочь бы надо, - шепнул я Егору. Кувалдин повернулся ко мне, отгрыз кусочек сухаря, сказал:

- Сама настроит.

- Пентюх, - возмутился я.

- Ну-у, - улыбнулся Егор, продолжая хрустеть сухарем.

- Торопитесь! - крикнул Правдин, не отрывая взгляда от часов.

Я вскочил и подбежал к Аннушке. Мои пальцы быстро забегали по рукояткам настройки. Политрук одернул меня:

- Отставить! Кто вам разрешил помогать?

Я отскочил от рации, споткнулся и упал, расцарапав себе о камни руку. Потом, после занятий, не мог смотреть Егору в глаза.

В приоткрытую дверь из смежной комнаты слышен голос Мельхесова:

- Чепуха, враг не может организовать серьезного наступления...

Кто-то прикрывает дверь. Теперь доносятся лишь отдельные слова. Лицо Шапкина вытянулось, глаза вновь стали сухими, поблекшими.

- Заходите, - зовут нас в кабинет командующего. В дверях Чупрахин шепчет мне:

- Плечи расправь, а то забракует. Отвечай генералу громко. Понял?

Первым политрук представляет генералу Шапкина. Захар делает три шага вперед, громко докладывает:

- Командир разведгруппы лейтенант Шапкин!

- Здравствуйте, товарищ старший лейтенант, - командующий мягким движением подает Шапкину руку. - Да, да, теперь вы старший лейтенант. Это звание вы заслужили. - И, повернувшись к нам, замечает: - Подчиненные у вас, вижу, орлы. Ваша фамилия?

- Красноармеец Иван Чупрахин.

- Ого, голос крепкий.

- Так точно, товарищ генерал, крепкий. Чупрахины хрипотой не страдают и кашлем не болеют. Кашель, он хвороба для разведчика поганая, - заканчивает Иван.

- Орел, орел, - командующий одобрительно качает головой и спрашивает: Вы хорошо знаете, куда идете?

Хором отвечаем:

- Знаем!

- Трудно, очень трудно будет.

Мельхесов в упор ставит вопрос:

- Сможете ли вы при угрозе плена живыми не даться врагу?

Об этом с нами говорил и полковник Хижняков. Мы знаем, куда идем, там все может случиться. Хором отвечаем:

- Можем!..

Знакомимся с оперативной обстановкой, с расположением немецких частей, пунктами сосредоточения фашистских войск.

На прощание командующий и представитель Ставки пожимают нам руки, желают удачи.

С наступлением темноты выдвигаемся на ничейное поле и здесь лежим, ожидая команды, чтобы двинуться вперед. Позади маячат высотки. Там находятся наши войска, прижатые друг к другу, как спрессованные.

Мы, разведчики, многое видим. Например, мало кто даже из больших командиров знает, что район наших позиций опутан густой сетью проволочной связи, ночью трудно пройти, чтобы не запутаться в проволоке. Шатрова это тревожило. "Не дай бог фашистской авиации совершить массированный налет: порвут провода, и штабы останутся без связи", - говорил подполковник.

Вокруг тишина. Как хочется вырваться из этой серой холодной горловины перешейка с постоянными дождями, сырыми ветрами! И кому пришло в голову назвать эту землю солнечным Крымом? Тянет сыростью. И ни одного звука.

- Онемели, вражьи души! - шепчет Чупрахин. Он лежит вниз лицом, обвешанный гранатами, в темноте похожий на бесформенный ком.

Падают тяжелые капли дождя. Я протягиваю руку к Ивану:

- Скоро, что ли, пойдем?

- Не туда звонишь, Бурса, - почему-то со злостью отвечает Чупрахин, жди сигнала от старшего лейтенанта.

- Внимание, - с хрипотцой в голосе предупреждает Шапкин.

- Отставить! Не двигаться! - вдруг распоряжается Правдин и вопросительно смотрит на Захара, как бы говоря: заметил вспышки ракеты, это знак приостановить разведку. Шапкин возмущается:

- Да что они там, шутят? Разрешите уточнить...

- Нет, я сам. Всем лежать на месте и ждать моего распоряжения. Если все в порядке, слышишь, Шапкин, будет дана длинная очередь из пулемета зелеными трассирующими пулями вдоль линии фронта в южном направлении, тогда продолжайте выполнять задачу, а если красную трассу увидите - немедленно возвращайтесь. Следите за сигналами.

Правдин бесшумно, как это может делать только он, ползет в сторону рубежа, где притаилась наша поддерживающая группа. До нее метров двести. Это оттуда был дан сигнал.

- Всем наблюдать! - предупреждает Захар и спустя минуту спешит туда, где только что скрылся политрук. - Я сейчас, - бросает он Егору.

Возвращается очень быстро.

- Ну, все в порядке, сигнала никакого не будет, по-пластунски за мной!..

И первым трогается с места по намеченному маршруту. Вздох облегчения вырывается из груди: наконец-то состоялась наша вылазка.

Впереди меня передвигается Аннушка. У нее на спине рация. Порой мне кажется, что я слышу тяжелое, прерывистое дыхание. Напрягаю слух. Ничего не услышав, все же шепотом спрашиваю:

- Аня, тяжело?

В ответ ни слова.

- Сигнал, товарищ старший лейтенант! - сообщает Кувалдин.

- Это не для нас, - резко обрывает его Шапкин, - тут есть катакомбы. Встать, за мной!

Мы лежим между камней у самого входа в пещеру, метрах в сорока за линией переднего края. Надо спешить иначе утром гитлеровцы могут обнаружить нас. Шапкин, чуть выдвинувшись вперед, лежит неподвижно. Наконец он сползает с бугорка. Но не успевает Захар произнести и слова, как раздается громоподобный гул. Впечатление такое, будто где-то наверху бьют молотками в пустые железные бочки. Без труда определяем: открыли массированный артиллерийский огонь.

- В укрытие! - приказывает Захар.

Гул канонады не прекращается: он льется сплошным, надрывным потоком с шипящим, захлебывающимся выговором.

- Самбуров, за мной, остальным отойти в глубь катакомбы, занять оборону, - отдает распоряжение Шапкин. Выползаем на бугорок. Уже настолько посветлело, что далеко просматривается местность. Из-за высоты, расположенной несколько левее, выползают немецкие танки. Они быстро принимают боевой порядок, увеличивают скорость.

- В наступление идут.

Захар, повернув ко мне голову, смотрит прищуренными глазами:

- Не ошибся ты, землячок, в наступление.

- Что будем делать?

Шапкин подвигается ко мне. Теперь он лежит со мною плечо к плечу. Я слышу его учащенное дыхание.

- Что делать, спрашиваешь? Покурим, подумаем. А вообще ты громко не удивляйся. Видишь, и самолеты немецкие пошли, - показывает он на небо. И вдруг предлагает папиросу: - Кури.

- Да что вы в самом деле! - вскрикиваю я. - Надо же что-то предпринимать!

- Не кричи громко, - повторяет Захар. - Видишь, танки уже прошли нас, теперь ихняя пехота валом валит.

Мельком бросаю взгляд в сторону: по косогору спускаются цепи гитлеровцев.

В ушах стучит кровь. Треск пулемета приводит меня в чувство.

Захар лежит с простреленной головой. Что-то липкое и тепловатое течет у меня по щекам. Подбегает Мухин. Я вижу Алексея, как в тумане.

- Убит? - глухо доносится голос Алексея. Пули свистят над нами. Делается холодно. Алексей тащит меня в убежище.

***

В КАТАКОМБАХ

- 1

Я опускаюсь на камень и сразу чувствую невероятную дрожь во всем теле, так трясет, что не могу слова выговорить, а голова пылает огнем.

- Что там случилось? - спрашивает Егор.

- Шапкина он задушил, - слышу голос Мухина. Жар охватывает грудь, перед глазами зеленые круги. Потом все пропадает в темноте.

Из мрака приближается лицо матери.

- Мама!

Голова вздрагивает и еще ниже наклоняется. Теперь отчетливо вижу белые, словно припудренные мукой, пряди волос.

- Ты седая, мама?

- Лежи, лежи.

Маленькая холодная рука касается моего лба. Поднимаю глаза кверху: серые тяжелые камни покрыты крупными каплями воды. Каменный потолок. Когда же он у нас появился?.. И стены серые, с большими темными кругами... Крыша течет, сырость кругом...

Сильно печет в левой части груди. Не хватает воздуха.

- Окно откройте...

Внезапно наступает темнота. Словно из подземелья, слышу глухой разговор:

- Ну как?

- Горит весь, бредит.

- Что же делать?

- Подождем, спадет температура, поднимется. Ночь рассеивается: у ног дрожат три человеческие фигуры. Вот они, подпрыгнув, закружились в крутой спирали.

- Ты думаешь, он поднимется? - опять слышу чей-то голос, который кажется мне знакомым.

- Мама, кто здесь?

Напрягаю зрение и вдруг отчетливо вижу Аннушку. Она сидит рядом и все еще держит свою руку на моем лбу. На какое-то время чувствую просветление в голове, хочется рассказать, как все произошло, как убил Шапкина.

- Он хотел нас выдать фашистам...

- Бурса? - это голос Чупрахина. - Ты молчи... молчи...

Весь дергаюсь, пытаюсь подняться.

- Не верите?..

- Лежи, лежи...

Все куда-то убегают. "Бросили", - решаю.

Частые выстрелы, перемежающиеся с сердитыми раскатами гранатных разрывов, на некоторое время заставляют подумать о другом: "Что там?" Срывая с себя шинель, встаю на колени и беру автомат. Впереди, где обозначается выход, вижу голубое небо, на котором вдруг вырастает черный с огненными лепестками взрыв.

- Иди вперед, что прячешься? - кричу на себя.

Кто-то подхватывает под мышки, тащит в темноту. Плыву, то поднимаясь, то опускаясь, словно на волнах. Некоторое время чувствую запах моря, слышу характерный всплеск воды. Крутая волна сбивает с ног. Падаю, задыхаясь без воздуха. Рядом появляется старший лейтенант Сомов.

- Вперед!

Напрягаю силы... Руки тянутся к берегу. Пляшут огненные столбы причудливо, суматошно. Пламя лижет лицо, грудь.

- Егор, помоги!..

На песчаной отмели замечаю мать.

- Мама, мама... уходи... Опасно здесь.

Но она бросается ко мне. Никогда не видел ее такой решительной. Подхватив меня, прижимает к груди, целует в лоб. А губы ее горячие, как раскаленное железо.

- Лежи, лежи, они сюда не посмеют прийти.

- А-а, это ты, Аннушка...

И снова темнота. Кто-то раскрывает мне рот, чувствую, как потекла вода. Жадно глотаю. Делается легче.

Подходит Кувалдин. Из-за его плеча вижу вытянутое лицо Мухина.

- Воды...

Алексей опускается на колени. В руках у него фляга.

Отвинтив крышку, убеждается, что в посудине воды ни капли нет. Чупрахин выхватывает из рук Мухина флягу, бежит к выходу.

- Куда? Стой! - вслед ему потрясает автоматом Кувалдин.

- Я сейчас...

- Стой, тебе говорят!..

- Я сейчас! - не останавливаясь, кричит Чупрахин.

- Убежал, - шепчет Мухин. Он подходит к моему автомату и носком сапога подвигает оружие ко мне. Лицо Алексея приподнято кверху, сухие губы, дрожа, что-то шепчут, догадываюсь: "Один патрон берегите для себя".

- Алеша! - вскрикиваю я. Но Мухин уже скрылся за камнем, ушел к Кувалдину.

Темное пятнышко канала ствола смотрит в лицо. Остается только протянуть руку, оттянуть спусковой крючок и нажать на него.

- Пусть будет так.

Уже не чувствую ни жары, ни сухости во рту. В голове ни одной мысли. Под рукой какой-то прохладный твердый предмет упирается в подбородок. Что это? Автомат.

Надо мной склоняется Аннушка:

- Коля! Что ты!..

Рука разжимается, и оружие, скользя по груди, с легким цоканьем ударяется о камень.

- Ребята! Есть вода! - слышится голос Ивана. Навстречу Чупрахину выбегают из-за камней Кувалдин, Мухин.

- Жив?

- Что за вопрос! - держа в цуке флягу, отвечает Иван. - У разминированных фашистов достал воду. Оказывается, мы ухлопали четырех гитлеровцев. Лежат они, беспризорные, при всей экипировке...

Катакомба наполняется гулом автоматных очередей. Сбрасываю шинель и пытаюсь подняться. Голова тяжелая, будто вместо шапки на ней пудовый слиток свинца. Стены, пол, вздрогнув, рванулись мне под ноги, кругом все поплыло, закружилось. Густая темнота хлынула в убежище. Ничего не видать. И хотя бы кто-нибудь произнес слово. Ушли? Нет, слышу тяжелое дыхание.

- Досиделись! - это Мухин говорит. - Из-за одного теперь погибнем все, - шепотом продолжает Алексей.

- Скорее ложись и протягивай ножки, а то опоздаешь на тот свет, сердито возражает Чупрахин. - Не то говоришь, Алеша. Разве можно товарища бросить!

- Что же делать?

- Есть голова, есть руки, значит, не все потеряно.

- Правду говоришь, Егор. Главное - не опускаться ниже ватерлинии, держаться, как положено. Понял, Алеша? Где ты тут стоишь? Вот моя рука... Понял? Нет. Тогда не надрывайся, а то

еще воспаление мозга схватишь, а "скорой помощи", тут, по всей вероятности, нет... Егор, командуй, ведь я тебя генералом нарек.

Аннушка кладет флягу на грудь. Прохлада притупляет боль. Глаза смыкаются. Хочется спать, я еще силюсь услышать голоса, разобраться, что произошло, но дремота все крепче и крепче сковывает.

- 2

Я уже не сплю, лежу с открытыми глазами, но темнота все та же плотная, как повязка из черного крепа. В конце концов, что случилось, почему ничего не вижу? Встаю на ноги, делаю несколько шагов. Плечом ударяюсь о ребристый камень.

- Егор! Где вы?

"Вы-вы", - отзывается далеко под сводами катакомбы. - Ловлю чью-то вытянутую руку. Без труда узнаю: это Аннушка. Сверху доносятся глухие, но настойчивые удары, напоминающие стук дятла.

- Что случилось?

Ладонь Аннушки скользит по лицу, лбу, пальцы теребят волосы.

- Упала, совсем нет температуры, - радостным голосом говорит Сергеенко. - Товарищи, у него нет температуры!..

- Аня, почему я ничего не вижу?

- Присядь, не стой на ногах. Сейчас все расскажу... Настойчиво трудится дятел. Его стук отдается в голове.

- Кто это стучит?

- Теперь бы тебе крепкого чая...

Приподнимаюсь и трясу Аннушку за плечи:

- Почему я ничего не вижу? Что это за стук? Говори: я ничего не боюсь. Слышишь, ничего!

- Ничего? - после минутного молчания спрашивает Аннушка. - Тогда слушай.

Голос у нее немного простужен. Слушаю плохо, жду ответа на свой вопрос и боюсь, что ответ будет слишком суров.

- Немцы взорвали выход из катакомбы, замуровали. Но это не страшно. Мы все равно выйдем отсюда. Слышишь стук? Это Егор с ребятами делает пролом.

- Так, значит, я не ослеп! - от радости пытаюсь вскочить на ноги. Мне уже легко, только еще саднят царапины на лице да дрожат полусогнутые пальцы.

- Чудак! - сдерживая меня, ласково говорит она. - Поднялся, и хорошо. Теперь и нам будет легче.

Стук лопат обрывается, и сразу в катакомбе наступает тишина. Моя голова лежит на плече Аннушки, и я слышу, как гулко бьется ее сердце.

- Успокойся, Коля, - шепчет Аннушка.

- Товарищ интендант, отзовись!

- Это Чупрахин, - поднимается Аннушка. - Они идут обедать... Сюда-а, прямо, прямо! Мы тут! - громко кричит она.

По топоту ног догадываюсь: впереди идет Кувалдин, за ним бесшумно шагает Чупрахин. Он всегда так ходит, словно боится кого-то потревожить.

- Прямо, прямо! - зовет их Аннушка. - Вот так... Садитесь.

Она пошуршала в сторонке, звякнула пустым котелком и первым позвала Мухина:

- Получай... Осторожно, не урони!

- Тут же ничего нет...

- Т-с-с... Чупрахин!

- Есть такой!.. Ого! Как в ресторане... У нас на флоте так не кормили порция на троих, а одному досталась.

- Передай это Николаю.

Иван дает мне кусочек твердого хлеба.

- Ешь осторожно, долго не ел, как бы плохо не было. Так рекомендуют врачи... У них на этот счет целая наука, режимом называется, - предупреждает Чупрахин.

Подношу к губам хлеб и тут только ощущаю голод. Но я не ем, прислушиваюсь, как другие поедают свой паек. Громче всех трудится Иван. Он подозрительно чавкает. Хватаю его за руку, и тотчас все становится ясным,

- Зачем так, товарищи? Возьмите хлеб. Вы работаете...

Егор берет меня за плечи:

- Ешь, тебе говорят. Приказываю. Понял?

Молча съедаю хлеб. Аннушка подает флягу с водой:

- Запей, три глотка, не больше.. Вот так...

- Пролом нам не осилить, - вздыхает Мухин, - который день ковыряемся, а толку нет...

- Егор, прикажи ему молчать, иначе у меня в грудях закипит, и тогда я не ручаюсь, что не ошпарю его кипятком.

- Ни к чему сейчас твой кипяток, - упорствует Алексей.

- Аня! - взвизгивает Чупрахин. - Закрой потуже уши, я сейчас отругаю Алешку такими словами, что у него черти перед глазами запляшут.

- Не запляшут, - упорствует Мухин. - Мне все равно. Выхода нет. Слышите? Все равно...

- Ах ты хлюпик! Где ты тут есть?

- Чупрахин, отставить! Мухин, иди сюда. - Егор усаживает Алексея рядом с собой. Алексей, видимо, не впервые высказывает такие мысли за эти дни.

- Ты бы спел, Алеша, - отзывается Кувалдин. - Спой, повесели

душу. Знаешь, солдат - это крепкое дерево, он умирает стоя. Невелика смелость пустить себе пулю в лоб или назойливо повторять: нет выхода. Надо быть такими, как старые революционеры-большевики. Они на расстрел шли с песнями. Помнишь: "Замучен тяжелой неволей, ты славною смертью почил"? Эту песню любил Ленин...

- Немного ослаб я, - признается Мухин. - Но вы ругайте, ругайте меня, поднатужусь.

- Каков, а? - комментирует Чупрахин. - С таким мы горы свернем. Егор, приказывай долбить этот проклятый потолок.

- Пошли! - распоряжается Кувалдин.

Уходим все. На месте работы меня усаживают на шинель, а сами поднимаются куда-то наверх. Раздаются удары, гулко падают камни. Долбят молча, только изредка слышатся отрывистые фразы:

- Хватит, теперь я.

- Передохни, Алексей, дай-ка лопату.

- Рубай...

- Долби...

Смело, друзья! Не теряйте
Бодрость в неравном бою.
Родину-мать вы спасайте.
Честь и свободу свою.

Слышал эту песню от отца. Иногда он пел ее вместе с матерью.

Сбрасываю шинель и карабкаюсь наверх. Беру у Алексея лопату и начинаю долбить. Кружится голова, и еще чувствуется боль в груди. А я долблю и долблю до тех пор, пока вдруг не замечаю в потолке матовое окошко.

- Свет! - кричу со страшной силой.

- Свет! - повторяют другие.

Кувалдин приказывает расширить пролом. А когда дыра увеличивается настолько, что можно пролезть каждому из нас, Егор командует:

- Хватит, давай все вниз.

Разглядываем друг друга так, точно впервые встретились. У Кувалдина отросла борода, на лбу синяки, ссадины. Но улыбка осталась прежней. Мухин тоже оброс, уже не выглядит подростком. Сильно похудела Аннушка. У нее поседели волосы. Чупрахин почти не изменился, только слегка заострился нос да глаза стали менее озорными. Обнимаемся, кричим "ура", позабыв об опасности.

Иван, приведя себя в порядок, торжественно произносит:

- Егорка, в честь победы за-ку-рим!

Смотрим на него, и на наших лицах нетрудно прочесть: "Сумасшедший, нашел время шутить", но он хлопает себя по карману:

- Вот они, немецкие сигареты. Подходи, угощаю. После перекура по команде Кувалдина один за другим через пролом покидаем подземелье.

- З

Ползем цепочкой: впереди Егор, за ним Чупрахин, я, Аннушка и Мухин. Нам хорошо известна эта местность, изучили ее до мельчайшей складочки еще в первые дни, когда высадился десант. Мы держим направление на небольшой островок земли, окантованный со всех сторон густым частоколом разрывов. Время от времени на островке вспыхивают огоньки ответных орудийных выстрелов. И когда они гремят сердито и звонко, поднимаемся и бежим согнувшись. Потом вновь ползем по изрытой бомбами и снарядами земле.

К вечеру удается глубокой промоиной проникнуть на "островок". Нас встречает сидящий у орудия лейтенант Замков. У него перебиты ноги, на лице пятна крови. Неподалеку от второго орудия неподвижно лежат трое артиллеристов. Егор подхватывает лейтенанта и пытается опустить его в окоп:

- Товарищ лейтенант, сейчас перевяжем...

- Уйди, говорю... Вон там, в нише, ящик со снарядами, давай их сюда.

Чупрахин прыгает в окоп и быстро возвращается с ящиком:

- Есть снарядики!

- Подавай! - щелкая затвором, командует лейтенант. Припав к прицелу, он шепчет что-то и нажимает на спуск.

Орудие вздрагивает. Раздается звонкий выстрел.

- Подавай!

- В душу им! - кричит Чупрахин.

- Подавай!

- Еще!

- Подавай! - Замков отталкивается от орудия и падает на спину.

Егор занимает его место.

- Подавай! - громовым голосом кричит он.

- Молодец, Егор, получай! - Чупрахин, сверкнув глазами, посылает снаряд в приемник.

Танки сползают в лощину, обходят стороной.

Темнеет. Замков пытается сесть. Слабым голосом он говорит:

.

- Я тут оборонял командный пункт... Хижняков дважды вызывал на себя огонь артиллерии... Воздуху мало, душно... Это

пройдет... А Хижняков там, в блиндаже. И знамя там...

И тут Замков упал замертво.

- Чупрахин и Самбуров, за мной, - распоряжается Кувалдин.

Бежим вслед за Егором в блиндаж. Руками разгребаем заваленный взрывом вход. Проникаем в убежище. Иван чиркает спичкой. Вспыхивает свет. Хижняков как смотрел в бинокль, в таком положении и стоит, подпертый столом, перевернутым на попа. На спине большое кровавое пятно.

- Ну... - коротко отзывается Чупрахин, зажигая новую спичку.

- Что? - спрашивает Кувалдин и никак не может оторвать взгляда от полковника.

- Ну, гады, - повторяет Иван. - Теперь у меня нет сердца и я не человек, а пуля, снаряд... Бомба - вот кто я теперь.

И он тихо подходит к телу Хижнякова, прикладывает руку к голове:

- Товарищ полковник, я клянусь вам, что беспощадно буду мстить врагу, буду рвать фашистов на части!

- Похороним, - предлагает Егор. - Здесь, в блиндаже, на боевом посту. И Замкова сюда принесем. Знамя и документы возьмем с собой.

...Ночь темная. Идем уже несколько часов. Впереди движется багровое зарево. Это затухающий бой откатывается к Аджимушкаю. Пробираемся по бездорожью, на ощупь. Часто приходится останавливаться, прислушиваться к каждому шороху. На высотке замаячила небольшая колонна людей. Бесспорно, это гитлеровцы. Кувалдин приказывает залечь.

- Что-то зябко, братишки, - говорит Чупрахин. И, помолчав, резко: Лежим, прячемся. Пусть они боятся нас. Я хочу, чтобы меня боялись. Боялись всюду!

- Тише, успокойся, - строго предупреждает Егор.

- Душа горит, - стонет Иван.

- Соленая душа! Мы-то ладно, но знамя, слышишь, знамя!

- Понимаю, - соглашается Чупрахин.

К утру попадаем в поселок Войково. Решаем переждать до следующей ночи в глубокой, заросшей травой канаве. У меня под шинелью сумка с документами полковника. В ней лежат партийный билет Хижнякова и еще какие-то бумаги, которые мы не успели просмотреть. Иван ведет наблюдение за дорогой, проходящей отсюда в тридцати метрах.

- Наших ведут! - нечеловеческим голосом сообщает Чупрахин. Замечаю, как темнеет лицо у Ивана. Приподнимаемся и, приготовив оружие, смотрим сквозь траву на колонну людей.

- Хальт! - кричит немецкий офицер,

Пленные останавливаются. Многие бойцы ранены, а у

пожилого, что стоит ближе к канаве, оторвана кисть левой руки: кровь тяжелыми каплями падает на землю.

Чупрахина сейчас нельзя удержать, он пружинится, вот-вот вскочит и бросится на фашистов. И Егор об этом догадывается. Он поворачивается ко мне, шепчет:

- Сейчас ударим по конвою. Внимание, открываем огонь сразу и кричим нашим, чтобы они разбегались.

Колонна рвется на части, с шумом, будто разметанная ветром, расползается по садам. Стреляя на ходу, прыгаю в кювет. Попадаю в какую-то яму, притаившись, лежу там. Потом ползу в заросли, обнаруживаю Аннушку. Она лежит навзничь, без шинели, в разорванном платье. Трясу ее за плечо:

- Аня!

Выстрелы рвут воздух. С какой-то неслыханной злостью шуршат осколки.

- Аня!

Она приподнимается, дрожащими руками прикрывает обнаженную грудь.

Когда стихают выстрелы, предлагаю Ане проникнуть в дом, укрыться в нем. Домик небольшой, с каменной оградой. С нашей стороны он прикрыт садом. Еще там, в канаве, Егор наметил его для сбора, возможно, остальные ребята уже там.

- Я отнесу тебя, - настаиваю. - Переоденешься, никто не тронет.

В сенях встречается старик. Он держит в руках керосиновую лампу и растерянно пятится назад.

- Сюда наши заходили? - спрашиваю я. Не дожидаясь приглашения, прохожу в сени, в комнаты. Старик смотрит на меня подозрительно.

Аннушка торопит:

- Уходи. Я останусь здесь, что-то с ногами неладно. Ну, прощай, Самбурчик. Останешься жив, не забывай.

Не могу сдвинуться с места. Ноги приросли к полу, руки одеревенели: как же я оставлю ее одну, что скажет Егор?

- Что же стоите? - заметив мою нерешительность, говорит старик. - Коли так, я вас спрячу, - продолжает он. - В жизни не найдут. Идите за мной. Потом, остановившись, задумался: - Девушка пусть останется здесь, в комнате. Переодену, сойдет за внучку. А ты - пойдем...

А ноги по-прежнему не могут сдвинуться с места.

- Иди, Коля... Слышишь, опять выстрелы!

"Что мне выстрелы! Аннушка, Аннушка! Ты понимаешь меня? По-ни-ма-ешь?" Сергеенко тянется ко мне.

- Иди, родной, - целует она. - Мы еще встретимся.

В сенях старик упирается в шкаф:

- Подсоби отодвинуть. - И поясняет: - Это еще в гражданскую подпольщики оборудовали тайник. Тут они находились при Врангеле. Теперь там погреб.

Обнажилась стена. Кряхтя, дед становится на табуретку ж рукой нажимает на крюк, торчащий у самого потолка. У моих ног неожиданно образуется дыра.

- Полезай, не бойся, надежное место.

Опускаю ноги и вдруг, поскользнувшись, падаю в темноту, сразу попадая в объятия чьих-то крепких рук. Молчу, сжавшись в тугой комок: "Неужели дед обманул?"

- Егор, тресни его по башке, ответит.

Из сотни голосов я мог бы сразу узнать этот голос. От радости спазматический комок перехватывает горло. Мычу что-то невнятное, никак не могу отчетливо произнести слово. Чупрахин уже дает второй совет:

- Под девятое ребро для начала... Аккуратно, без шума.

- Самбуров! - точно выстрел, раздался голос Кувалдина. - Я его сразу узнал.

- Не ошибись! - предупреждает Иван. - Дерни его за ухо. Дерни - не умрет.

- Товарищи, это я... я...

- Он, конечно он, - Егор крепко прижимает меня к своей широкой груди.

Так сидим минут двадцать...

- Егор, Аннушка тоже здесь, - сообщаю я. Кувалдин молча жмет мне руку. Потом тихонько говорит:

- Не надо об этом. Своими глазами видел взрыв, и она взмахнула руками... А проверить уже не мог.

- Честное слово. Я ее принес сюда.

- Значит, спас, - дышит он в лицо. - Откуда ты такой взялся: маленький, тощий, а цепкий?

- Если бы не было знамени, бился бы до последнего фашиста. А чего на них смотреть, на то они и фашисты, чтобы бить их, - отзывается Чупрахин. И, помолчав, снова: - Самбуров, что притих? Кури, Егор, передай ему сигарету... Не знаю, какой она марки.

- Где достал? - интересуется Кувалдин.

- У фрица, они все при сигаретах ходят, порядочного курева у них никто не имеет.

- И стоило к нему в карман лезть?

- Хо, за кого ты меня принимаешь! В поганый карман, что ли, полезу? Он, гад, подбежал ко мне, и, видимо, с перепугу принял меня за своего, начал лопотать по-своему, показывает в сторону

садов, где наши скрылись. Смотрю на гада и думаю: "Давай, давай высказывайся, скорпион". Потом, повернувшись к забору, фистулой: "Шнель!". Ну, я его тут прикладом в затылок: будь здоров! Он повис на заборе вниз головой, а тылом кверху. Конечно, при таком положении в карманах ничто не удержится.

Мы знаем: Иван приукрасил историю с сигаретами, но не возражаем ему.

В полночь в убежище спускается старик. Он сообщает: оставаться здесь опасно, гитлеровцы ходят по домам и разыскивают русских пленных. Решаем немедленно покинуть подвал. Но куда? Старик обещает провести в Аджимушкайские катакомбы. Егор соглашается.

- Веди, дедушка, чего же мы тут будем прятаться? Наше дело воевать, а не в подвалах сидеть.

В полночь прощаемся с Аннушкой: она остается у старика, у нее с ногой совсем плохо. По одному проникаем в сад. Оборачиваюсь и долго смотрю на домик. Хочется навсегда запомнить его. Замечаю пролом в каменной ограде: сюда попал снаряд. В воздухе висят осветительные ракеты, слышатся выстрелы. Определяю по знакомым ориентирам: отсюда до Керченского пролива не больше десяти километров, а до катакомб еще ближе.

- 4

- Тут, - говорит старик и плечом упирается в огромный камень. -Катакомбы имеют много входов, но этот, кроме моей дочери Марьи, никто не знает. Она у меня партийная, Марья-то. Ну, вот извольте, готово. Прощайте. Вход закрою, а насчет девушки не беспокойтесь, укроем.

Держась друг за друга, идем цепочкой. С каждым шагом раздвигаются стены тоннеля.

- Стойте! - раздается позади. Из-за камня вприпрыжку выскакивает согнутый человек с разбухшим за спиной вещевым мешком.

- Беленький! - произносим одновременно. Кирилл подходит вплотную и, еще не веря своим глазам, смотрит на нас удивленно.

- Как попали сюда? - спрашивает он.

- Вот сквозь землю просочились, - показывая на своды, говорит ему Чупрахин.

- Где наша рота, где Правдин? - спешит спросить Кувалдин.

- Впереди, тут, - отвечает Кирилл и сообщает нам, что вокруг катакомб немцы, а в подземелье нет никакого порядка и что встретил он подполковника Шатрова, который здесь же находился на излечении. Госпиталь эвакуировался на Большую

землю, а Шатров остался, ходит тут с костылем, еле двигая ногами.

Бежим к выходу. Попадаются небольшие группы бойцов, какие-то ящики, узлы. Никто не обращает на нас внимания, словно мы превратились в невидимок. Бежим до тех пор, пока не преграждает путь высокий, одетый в изорванную фуфайку боец.

- Куда?

- Товарищ политрук! - кричит Чупрахин. - Это мы...

Правдин ведет нас за выступ. Рядом, где мы только что стояли, с надсадным треском рвется снаряд. Осколки секут камни, наполняя катакомбы металлическим званном. Осматриваюсь вокруг, замечаю Шатрова, сидящего с закрытыми глазами у рации. У его ног лежит костыль. Подполковник торопит красноармейца, прильнувшего к телефонной трубке:

- Вызывай, вызывай... Должны ответить...

- "Волга", "Волга"!.. Я - "Звезда", я - "Звезда"... "Волга", "Волга"!., Я - "Звезда"... - одним тоном повторяет радист.

Правдин поясняет нам:

- Тамань вызываем. Штаб фронта туда переправился, А с командующим нет связи. Генерал где-то здесь, среди войск. Шатров решил организовать оборону Аджимушкая. Он уже дважды водил в контратаку.

- Разрешите доложить, товарищ политрук? - вдруг спрашивает Кувалдин.

- О чем? Как ходили в разведку? Не надо. Я знаю, Мухин уже рассказал...

- О знамени, товарищ политрук. Вот оно, смотрите.

- Наше, дивизионное! - восклицает Правдин и, шагнув к Егору, крепко обнимает его.

- Есть Тамань! - громко кричит радист. Шатров колыхнулся, схватил телефонную трубку.

- "Волга", "Волга"! Я - "Звезда"...

Требую поддержки. Прием. - Подполковник настолько увлечен разговором, что не замечает развернутого знамени, с которым подошел к нему политрук. Лицо его мрачнеет: - К черту вашу шифровку! Высадите десант моряков. Слышите, требую немедленно!

Выслушав ответ, Шатров передает трубку радисту. Подхватив костыль, он вытягивается перед знаменем.

- Откуда оно? - наконец спрашивает он.

- Вот они принесли, - сообщает политрук.

- Рассказывайте, что произошло в разведке, где взяли знамя, - говорит Шатров. Опершись о костыль, он слушает с закрытыми глазами. Кувалдин докладывает подробно о том, как шли в

разведку, как Шапкин пытался выдать нас немцам, как похоронили командира дивизии и со знаменем пробились сюда, в катакомбы.

Подполковник открывает глаза, пристально смотрит на Кувалдина, потом на меня и садится на прежнее место. Он сидит молча, уперев взгляд в полотнище знамени.

- У кого есть курево? - спрашивает он тихо, расстегивая ворот шинели.

- Сигареты, - предлагает Чупрахин.

Сделав две-три затяжки, Шатров говорит:

- Десант высадят. Москва уже распорядилась. Но на большую поддержку рассчитывать не будем: в районе Барвенкова и Лозовой гитлеровцы перешли в наступление, продвигаются в сторону Ростова.

Кирилл протискивается вперед. Топчется на одном месте и робко спрашивает:

- Что же будем делать?

Подполковник с силой мнет пальцами окурок.

- Драться, товарищ красноармеец. Драться, - повторяет он. - Драться вот так, как они, - показывает Шатров на нас. - Эти ребята заслуживают глубокого уважения. Спасибо вам, товарищи, за спасение знамени._ И, поднявшись, продолжает: - Враг не может все время наступать. Сил у него на это не хватит. Придет время - истощится, сгорит он на нашей земле, как дрова, брошенные в топку... Я приказываю всем драться до последней возможности, не терять боевой дух, с паникерами и трусами расправляться беспощадно!

Никто еще определенно не знает, какое количество людей находится под землей: одни говорят - несколько тысяч, другие исчисляют сотнями. Пока трудно определить: катакомбы - это множество галерей и отсеков, бойцы рассеялись по ним мелкими группами и в одиночку. Гитлеровцы уже блокировали большинство выходов.

Стоит тишина, доносятся лишь отдельные выстрелы. Шатров разговаривает с Правдиным.

- Надо навести порядок, - слышу голос подполковника, - сформировать роты, назначить командиров.

- Может быть, лучше утром ударить по немцам с тыла, прорваться к своим?

- Это было бы хорошо, - соглашается Шатров. - Но надо поднять на это людей, повести их за собой...

- Я попробую организовать прорыв. Уверяю вас, товарищ подполковник, бойцы пойдут за мной, - убежденно говорит Правдин.

Слышу шепоток справа:

- Говорят, какой-то боец, по фамилии не то Муха, не то Мошкин, сказывал, что этот самый Шапкин выкрал секретные документы и передал немцам. Они разгадали нашу оборону и саданули...

- Врешь, - возражает кто-то в ответ.

- Чего же мне врать. Что слышал, о том и говорю.

- Нет, братцы, я слышал другое. Вроде бы между командующим фронтом и представителем Ставки не было никакого ладу. Он называл командующего оборонцем и ругал всех, кто укреплял позиции. А командующий кричал на него. Куда ты, говорит, рвешься, фронт не готов для наступления. И вот вам результат.

- Загнул, Семен! Не может быть, чтобы такие большие люди не ладили между собой. Во всем, конечно, виноват Шапкин.

- Дурак ты, товарищ сапер.

- А ты умница, тогда скажи, почему немцы так сильно поколотили нас? Молчишь! А я хочу знать.

- А потому, что ты, сукин сын, плохо ставил мины.

- Да ведь не приказывали их ставить. Говорили, завтра будем наступать. И каждый день так. Неужто саперы виноваты, ребята?! Что он говорит! Да я готов был круглые сутки ставить мины под огнем, под бомбежкой!

Спор между бойцами идет до рассвета. "Кто, почему, как могло случиться?" - наверное, еще долго будут мучить людей эти вопросы.

...Утром гитлеровцы обрушивают на катакомбы шквал огня. Укрываемся в отсеках, за штабелями обработанных камней. Несколько снарядов попадают внутрь катакомб. Осколком в щепы разносит рацию. Вздрогнув, схватился за бок Шатров. К нему подбегает Правдив, берет на руки.

- Атакуйте...

Судорожно вздрогнув, Шатров умирает.

Хороним подполковника в отсеке. На могиле оставляем фанерный щит с надписью: "Подполковник Шатров Иван Маркелович - организатор обороны Аджимушкайских катакомб".

Тут же, у могилы, Прав дин принимает решение: кому-то необходимо выйти из катакомб, оценить обстановку и доложить.

Егор решительно поднимается.

- Пойду, товарищ политрук, - он осматривает оружие. - Готов, приказывайте.

- Я с ним, - заявляет Чупрахин.

- В перестрелку не вступать, действовать осторожно и быстро, напутствует политрук.

У выхода Егор и Чупрахин ложатся на землю и сразу скрываются между камнями. Наступают томительные минуты ожидания. Правдин следит за временем.

- Пять минут, - почти шепотом произносит он, - Десять...

Громко стучит сердце,

- Пятнадцать...

- Ползут! - сообщает кто-то из бойцов.

Политрук, забыв об осторожности, бежит навстречу уже поднявшимся во весь рост Кувалдину и Чупрахину.

Доклад короток: в двухстах метрах от катакомб окопались фашисты. Бой идет на высоте, что восточнее поселка, Над проливом висят вражеские бомбардировщики.

Еще короче выводы Правдина.

- Зовите сюда всех бойцов! - приказывает Правдия.

- Мухин, Самбуров, пошли, - командует Егор.

Стены катакомб ноздреватые, в отдельных местах мокрые. Пожилой боец с лицом Тараса Бульбы, припав губами к надтреснутому камню, сосет влагу.

- Отец, - обращается к нему Чупрахин. "Тарас Бульба" поворачивается к Ивану:

- Внутри горит. Нет ли во фляге воды?

- А ты кто?

- Пулеметчик.

- Иди к выходу, там море воды и жареные гуси с яблоками.

- Шутишь?

- Угадал, отец. Врать не умею. Но ты спеши к выходу. Правдин ждет тебя, говорит: пулеметчик нужен вот так, - Иван выразительно проводит ребром ладони по горлу.

- Правдин? Генерал, что ли?

- Бери выше, при нем знамя кашей дивизии. Понял? Спеши, что же сосать камни, поранишь губы.

- Говоришь, знамя? Иду, - он подхватывает пулемет и бежит к месту сбора.

Наталкиваемся на большую группу людей. Окружив Беленького, они о чем-то спорят. Иван, проникнув в центр круга, сталкивает Кирилла с ящика и поднимает руку:

- Братишки! Только что поступил приказ: всем сосредоточиться у выхода, пойдем утюжить фрицев. Кто против? Таковых нет? Постановили: за мной, кому дорога честь советского воина.

Чупрахин прыгает с ящика и, подняв над головой автомат, бежит к выходу, за ним течет поток людей, Возле меня появляется Беленький. Он кричит на ухо:

- Погоди, как пойдем на огонь, перестреляют!.. Трудно

остановить бег. Отрываюсь от Кирилла и настигаю Ивана, который все еще продолжает повторять:

- Таковых нет. А откуда им взяться среди нас? Бурса, правильно я говорю: таковых нет!

Бойцы окружают политрука. Правдин держит знамя. Взмахнув полотнищем, он говорит:

- Товарищи! Именем Родины, народа, партии приказываю: немедленно атаковать гитлеровцев. Пусть враг знает, что подземный гарнизон Аджимушкая действует и никогда не прекратит своего сопротивления... Чупрахин подбегает к "Тарасу Бульбе",

- Мил человек, дай мне "Дегтярева", а ты попей водички, - подает он пулеметчику пустую флягу.

- Пей сам на здоровье. Семен Гнатенко хорошо орудует этой штукой. Отстань! - свирепо вскрикивает пулеметчик и с необычайной легкостью бежит к выходу.

- Вот это дядя! Готовый матрос. До чего же мне такие нравятся! говорит Иван.

- Внимание! Предупреждаю, - политрук делает небольшую паузу и продолжает: - Как только услышите первую очередь пулемета, сразу открывайте огонь. Кувалдин, вывод бойцов из катакомб поручаю вам. Товарищ Гнатенко, за мной!

Егор выходит вперед и занимает место политрука, представляется бойцам:

- Кувалдин - это я. Приготовить оружие к бою.

Рык пулеметной очереди, и следом возглас Егора:

- За Родину!

- Братишки! - с надрывом подхватывает Иван. - Не отставай!

Поток людей выносит меня на простор. Захлебывается пулемет Гнатенко, поддерживаемый рвущими воздух ружейными и автоматными выстрелами. Над головой Правдина ярко-красным огнем вспыхнуло, взвилось и заколыхалось знамя.

- Вперед! - зовет Кувалдин.

Рассыпаемся по полю широким фронтом. Багряные кусты разрывов становятся все гуще, образуя лес, в котором горит каждое дерево. Справа, из-за высоты, показывается цепь танков. Правдин, взмахнув полотнищем, падает на землю. Знамя, словно длинный язык пламени, некоторое время колышется в воздухе. Чупрахин подбегает к политруку.

- Бурса! - кричит он мне. - Помоги поднять!.. Бледное лицо Правдина искажено болью. Осколок попал ему в ногу.

- Отходите к катакомбам, - приказывает политрук. Осколки дырявят воздух. Чупрахин, прикрыв собой Правдина, тащит его на четвереньках.

- Стреляй, Бурса, стреляй!

- Нет патронов, - отвечаю Ивану,

- Тогда кричи, криком их по мозгам, криком! В грохоте боя мой голос похож на писк котенка. Чупрахин злится:

- Громче! Что ты шепчешь! - И сам поднатуживается: - Братва! В бок им дышло! Эй вы, мы вас не боимся! Вот так их, Бурса!

У выхода останавливаемся. Здесь уже много бойцов. Они лежат между камнями и, у кого еще остались патроны, ведут огонь. Выстрелы жидкие, слабые, как крик обессилевшего человека. Кто-то из раненых просит воды. Чупрахин, привязав полотнище к винтовке, закрепляет его на большой глыбе ракушечника.

- Мы не зайцы, у нас знамя. Дед мне всегда говорил: стяг на ветру порядок в полку.

- Дядя матрос, здравствуйте, - подползает к Ивану Генка. - Я здесь уже давно. Мы с Григорием Михайловичем Пановым прямо со склада сюда...

- 5

Вспышка света - и сразу тугой, звенящий разрыв. Фашисты бьют в катакомбы прямой наводкой. Осколки изрешетили воздух.

Правдин лежит на брезенте. Осколком снаряда ему раздробило стопу левой ноги. Она держится на одном сухожилии. Когда перевязывали, рану, политрук просил отрезать стопу. Никто не решился. Политрук вновь повторяет свою просьбу. Лицо его густо покрыто крупными каплями пота, кажется иссеченным оспой.

- Нож дайте... Я сам, - поднимается он на локтях, смотрит умоляющим взглядом.

Рядом со мной сидит на фанерном ящике боец. У него черные, с узким разрезом глаза, тонкие губы и крупный нос. Где-то видел его. Наконец вспоминаю: Али Мухтаров - повар штабной кухни. Он несколько дней провел в нашей роте, потом его забрали в штаб дивизии - поваром.

Али медленно расстегивает шинель. Вижу: на поясном ремне висит большой кухонный нож, отливающий блеском стали. Замечает и Чупрахин. Он подходит к Мухтарову:

- Погоди, поищу врача. Говорят, Крылова где-то здесь. - И, наклонившись ко мне, шепотом: - Бурса, присмотри за ним, а то рубанет без всякого соображения. Я сейчас, - бежит Иван в соседнюю галерею.

Рядом с Али замечаю заведующего дивизионным продскладом Панова. При нем и был наш малыш. По совету политрука Геннадия определил на склад Шатров,

Панов дрожит, пугливо тараща глаза.

- Чего он так? Противно смотреть! И без оружия! - обращаюсь к Мухтарову.

Али спрашивает Григория:

- Гриша, малярией заболел?

- А? Что такое? - вскрикивает сиплым голосом Панов.

- Говорю, где твоя винтовка? - наклоняется к нему Мухтаров. - Потерял?

- А зачем она?.. Попали в капкан... Командиры, гляди, все переправились на Тамань...

Вспоминаю Замкова, командира дивизии. Хочется громко возразить, но лишь шепчу:

- Как он может так о командирах..,

- А ты, Самбуров, не слушай. Когда я приходил получать продукты, он всегда встречал вопросом: "Не знаешь, скоро ли отведут на отдых?" Пришел на фронт отдыхать! Эх ты, возьми себя в руки! - хлопает Мухтаров по плечу Григория Михайловича.

Тот ежится:

- Подохнем, как крысы... Не хочу так, уйду отсюда.

- Сиди и не паникуй! Ты кто есть? - Али смотрит в одутловатое лицо Панова. - Забыл?.. Напоминаю: боец Красной Армии. Понял? Молчишь! Или уже слова не можешь выговорить?

Григорий, поджав под себя ноги, что-то беззвучно шепчет пухлыми губами. Неподалеку раздается пистолетный выстрел. И когда звук замирает, приглушенный тяжелыми сводами катакомб, Панов кричит:

- Вот, слышали? К черту! Не могу!..

- Не можешь! - кричит Мухин. - Али, дай ему нож, пусть он перережет себе горло.

- Дай, - поддерживают Алексея со всех сторон,

- Пусть сделает себе харакири, самурай.

- На, бери, - воспламеняется Мухтаров. - Бери, чего смотришь? - Али сует рукоятку ножа в трясущиеся руки Панова.

Откуда-то появляется Генка. Он подбегает к Григорию, воинственно пытается защитить его. Но тот пятится назад и грузно падает. Спрягав голову под шинель, Панов стонет долго и тоскливо. Гена по-взрослому сокрушается:

- Вот беда, совсем Григорий Михайлович пал духом.

Очажки паники вспыхивают и в других местах, но тут же гаснут, словно зажженная спичка от сильного ветра. Уже многие знают, что погиб Шатров. Мухин сокрушается:

- Отчего так в жизни происходит, - говорит он. - Хорошие люди погибают в тот момент, когда они очень нужны... И Правдин вышел из строя...

- Война, - одним словом отзывается Чупрахин. Помолчав,

Иван добавляет: - Место погибших займут другие, Алеша.

Я советовал Кувалдину взять руководство обороной в свои руки. Егор докладывал Правдину. Что тот сказал - не знаю. Сейчас, в изголовье у Правдива, держит в руках исписанные листки бумаги. "Нельзя медлить, Кувалдин!" - хочется сказать ему. После гибели Шатрова и выхода из строя Правдива в катакомбах наступило оцепенение. Что-то надо делать. Неужто Кувалдин не думает об этом?

- Готов? - заметив Егора, спрашивает политрук.

Напряженно вслушиваюсь в голос Кувалдина. Читает медленно, с расстановкой, словно боится, что Правдин устанет слушать.

"Товарищи арьергардники, все, кто сейчас находится в катакомбах! Мы попали в сложную и очень тяжелую обстановку. Но это не значит, что мы лишены возможности сражаться с гитлеровскими захватчиками. Все мы тут - советские люди, многие из нас коммунисты, комсомольцы. А это значит, что мы и под землей, испытывая невероятные трудности, обязаны найти в себе силы и умение беспощадно мстить врагу, всеми доступными средствами наносить ему урон.

Именем Родины, партии большевиков, Советского правительства приказываю:

Параграф первый

Из всех оставшихся сил и средств сформировать две роты, которые свести в особый батальон подземной обороны Аджимушкайских катакомб.

Параграф второй

Командирами назначить: первой роты - лейтенанта Донцова Захара Ивановича; второй роты - старшего лейтенанта Запорожца Никиту Петровича.

Командирам немедленно приступить к формированию подразделений и ожидать дальнейших указаний.

Параграф третий

Создается взвод разведки в составе двадцати человек. Командиром взвода назначается боец Чупрахин,

Параграф четвертый

Создается из восьми человек хозяйственный взвод во главе с бойцом Али Мухтаровым. Командиру взвода немедленно ПРИСТУПИТЬ к выявлению продовольствия, водных источников, боеприпасов, медикаментов, медицинского персонала.

Параграф пятый

Для поддержания особо строгого порядка и дисциплины, диктуемых трудностями обстановки, учреждается военный трибунал. При разборе дел о нарушивших порядок и воинскую

дисциплину трибуналу руководствоваться советскими воинскими законами, требованиями обстановки, честью и совестью бойца Красной Армии.

Установить для провинившихся следующие меры наказания:

1) За трусость и неповиновение командиру - расстрел.

2) За менее тяжелые преступления - 15 лет строгого тюремного заключения. Срок заключения осужденный отбывает немедленно по выходе из катакомб.

Члены трибунала не освобождаются от своих служебных обязанностей и разбирают дела провинившихся в порядке общественного поручения, исходящего от комиссара полка.

Приказ вступает в силу немедленно.

Приказ подписали:

Командир батальона лейтенант Кувалдин

Комиссар батальона политрук Правдин

Егор передает приказ политруку.

- С людьми, которые упоминаются здесь, разговаривал? Они согласны? спрашивает Правдин.

Политрук тыльной стороной руки вытирает лицо. Ему трудно говорить. Он то и дело облизывает пересохшие губы. Под раненой ногой не скатка шинели, а бурый холмик, набухший кровью.

- А другие как? - продолжает интересоваться он.

- По-разному смотрят. Есть и зайчонки. Сегодня один такой руку на себя поднял.

- Плохо... Надо наводить порядок. Ведь мы можем это сделать, лейтенант Кувалдин?

- Наведем, Василий Иванович.

- Обезножил я, - закрывая глаза, говорит политрук. - А приказ немного суров... Пусть будет таким... шатровским приказом. Но батальоном ты будешь командовать, а под всеми приказами ставь имя Шатрова... Полегчает мне поговорим подробнее. - Чтобы скрыть боль, отворачивается в сторону.

- Приказ хороший, - шепчу я Егору. - Созывай бойцов.

- Поддерживаешь?

Кувалдин медленно поднимает голову и в упор смотрит па меня. Не знаю, что он видит на моем лице, только вдруг протягивает руку:

- Спасибо, находись при мне.

Возвращается Чупрахин. Он приводит с собой девушку. У нее черные, с прищуром глаза, на щеках веснушки, из-под шапки выглядывают короткие пучки светлых волос. Через плечо - пухлая медицинская сумка.

Иван докладывает:

- Привел, Егорка. Чистый хирург. Не узнаешь? Маша Крылова.

А как он? взглядом показывает на политрука.

Маша разбинтовывает ногу. Осмотрев стопу, она по-книжному заявляет:

- В учебнике полевой хирургии подобные случаи не описаны, и я не могу рисковать вашей жизнью...

- В учебнике? - произносит Правдин. - Режь, сию минуту освободи меня от этого груза. Стопу не спасешь.

- Вы шутите! - продолжает возражать Крылова, ища взглядом сочувствующих.

Мы все отворачиваемся. Только один Чупрахин не отвел глаз: он так повелительно глядит на хирурга, что девушка чуть вздрагивает, молча опускается и вновь начинает осматривать раненую ногу.

- Вы приказываете? - обращается она к Правдину.

- Да, - коротко, с легким стоном подтверждает политрук, шире открыв глаза.

- Хорошо. Вы будете моим помощником, - решительно обращается Маша к Чупрахину.

- Это я могу, - живо откликается Иван. - Хоть главврачом, только бы поднять политрука.

- Остальных попрошу, - продолжает Маша, - держать товарища, да покрепче, чтобы ни одним мускулом не пошевелил.

Операция продолжается томительно долго. Лежу на правой руке Правдина. Он не стонет, только чуть-чуть подергивается. Хочется, чтобы политрук стонал, кричал, чтобы слышали все. Нет, молчит и молчит. Мелкая дрожь передается мне, чувствую испарину на лбу, соленые капли попадают на губы. Маша тяжело дышит, изредка шепотом перебрасывается с Иваном. Голос у Чупрахина глухой, даже трудно разобрать слова. Вижу в нескольких шагах бойцов. Они неподвижны. Звук пилы проникает в мозг, наполняет все тело. А время так медленно идет. Хочется услышать голос политрука, живой его голос. Молчат и Кувалдин и Мухтаров. Минуты превратились в вечность. Можно создать образ вечности из того, что сейчас чувствую и вижу. Это не так трудно, сам частичка вечности: состояние такое, будто меня самого пилят.

- Отпустите, все готово...

Лицо у политрука бескровное. Дрожат сомкнутые веки. Разомкнет ли он когда-нибудь их? Маша сидит возле своей сумки, еще держа в руке шприц. Нет, она не ответит на наш молчаливый вопрос. Бойцы приблизились вплотную. Кто-то громко вздыхает. Слышится шепот Панова:

- Отходился, значит...

Чупрахин резко поднял руку и гневным взглядом уколол

толстяка в лицо. Веки у Правдина сильнее дрожат. Медленно обнажаются зрачки. Шевелятся губы:

- Кувалдин... читайте приказ...

- Политрук живой, с нами! - радостно вскрикивает Кувалдин и бежит к ящику, стоящему неподалеку. Вскочив на него, он потрясает листками бумаги: Товарищи! Именем Родины... приказываем...

"Приказываем..." - повторяется эхо в темных отсеках.

Теперь бы сообщить в Москву: продолжаем сражаться.

- 6

Егор склонился над схемой катакомб. Чертеж нашли в планшете Шатрова, Теперь нам легче разобраться в подземных ходах.

Западный сектор обороняет старший лейтенант Запорожец Никита Петрович. Его мы мало знаем: Егор познакомился с ним после неудачной попытки выйти из катакомб и прорваться к своим войскам. По словам Кувалдина, Запорожец сообщил ему, что он уже два дня с группой красноармейцев обороняет западный вход в подземелье. Именно поэтому старший лейтенант и был назначен командиром роты. Сейчас мы - Чупрахин, я и Мухин - должны отправиться к Запорожцу и помочь ему в организации роты.

Кувалдин показывает на схеме наш маршрут движения. Он говорит так, как будто мы должны идти не под землей, в кромешной темноте, а там, на поверхности, где видна каждая складочка местности, каждый ориентир. Конечно, Егор понимает, какие трудности лежат у нас на пути, но сейчас напоминать о них - все равно что предупреждать человека, переходящего вброд речку, не замочить ноги.

Мы уходим. Впереди идет Иван. В темноте его совершенно не видно. Благо, что Чупрахин по своему характеру не может и двух минут молчать: его воркотня, замечания по адресу своего деда дают нам возможность точно следовать за ним.

В пути находимся уже около часа. Все чаще и чаще натыкаемся то плечом, то головой на острые ребра камней. Мухин ростом ниже нас, ему меньше достается, и он иногда поторапливает Чупрахина:

- Чего остановился, матрос, шагай, шагай,

- Так стукнулся лбом, искры полетели из глаз,

- А ты пригнись, - советует ему Алексей,

- Смотри, как соображает! - шутливо замечает Иван, - Гений! И чего ты, Алексей, так поздно родился. Появись на свет раньше лет на пятнадцать, смотри, в генералах ходил бы, фронтом командовал, а мы бы и синяков не имели.

- Ты что думаешь, командующий виноват? - серьезно спрашивает Мухин.

- "Думаешь"! - повторяет Чупрахин. - Вон позапрошлой ночью слышал я спор. Вот те думали! Один говорит: Шапкин виноват в том, что нас гробанул немец, другой отвечает ему: нет, это ты, сукин сын, плохо ставил мины.

Темнота редеет. Уже замечаются отдельные группы бойцов. Слышны частые выстрелы. Мы попадаем в обширное подземелье, похожее на наш восточный вестибюль.

- Где командир? - спрашивает Чупрахин красноармейца, сидящего у телефонного аппарата.

- Да вин там же, у выхода...

Старший лейтенант встречает нас предупредительным знаком.

Отсюда хорошо просматривается местность. Немцы ведут сосредоточенный огонь. На скате холма видны залегшие гитлеровцы.

- Работаем, как можем, - говорит нам Запорожец. - В атаку пошли, а мы их пулеметным огнем припечатали к земле.

Старший лейтенант грузный, толстый, а голос у него тихий, как у Замкова.

Гитлеровцы поднимаются и бегут под гору.

- Огонь! - командует Запорожец и снова припадает к биноклю.

- Понял! - кричит мне Чупрахин. - У них полный порядок. Тут фашист не пройдет.

Атака захлебывается. Немцы, повернув назад, скрываются за холмом. Запорожец рассказывает нам, как он формирует роту. Но его тревожит положение с боеприпасами, их маловато. Да и продовольствие уже на исходе.

- А как Правдин? - вспоминает старший лейтенант о политруке.

- Пока держится, - отвечаю я.

- Трудно ходить в темноте? - продолжает интересоваться старший лейтенант и, заметив на лбу Чупрахина ушибы, говорит: - Что ж фонарь не взяли? Не догадались?.. Возьмите мой, - предлагает он.

- Смотрите, товарищ старший лейтенант! - кричит наблюдатель.

Мы видим, как по полю к нам движется что-то черное, с виду похоже на детскую коляску.

- Что это за гадость? - всматриваясь в диковину, шепчет Чупрахин. - Вот подлецы, придумают же!

Запорожец приказывает открыть огонь из пулемета. Но коляска продолжает свое движение. Кое-кто из бойцов начинает

отходить в глубь катакомб.

- Что за чудо? - вслух рассуждает старший лейтенант. - А вдруг адская машина?.. Надо уничтожить, но подпустить ее к выходу.

- Разрешите, - вдруг просит Мухин.

- Как фамилия? - спрашивает у него старший лейтенант.

- Мухин... Алексей Мухин..,

Предмет приближается медленно, но точно. Но слышно выстрелов. Даже ветер, до этого гулявший по степи, замер, притаившись где-то. Мухин, прижавшись к земле, почти незаметен из катакомб. Сейчас Алексею мог бы позавидовать любой пластун: виден только кусочек его стеганки. Вот он остановился. Потом медленно ползет вправо и скрывается в складках местности. Коляска приближается. По тому, как она приминает траву, угадывается ее тяжесть, значит, начинена взрывчаткой. Алеша, не промахнись!..

Раздается взрыв. Дым столбом тянется к небу. Бьют немецкие пулеметы, рвутся мины. А Мухина не видно. Где же он?

...Мы собираемся уходить. Запорожец держит в руках фонарь. Он ничего нам не говорит, стоит, окруженный бойцами. Прошел час, а Мухина все нет. "Неужели в двое и придется возвращаться", - не успеваю подумать я, как кто-то кричит:

- Товарищ старший лейтенант, жив, ползет!

Запорожец раздвигает руками стоящих на пути красноармейцев, бросается навстречу Мухину, уже поднявшемуся во весь рост.

- Алеша! - он обнимает Мухина и смеется, сначала тихо, а потом громче и громче. - Ха-ха-ха-ха-ха, какой ты сильный, Мухин... Храбрый ты мой человек... Теперь нам адские машины не страшны! Здорово ты подорвал эту диковинку...

Запорожец провожает нас до темной черты: здесь своды катакомб нависают низко, отсекая дневной свет. Старший лейтенант просит передать Кувалдину, что его бойцы сознают свое положение и будут оборонять вход до последней возможности. Он стоит на месте до тех пор, пока мы не скрываемся в темноте. Я оглядываюсь назад: Запорожец, подтянув на себе ремень, зачем-то взглянув на своды, повернувшись, шагает на свет, туда, где расположилась рота.

- У него полный порядок: и взводы сформированы, и наблюдатели есть. Тут фашисты не пройдут. Так и доложим Егору, - говорит Чупрахин.

При свете фонаря идти легче. Но все же не обходится без неприятностей: не заметили, как свернули вправо и оказались в глухом отсеке. Вспоминаем о схеме Шатрова: на ней обозначен

отсек, о нем предупреждал нас Кувалдин. Приходится поворачивать назад.

- Ничего, - успокаивает Иван, - для нас, разведчиков, это на пользу: будем знать, что на этом пути есть "аппендицит". Без фонаря это - опасная ловушка, в темноте не каждый сообразит.

Он предлагает обозначить отсек камнями.

- Человек в темноте идет ощупью: попадутся камни под ноги, отвернет, вспомнит, что тут ловушка, - поясняет Иван и первым приступает к работе. Мухин подсвечивает фонарем.

- Обосновываемся надолго, - замечаю я Чупрахину.

- Ты, Бурса, об этом не думай, - советует Иван,

- На помощь Большой земли рассчитываешь?

- Да что там рассчитывать!.. Что мы, ребята из детского сада? Мы гарнизон, боевой гарнизон! Продержимся до прихода наших. Алексей сегодня показал, на что он способен. За такой подвиг людей называют героями. Впрочем, Алеша, ты не задирай нос, фрицы могут придумать против нас еще не такую пугу. У них сейчас превосходство - они наверху.

Сделав несколько шагов, Чупрахин вдруг останавливается.

- Котел тоже висит над огнем, но, надо полагать, от этого ему не легче, - говорит Иван, поднимая фонарь вровень своих плеч. Фитилек дрогнул, колыхнулся и погас.

Минуту стоим не шелохнувшись. Темень невероятная,

- Что случилось? - спрашиваю у Чупрахина.

- Керосин кончился. Фонарь, выходит, вещь ненадежная, - отмечает Иван и предлагает держаться ближе друг к другу.

Идем ощупью, пригнувшись, чтобы не разбить голову о камни. Доложим сейчас Кувалдину о положении на западном секторе, и Егор отправит нас к Донцову, он предупреждал об этом. И так, наверное, еще долго будет продолжаться. Словно угадывая мои мысли, Чупрахин говорит:

- Ничего, ребята, мы же разведчики, сидеть на месте нам не положено, Изучим катакомбы, потом легче будет...

* * *

Выслушав наш доклад, Егор вручает нам скопированную схему катакомб. Кувалдину нужна информация от командиров рот. Ее можно получить только через связных, посыльных. А для этого надо людям рассказать, как передвигаться под землей, по каким маршрутам.

Мы уходим к Донцову. Мы - это Чупрахин, Мухин и я.

- Алеша, выше голову...

- Меня в сон клонит, ребята.

- А ты пой что-нибудь, негромко. Помогает. Это я испытал на собственном опыте, когда еще на корабле служил, - советует

Иван.

- Попробую...

Мухин поет тихо, вполголоса. А катакомбы бесконечны. И темнота не редеет...

- 7

Гитлеровцы пытались проникнуть в подземелье и на восточном секторе, но вскоре убедились, что это сделать невозможно: их встречал плотный огонь бойцов лейтенанта Донцова, непрерывно дежуривших у амбразур. Сегодня фашисты ведут себя так, как будто там, на поверхности, и вовсе их нет. Только изредка влетит под своды ручная граната, упадет на каменный пол, гулко разорвется, наполняя воздух свистом осколков, и снова наступает тишина, томительная, глухая.

На командном пункте тоже тихо. Он размещается в большом круглом зале, похожем на огромный опрокинутый колокол. Отсюда в разные стороны расходятся ходы сообщения со множеством галерей и отсеков, наполненных густой, непроглядной темнотой. Два ближайших отсека заняты под службы. В первом разместилось хозяйство Мухтарова: несколько повозок, восемь лошадей, две автомашины, кухня, тюки сена и продовольствие: говорят, всего мешок овсяной крупы, килограммов двадцать сухарей и две бочки пресной воды, расход которой строжайше запрещен. Все это собрано с невероятным трудом. Али перегородил вход в отсек каменной стеной, поставил автоматчика. Пока питаемся тем, у кого что осталось от неприкосновенного запаса, полученного накануне последнего боя там, на поверхности.

Другой, более обширный отсек отведен под госпиталь. Крылова оказалась хорошим организатором. Она по-хозяйски использовала все, что осталось в катакомбах от армейского госпиталя, даже нашлось несколько коек. Большинство из них уже заняты ранеными, больными.

Есть еще один отсек, расположенный на КП. В нем хранятся остатки фронтового имущества батальона связи - телефонные катушки, мотки проволоки, вешки, разбитый коммутатор.

Из темноты выплывает Запорожец. Он уже трое суток не появлялся на командном пункте, держал связь с Егором через посыльных. Никита Петрович одет в свою неизменную фуфайку-стеганку, изорванную на локтях. Лицо его осунулось, обросло густой черной щетиной. На лбу Запорожца два иссиня-черных пятна - следы ударов о камни. Такие синяки теперь у многих бойцов, а у некоторых они уже гноятся. Маша не успевает обрабатывать ссадины, да и медикаментов не хватает.

Я вижу, как Запорожец, облизав пересохшие губы, спрашивает:

- Ну, а как он?

- Вроде легче. Недавно даже интересовался: как, говорит, у нас связь с секторами, нельзя ли, говорит, что-нибудь придумать, чтобы обезопасить передвижение людей по галереям. Сижу вот и ломаю голову... Можно свечи или фонари поставить. Но ведь у нас всего десяток фонарей, а свечи уже кончились. Да и керосин на исходе.

- Стой, не подходи, стрелять буду! - вдруг раздается оклик со стороны продовольственного склада,

- Воды! Глоток воды...

- Не подходи!..

- Ну стреляй...

Хлещет выстрел. На свет выскакивает Панов. Увидев Кувалдина, Григорий подбегает к нему, торопливо расстегивает фуфайку и, обнажив волосатую грудь, кричит:

- Горит здесь! Зачем воду прячете? Пропадает она: долго мы тут все равно не продержимся. Ну что стоите там? - зовет он группу бойцов, пришедших вместе с ним.

Приближается Беленький. Поправив на себе вещмешок, Кирилл поддерживает Панова:

- Нельзя так, товарищ Кувалдин, люди, можно сказать, от жажды помирают, а вы замуровали воду,

- Правильно!

- Кому бережете?!

- Для себя прячете... А жить и нам хочется, - один за другим выкрикивают бойцы, подходя к Егору.

- Что ж молчишь? Или нечего сказать? - вновь начинает Панов.

Прибегает Мухтаров. Он становится между Егором и Пановым.

- Товарищ комбат, я им приказал рыть колодец, они самовольно бросили работу, это нехорошо, очень нехорошо. Где порядок?

- Колодец? - удивляется Егор: он не знал, что Али уже не первый день со взводом втихомолку от других, потому что он и сам мало верит в успех начатого дела, отрывает колодец. Но вода на исходе, получаем в сутки по три - пять глотков. Тут уж на все решишься.

- Вот это здорово, порадовал, товарищ Мухтаров! - Егор, повернувшись к Григорию, говорит: - Как же это так? Как вы могли уйти с боевого поста! Слушайте, что скажу: с этого часа самым большим, самым важным, самым ответственным делом для всего нашего гарнизона будет добыча воды. Вам, товарищ Мухтаров, приказываю: бойцам, занятым на рытье колодца,

выдавать в сутки по двести граммов воды. Работы вести непрерывно, круглосуточно. Если еще потребуются люди, выделим столько, сколько нужно будет.

- Слышали? - Али строгим взглядом окидывает присмиревших крикунов. Пошли, товарищи! - вскинув лопату на плечо, он увлекает за собой ослабевших людей. Беленький, заметив меня, спрашивает:

- Не слыхал, как там на фронте? - И замечает в стороне Семена Гнатенко, склонившегося над радиоприемником. Приемник нашли среди имущества батальона связи. Он оказался неисправным. Гнатенко вызвался починить его. Эта весть уже облетела всех бойцов. Очень хочется услышать Москву,

Семен так увлечен своим делом, что совершенно не обращает внимания на то, что происходит вокруг.

- Видишь, еще не готов, - отвечаю Кириллу!

- А как, по-твоему, Егор правду сказал насчет воды?

- Командир сказал - значит так будет.

- Да-да, двести граммов... Ну, побежал я.

Кувалдин поправляет фитиль в фонаре. Желтый язычок пламени вспыхивает ярче, в глубь катакомбы отступает темнота. Теперь вестибюль кажется просторнее, шире и потолок поднялся выше.

- Никита Петрович, что, если провести по галереям и отсекам провода? Установить их на определенной высоте. Они будут хорошим ориентиром для людей, тогда можно будет быстрее и безопаснее передвигаться в темноте, - сев на пустой ящик, обращается Егор к Запорожцу,

- Понимаю, стоит подумать.

Кувалдин достает карандаш, начинает что-то чертить на куске фанеры.

- Смотрите сюда. Здесь узел будет, отсюда во все стороны пойдут провода: на твой участок, к лейтенанту Донцову, в хозяйственный взвод, в госпиталь...

- А на узле держать человека, - подсказывает Запорожец, - он будет вручать связным и посыльным провод в нужном им направлении.

- Да-да, - воодушевляется Егор. - Только кому поручить эту работу?

- Разведчикам, им легче это сделать, они уже знают многие маршруты.

- Ну что ж, так и решим, - заключает Кувалдин. Он поднимается и некоторое время смотрит на Запорожца. Потом, порывшись в своем вещмешке, передает Никите Петровичу небольшой сверток: - Здесь две пачки махорки. Это подарок

Мухтарова для твоих бойцов, да себя не забудь. Понимаешь, Али наш хозяйственный человек. Не знаю, где он нашел табак. Принес, разделил, а себе и щепотки не взял, Пришлось пожурить. Видите ли, он называет себя тыловым работником. Под землей все - бойцы переднего края. Колодец он роет. Скоро у нас вода будет. Так и сообщи своим ребятам.

Они прощаются. Запорожец глубже натягивает шапку. Бросив взгляд в сторону Правдива, он решительно шагает навстречу черной пасти подземного хода. Проходит минуты три. Там, где скрылся старший лейтенант, появляется желто-красное пятно, Никита Петрович зажег фонарь. Вскоре и огонек исчезает.

Егор еще держит в руках кусок фанеры, о чем-то думает... Командир батальона, у него много забот.

- Чупрахин! - вдруг зовет он Ивана.

Чупрахин лежит на разостланной шинели: он два часа назад возвратился с Мухиным и Геной с задания. Они обследовали одну галерею, пришли усталые, с царапинами на лицах. Только Генка возвратился без синяков. Он великолепно ориентируется в катакомбах. Мы мало обращаем на него внимания: у нас он вольный казак, может пристроиться к любой группе, и никто не возразит мальчишка, что ж с него спросишь. А ему это не нравится, иной раз насупится: что вы, мол, на меня так смотрите. Тогда Иван дает ему пистолет и даже величает его по отчеству: Геннадий Федорович!

Сейчас Генка лежит рядом с Чупрахиным и крепко спит. Устал парнишка. На зов Кувалдина Иван откликается не сразу. Протерев глаза, он говорит Мухину:

- Приснится ж такое! Будто доктор меня целовала, а губы у Маши горячие-горячие, аж страшно стало.

- Это у тебя, Ваня, папироса в зубах тлела, - поясняет Мухин. - Я ее погасил.

- Испортил сон... Ведь в жизни меня еще ни одна девушка не целовала, замечает Чупрахин Алексею и, спохватившись, обращается к Егору: - Что случилось, товарищ командир?

- Есть срочное задание. Иди сюда и слушай внимательно. Проволоку видел в отсеке? - спрашивает Кувалдин, когда Иван подходит к нему.

- Видел и слышал, о чем вы говорили с Запорожцем, - скороговоркой отвечает Иван.

- Ты же спал! - улыбается Егор.

- А я теперь сплю по-особому: минуту сплю, минуту прислушиваюсь, вернее, одно ухо спит, второе слушает.

- Значит, все понятно?

- Понятно. Я на этот провод уже давно смотрю. Думаю, куда

бы его приспособить. А вот вы нашли ему место. К работе приступать сейчас?

- Нет, сначала подумай хорошенько, как лучше сделать. Пойдите с Мухиным, осмотрите провод, прикиньте, хватит ли его, чтобы соединить КП с секторами, какие другие материалы потребуются. Дело серьезное.

У центрального входа, который хорошо виден с КП, вырастают яркие вспышки. Свет от разрывов гранат короткими волнами прокатывается по стенам и потолку.

- Нервничают фрицы, - замечает Чупрахин и говорит Алексею: - Пойдем, Алеша, теперь мы с тобой прорабы-строители.

Проводив ребят, Егор углубляется в какие-то подсчеты. Я вижу, как он быстро водит карандашом по листу фанеры: видно, трудность сообщения с ротами сильно беспокоит его. Да, пока еще есть керосин, спички, мы кое-как передвигаемся под землей. Но кто знает, когда мы выйдем на поверхность, возможно, пройдут недели, месяцы. Ни керосина, ни спичек к тому времени не останется...

- Думай, думай, Егор, наметил ты крайне необходимое дело.

- Сам сообразил или кто подсказал? - спрашиваю Кувалдина, когда он показывает мне свой чертеж.

- Что, плохо, не годится? - беспокоится Егор.

- Нет, все хорошо, Егор Петрович. Надо немедля приступать к делу.

У Кувалдина чуть вздрагивают губы. Не пойму, почему он улыбается.

- Егор Петрович! - подмигивает он мне. - Чудно это слышать. Егор Петрович, товарищ комбат! Как ты на это смотришь!

- Как все. Ведь обстановка так сложилась...

- А мне иногда становится боязно. Командир батальона! Это такая огромная должность!.. Тут и люди, тут и продовольствие, боеприпасы, госпиталь, организация обороны... И все это под землей, а не где-нибудь там, на поверхности.

- Устал? - спрашиваю я Егора. В ответ он громко смеется:

- Как ты сказал: "Устал?" Я и забыл, что есть такое слово - "устал".

Я тоже начинаю улыбаться: действительно, как непонятно сейчас, под землей, в темноте, при голоде и постоянной угрозе смерти, звучит это слово "устал".

Кувалдин поднимается, смотрит на часы. Я знаю, подошел час, который Егор отводит для разговора с Правдиным. Вот сейчас подойдем к политруку, и Кувалдин, как всегда он поступает, будет подробно рассказывать о прошедшем дне, о людях, о том, что делается в гарнизоне, чтобы укрепить оборону.

...Маша встречает нас предостерегающим жестом.

- Уснул, кажется, - шепчет она и отводит Егора в сторону. - Температура сегодня нормальная, аппетит появился... Может, и встанет. Вообще-то он крепкий, товарищ командир. Водички ему достала свежей.

Крылова сама ходила за водой, туда, к выходу: там есть колодец. Немцы ведут за ним непрерывное наблюдение, еще не было случая, чтобы мы взяли из него воду без потерь. А вот она ходила. Нетрудно представить, как ползла между камней, как долго лежала у колодца, ожидая подходящей минуты. И такой момент настал: гитлеровец, видимо, начал закуривать, и этого времени хватило ей - она проскользнула к источнику, зачерпнула ведерко и мигом прижалась к земле, тут уже не так опасно.

- Товарищ Кувалдин, ты пришел? - тихим голосом окликает политрук. Замечательный народ у нас тут, под землей, - опершись на локоть, говорит Прав дин Егору. - Слышал я, как бойцы требовали воды... Тяжеловато им. И все же понимают, все понимают. Конечно, найдутся и слабые. Но ты, Егор Петрович, будь тверд... Нам драться нужно, да так, чтобы не стыдно было потом, после победы, смотреть людям в глаза. Я вот скоро встану, чувствую, поднимусь, обязательно поднимусь... Маша, верно встану, а?

- Встанете, товарищ политрук, - поправляя сползшую с Правдина шинель, отвечает Крылова.

- Слышали? Доктор наш знает свое дело. Вот когда выйдем из катакомб, кончится война, и мы тебя, Маша, пристроим в медицинскую академию. Не веришь? Обязательно так будет. И станешь ты замечательным хирургом, известным на всю страну, а может быть, и на весь мир. И вот наша Маша выступает на международном конгрессе хирургов... И пойдет рассказывать, как производила операции, про наши катакомбы расскажет... Ну, давай, Кувалдин, выкладывай, что нового, как идут дела.

Егор докладывает подробно. Политрук слушает его о закрытыми глазами.

Просыпается Генка. Затянув потуже ремень, спрашивает:

- А где матрос?

- На склад пошел за проволокой, - сообщаю ему.

- Что же не разбудили меня? - нахмурив брови, сердится Геннадий.

Я даю ему щепотку овсянки:

- Подкрепись.

Но он не берет, обидчиво говорит:

- Дядю Панова угостите, а я сам найду чего поесть. Значит, матрос пошел в отсек? - спрашивает он и, не дожидаясь ответа,

спешит к Чупрахину,

- 8

- Пятнадцатая скатка, какая бесхозяйственность, сколько провода оставили! - возмущается Чупрахин, сбрасывая с плеч тяжелый моток. Мухин фонарем освещает место, где нужно наращивать провод. Уже протянули связь в четырех направлениях, осталось соединиться со взводом Донцова. От усталости покачивает из стороны в сторону, будто земля под ногами колышется, а стены уходят из-под рук.

- Не ворчи, Ваня, на связистов, их надо благодарить: теперь нам темнота не помеха. Они выручили нас, - успокаивает Чупрахина Алексей. Он садится на корточки и ловко орудует обмоткой: Мухин так освоил работу, что лучше и быстрее его никто не может соединять концы.

- За что мне их благодарить? - возражает Чупрахин. - Сбежали, как зайцы от огня, и еще в ножки им кланяться!

- По приказу отошли, - замечаю Ивану.

- Что-то я не слышал такого приказа, да и никто его не отдавал, просто силенок не хватило, вот и откатились. - Он берет моток и молча раскручивает его. Шурша, чуть позванивает проволока. Навстречу из темноты выплывают огоньки. Это Мухтаров со своей группой отрывает колодец. Мы приближаемся к ним.

...Колодец уже отрыт на четыре метра в глубину, но признаков воды нет: на дне штольни земля такая же сухая, как и на поверхности. Замечаем Панова. Свернувшись калачиком, он лежит неподалеку и глухо стонет:

- Пии-ить, пи-ить... Воды... Беленький шепчет мне на ухо:

- Это Мухтаров виноват, кто плохо работает, тому он совсем не дает воды. А Гришка ослабел: копнет лопатой раза три и с ног валится.

Панов вдруг тянется руками к горящей плошке:

- А-а-а, вот она... холодненькая, чистенькая ключевая...

Генка трогает за плечо Панова:

- Григорий Михайлович, это же огонь. Разве не видишь?

- На, пей! - Иван дает свою флягу Григорию. - Пей!

Панов растерянно смотрит по сторонам, потом делает три глотка - ровно столько, сколько получил Чупрахин сегодня на день. Вытерев рот и возвратив флягу Ивану, Григорий ложится на прежнее место. Мухтаров сует ему в руки лопату:

- Бери, воду выпил, надо работать. Поднимайся!

Мы молча идем дальше. Чаще попадаются камни, громче звенит провод. В поредевшей темноте угадывается близость восточного выхода...

У Донцова белокурые волосы, высокий лоб: я вижу вблизи его второй раз. На вид ему не больше двадцати двух лет.

- Вчера приходил Кувалдин, рассказывал о вашей работе. Придумано хорошо!.. Керосин кончился, свечей нет - мои связные ходят с рассеченными головами... А как там у вас с приемником? - вдруг интересуется он. - Хотя бы пару слов услышать с Большой земли, где проходит фронт, остановили ли немцев... Да, - помолчав с минуту, спохватывается он, - утром одного фрица в плен взяли. Хотите посмотреть?

- Живой? - интересуется Чупрахин.

- Живой, вон лежит, связанный веревкой.

- Надо было бы разминировать, чего на него смотреть.

- Как "разминировать"? - удивляется Гена, глядя на Ивана. Он слышит это слово от Чупрахина впервые, даже с опаской косится на лежащего немца.

- К Фридриху Второму в гости отправить, - поясняет Иван, - как же еще, малыш, этих скорпионов можно разминировать,

- Допросить надо, - предупреждаю Ивана.

- Верно, - соглашается лейтенант. - Жаль, я не знаю немецкого языка, допытался бы до самой сути.

- Какой сути? - возражает Чупрахин. И решительно заключает: - Он же ни черта не скажет. Не верите? Попробуй, Бурса.

Я, Донцов и Мухин подходим к немцу. Пленный лежит на спине, смотрит так, будто в гости к нам пришел: в глазах никакого страха, одна доверчивость.

- Как фамилия, имя? - спрашиваю, чуть наклонившись к нему.

- Густав Крайцер, - по-русски отвечает он. - Я - коммунист... Ночью наши заложили под колодец взрывчатку, а утром меня послали поджечь бикфордов шнур, мне не хотелось лишать вас воды. Я преднамеренно замешкался у колодца... и был схвачен вашими солдатами.

Подбегает Чупрахин. Он берет немца за шиворот и, резко встряхнув его, ставит на ноги:

- Фашист?! - кричит Иван.

- Нет, коммунист, - тем же спокойным голосом отвечает Густав.

- Смотрите, что он говорит, - глаза у Чупрахина зеленеют. - Коммунист. Может, ты племянник Маркса? Слово-то какое поганишь, щенок ты фашистской суки! За горло схватили, и он - я коммунист. А кто меня загнал под землю? Ты, фашистский скорпион. Алеша, отведи его вон за тот камень...

Неожиданно из темноты появляются Кувалдин и Гнатенко. Егор с удовлетворением оценивает нашу работу, потом, заметив пленного, спрашивает:

- Где вы его взяли?

- У входа, товарищ командир, - докладывает Донцов, - колодец пытался подорвать.

- Допрашивали, товарищ Чупрахин?

- Вот ведем с ним разговор, - отвечает Иван ж тут же срывается: - Чего скорпиона допрашивать! Не могу я на них смотреть: ведь он же живой стоит передо мной.

- А я приказываю смотреть, товарищ Чупрахин! - вдруг повышает голос Кувалдин. - Вы командир взвода разведки, и надо уметь сдерживать себя. Поняли?

Такой строгости Иван не ожидал от Егора. Он молча пятится, затем, остановившись, опускает руки по швам, смотрит на Кувалдина так, словно впервые видит его. А когда Кувалдин поворачивается к Донцову, он шепчет мне:

- Понял, Бурса?

Немец охотно отвечает на вопросы Кувалдина. По словам пленного, гитлеровцы основную часть войск бросили под Севастополь. Здесь, на Керченском полуострове, оставили одну дивизию. В недельный срок они должны вытеснить нас из-под земли. Если им это не удастся сделать, тогда придут саперы-подрывники и поднимут нас на воздух вместе с камнями и землей.

- Ваши начальники знают, сколько советских войск в катакомбах? спрашивает Егор. Густав, не задумываясь, отвечает:

- Командир роты говорил нам, что под землей красных около трех полков.

- Маловато, не знают ваши начальники. Нас здесь побольше. Воды хочешь? На пей, - вдруг отстегивает флягу Кувалдин. - У нас воды много, - настаивает он.

У Чупрахина округляются глаза, и он весь пружинится, еле сдерживает себя, чтобы не закричать, и все же шепчет Донцову:

- Это же фашист, он завтра будет швырять гранаты в нас.

- Самбуров, вот тебе бумага и карандаш, садись и пиши, - напоив немца, говорит мне Егор. - Пиши.

"Старшему начальнику фашистских войск на Керченском полуострове генерал-полковнику Манштейну.

Господин генерал! Вероятно, вы и ваши подчиненные полагают, что ходите вы по завоеванной земле. Жестоко ошибаетесь! Нас здесь, под землей, многие тысячи. Мы располагаем достаточным количеством оружия, боеприпасов, продовольствия. У каждого нашего бойца и командира в душе горит лютая ненависть к вам, палачам и убийцам. Мы верим в свою полную победу над вами, выродками капиталистического мира. Реальность такова, господин генерал, продолжает

диктовать Егор, - что вы находитесь не на земле, а на огне - на раскаленной добела сковородке..."

- И мы вас, сволочей, всех спалим в пепел! - видимо поняв замысел Кувалдина, вставляет Чупрахин, когда Егор делает паузу, чтобы обдумать следующую фразу.

- Запиши и это. И вот еще что, - говорит Кувалдин.

"Вы рассчитываете, что мы дней через пять сдадимся вам в плен. Чепуха, господин генерал! Этого никогда не произойдет. Наоборот, через пять дней мы начнем активные боевые действия. Мы точно знаем, какими силами вы располагаете. Мы уничтожим войска керченского гарнизона вместе с его начальником генералом Пико гораздо раньше, чем успеют подойти подкрепления с севастопольского участка.

Господин генерал, не думайте, что мы вас запугиваем или пытаемся ввести в заблуждение. Нет, мы хорошо знаем, с кем имеем дело, и твердо заявляем:

- Смерть фашистским оккупантам!

Командование подземных войск Красной Армии".

- Понимаете, в чем дело? - окончив диктовать, обращается Егор к нам. Фашисты перебрасывают войска к Севастополю, надо их задержать здесь, отвлечь на себя... И я думаю: генерал поймет это послание так, как нам хочется...

Пленного сопровождаем вдвоем с Чупрахиным. Он идет между нами с видом откровенной покорности. В нагрудном кармане его тужурки лежит конверт с нашим посланием. Уже у самого выхода Чупрахин вдруг останавливается, вопросительно смотрит на меня.

- Что случилось? - спрашиваю я.

- Давай заставим пленного, чтобы он разминировал колодец.

- Как?

- Вот видишь, - показывает Чупрахин длинную, сложенную "восьмеркой" веревку. Где он ее успел захватить- не заметил. - Я его сейчас привяжу за ногу и, если он не разминирует колодец, притащу обратно. Доверять им нельзя, Бурса, нельзя... Ты думаешь, Егор иначе рассуждает? Нет. Но он - командир... Хорошо сочинил письмо. Это мне нравится. Вообще-то он, Кувалдин, подходящий человек, как раз такой и нужен в катакомбах.

Распустив веревку, Иван привязывает немца за ногу.

- Я его морским узелком, не развяжет, вот так. Теперь повтори, Густав, что ты обязан сделать для нас.

- Хорошо, - выслушав немца, продолжает Чупрахин. - Имей в виду, если колодец не разминируешь, обратно притащу тебя, в общем, я сильно обижусь. Понял? - спрашивает Иван. Немец

смотрит на меня таким искренним взглядом, что хочется, чтобы он быстрее ушел.

- Отец у меня дворник. Вы знаете Тельмана? - пытается заговорить Густав.

- Давай, давай, топай, ползи, - подталкивает его Чупрахин, - в Берлине встретимся, поговорим, если ты еще раз не попадешься мне на глаза с оружием в руках.

Немец удаляется медленно, Чупрахин передает мне конец веревки:

- Держи крепче, а я посажу его на мушку... Порядок должен быть во всем. - Иван ложится поудобнее, прицеливается. От выхода до колодца метров сорок. Мы видим, как немец приближается к срубу. Выстрелов не слышно: гитлеровцы всегда так делают - подпустят к колодцу, а иногда даже дадут возможность набрать воды, потом открывают огонь. У колодца виднеются трупы наших бойцов, опрокинутые ведра.

Немец падает, минуты три лежит неподвижно. Потом подползает к срубу колодца, опять замирает. И вдруг бросает в нашу сторону вынутые из мин запалы. Чупрахин велит отпустить веровку.

- Я Густав Крайцер! - вскочив на ноги, вдруг кричит он кому-то там, наверху, и тут же скрывается за холмом.

Иван, подобрав запалы, долго рассматривает их на своей ладони.

- Ишь ты!.. Сработал на нас. Неужели и среди фрицев есть люди?

- 9

Правдин вслушивается в глухую дробь выстрелов, доносящихся с восточного сектора. После того как фашисты прочитали наше послание, они спешат ликвидировать подземный гарнизон. Дни проходят в жестоких боях.

Все находятся на боевых постах - у амбразур и входов. И Правдину все чаще и чаще приходится коротать время в одиночестве. Он уже может сидеть на койке, положив культю на специальную подставку.

- Рассказывай, рассказывай, товарищ Мухин, - отвлекаясь от гула боя, говорит Правдин. Глаза у него ввалились, лицо вытянулось, скулы заострились.

- Утром мы заметили танки. Впереди они катили орудия, - сообщает Алексей. Он только что прибыл с восточного сектора и сразу же решил доложить политруку о бое. - Я сидел у амбразуры, метрах в тридцати от центрального входа. Открыл огонь из автомата. Танк движется, ничего ему не сделаешь... Стволом орудия всунулся в пролом. Что делать? Тогда я изловчился,

вскочил на ствол и камнем забил дуло. При выстреле ствол разорвало. Пехотинцев потом гранатами забросали. Фашисты отошли на исходные позиции. А сейчас опять полезли. Но в подземелье им не войти, не пустим...

- Камнем забил ствол? - удивляется политрук. - Когда же ты таким стал?

Правдину делается зябко. Я набрасываю на его плечи шинель. Политрук, поправляя полы, продолжает:

- А я вот валяюсь на кровати... Когда поднимусь, многих не узнаю... Слышал я, товарищ Мухин, как ты адскую тележку уничтожил. Не страшно было на такую невидаль идти?

- Не знаю, - откровенно признается Алексей.

- Как не знаешь! - чуть наклонившись вперед, улыбается Правдин. Совсем ничего не помнишь?

Алеша морщит лоб:

- Помню...

- Что именно? Расскажи, как эта машина двигалась и можно ли ее на большем расстоянии подорвать?

- Этого я не знаю, товарищ политрук. Провод у нее сзади волочился, это я видел. Кувалдин говорит, что машины такие управляются электричеством.

- Верно, электричеством, - подтверждает политрук. Он берет костыли, рассматривает их: - Я скоро поднимусь. Приемник Гнатенко наладит, будем слушать Большую землю... "От Советского информбюро, - выпрямляясь, меняет голос Правдин. - В результате решительных контрударов Красная Армия остановила наступления фашистов. Разгромлены следующие немецкие дивизии..." О, такое время настанет, товарищи!

Правдин, опираясь на костыли, пробует идти. Но тут же, едва сделав два шага, опускается на кровать.

- Ничего, освоюсь, еще как буду ходить, - упрямо заявляет он.

Мы берем гранаты, собираемся уходить. Правдин подзывает к себе. По его лицу видно, что ему не хочется оставаться одному и он разговаривал бы с нами без конца.

- Скоро поднимусь, - говорит политрук и делает знак, чтобы мы отправлялись.

Сквозь пролом виден кусочек земли. На зеленой траве в разных позах лежат трупы гитлеровцев. Их не убирают: нельзя - это поле наше, тут каждый кустик у нас на прицеле. Донцов так распределил секторы обстрелов, что подойти вплотную к катакомбам невозможно. Но фашисты все же лезут.

Только что отразили атаку гитлеровцев. Рядом со мной лежит Панов. Вытянув голову, он смотрит в амбразуру. Григорий не обращает внимания на подошедшего Егора. Кувалдин

спрашивает:

- Как у вас, тишина?

- Светает, - тянет Панов. - Дождик накрапывает. Хорошо там, в поле.

- Горизонт чист? - повторяет Егор.

- Море... Уйма воды, - о своем продолжает Панов.

- Встать! - вдруг кричит на Панова Кувалдин.

- Ну вот, опять появились, - вдруг вскакивает на ноги Григорий. Смотрите, они идут! - тычет он рукой в амбразуру.

- Приготовиться! - командует Егор и, оттолкнув в сторону Панова, до пояса скрывается в проеме.

- Идут тремя группами, - сообщает Кувалдин.

Мухин готовит гранаты. Чупрахин расчищает место, чтобы удобнее было вести огонь, Донцов поднимается к верхнему пролому: там, под самым потолком, он оборудовал себе бойницу и оттуда ведет огонь по немцам и управляет ротой. Беленький подает ему боеприпасы, круто задрав голову.

- Каждый, каждый день, - сокрушаясь, шепчет Панов. - Сами напросились... Письмо послали... Чем больше, тем лучше! - вдруг повышает он голос.

- Ты о чем? - спрашивает его Мухин.

- А-а! - отмахивается от него Панов. - Накликали беду на свою голову.

- Гришка, замолчи! - кричит Чупрахин. - Иди ко мне, места хватит...

- Идите! - приказывает ему Кувалдин, поднявшись во весь рост. Панов бежит к Ивану. Чупрахин сует ему в руки гранату:

- По моей команде будешь бросать. Если сдрейфишь, самого спущу туда, показывает он на пролом.

Егор забирается к Донцову. Гул моторов нарастает.

- Первая амбразура, огонь! - командует Кувалдин.

Первая амбразура - это я и Мухин. Мы бьем из автоматов, видим, как прижались к земле гитлеровцы.

- Четвертая амбразура, огонь!

Там Гнатенко. Он пускает в ход пулемет.

- Третья амбразура, гранаты бросай! - С высоты, где находится Егор, просматривается почти вся местность, прилегающая к восточному сектору, и Кувалдин безошибочно управляет огнем,

- Вторая!

Так подряд два часа.

Когда утихает бой, у амбразур остается по одному человеку, остальные отходят в глубь катакомбы. Вскоре сюда приходит Кувалдин. Кто-то достал ему кубики, и теперь у него на

гимнастерке поблескивают знаки лейтенанта. Он садится рядом с Генкой, заботливо поправляет сбившуюся на затылок пилотку.

- Ну что, дружок, подходяще воюем? - с улыбкой спрашивает он.

- Хорошо, - бойко отвечает Генка, держа в руках гранату. Он получил ее накануне боя, но Мухтаров предусмотрительно извлек из нее запал. Такое отношение не по душе мальчишке. - Товарищ командир, - обращается он к Егору. - Я уже изучил гранату. Распорядитесь, чтобы мне дали запал... Понимаете, обидно мне...

- Получишь, - успокаивает его Кувалдин и начинает подводить итоги боя.

- Идут! - сообщает Чупрахин, сидящий у амбразуры.

- По местам! - командует Егор.

Только под вечер гитлеровцы прекращают атаки, наступает затишье. Кувалдин, обойдя боевые посты, разрешает поспать. Но сам он не спит. Возле Егора горит плошка. Развернув шатровскую схему катакомб, Кувалдин долго рассматривает ее, что-то чертит. К нему присаживается Генка. Помолчав немного, он спрашивает:

- Сколько верст отсюда до Москвы?

- А зачем тебе?

- Поеду в Москву. Расскажу, как вы тут воюете. Помощь пришлют...

- Помощь?.. Да ты что, не веришь в наши силы?

- Я-то верю, а вот дядя Панов не верит, говорит - бесполезно здесь сражаться...

- Не верь ему. Вот вырастешь - сам поймешь, малыш, что мы сражались не зря... Есть такой документ, военной присягой называется. Слышал такие слова: я клянусь защищать Родину мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагом?.. Нет, Гена, ты не слышал таких слов. А у меня они в сердце. Каждый красноармеец их помнит.

- И дядя Панов?

- Обязан помнить, - отвечает Егор и, поднявшись, долго смотрит на спящих вповалку бойцов. Заметив меня, он спрашивает: - Ты что не спишь? Отдыхай..

И он идет к амбразурам, забросив автомат за спину.

- 10

Ветром доносит запах трав: вероятно, там, в поле, ничего не изменилось - цветут травы, солнце светит, как светило до этого миллионы лет. Ветер чистый и мягкий, как гагачий пух, он льнет к лицу, щекочет ноздри, а вокруг колышется зеленое море. Проплывают рваными лоскутками тени от перистых облаков.

Июнь - начало лета!

Пахнет травами... И кусок неба виден вдали. На его фоне черными силуэтами четко рисуются фигурки людей, сидящих у самого выхода в различных позах - впереди всех Правдин, рядом с ним Маша. Она вместе с Семеном Гнатенко и Геной принесла сюда на носилках политрука подышать чистым воздухом. Немцы теперь почти не стреляют, словно забыли, что под ними находимся мы, те самые люди, которые две недели подряд не отходили от амбразур, отражая все их попытки овладеть подземельем. Фашисты притихли, наверное, ждут подкрепления, от Севастополя будут отрывать. Что ж, севастопольцам легче будет, им же там очень трудно.

Срастив оборванный провод, я и Мухин приближаемся к выходу. Здесь крепче пахнет травами. Мне хочется сказать об этом Чупрахину, но он делает мне знак молчать. У политрука заметно ожило лицо, хотя чувствуется, что он еще слаб. Правдин сидит у самого выхода, за грядой камней, и смотрит на виднеющийся вдали клочок земли, местами обугленный, местами поросший зеленой травой. Низко над холмом пролетает стайка птиц.

В тишине отчетливо слышатся голоса немцев. Над входом нависает козырек каменистого грунта. Там находятся гитлеровцы, и мы иногда бываем невольными слушателями их разговоров. Для политрука это в новинку.

- Товарищ Самбуров, о чем они? - заметив меня, интересуется он. Маша предлагает отойти подальше, вглубь. Политрук останавливает ее: - Не надо, дай послушать. Самбуров, ну что они говорят?..

Я прислушиваюсь, стараясь понять каждое слово, и перевожу:

- Инженерная часть прибыла... саперы, подрывники...

- Так, так, еще что? - полушепотом спрашивает Правдин.

- Обмениваются мнением, как будут выкуривать нас из-под земли газами...

- Интересно! - оживляется политрук и советует мне выдвинуться ближе к выходу и дослушать разговор гитлеровцев. Козырек довольно большой, немцы не могут заметить меня, но им ничего не стоит бросить гранату. Я прижимаюсь к стене, в этом месте у нас прорыта канавка, узенькая щель, она ведет наверх, в ней можно укрыться от осколков.

Здесь слышимость лучше, каждое слово можно понять... Оказывается, ночью фашисты не спят, им до чертиков надоели дежурства у пулеметов, ожидание наших вылазок, и генерал Пико наконец-то принял решение - вызвал сюда саперов и подрывников.

На минуту беседа прерывается. Я осторожно выпрямляю

онемевшую ногу. Разговор возобновляется: "Кончим с подземными дьяволами, под Севастополь пошлют". - "Ну и пусть... Разделаемся с Севастополем, пойдем на Баку. Там шашлык, вино и персиянки или, как их там... азербайджанки, что ли... Густав? Да ты что нос-то повесил? На вот гранату, швырни им туда. Бери, чего смотришь? Ну, пошевеливайся, не то доложу капитану, что ты щадишь жидов, или, может быть, после того, как ты побывал в их руках, красным стал? Ха-ха-ха... Ну-ну, швырни одну..."

Слышится шорох. Сверху, вдоль ровика, падает тень человека, руки опущены, неподвижны. "Густав Крайцер, что же ты задумался?" Почему-то хочется, чтобы быстрее бросил гранату, может, оттого, что я верю, что он ее швырнет в сторону. Тень шевелится, от нее отделяется изогнутая ветвь, своим концом она падает мне на лицо.

"Давай, давай, мой мальчик, пошли им свой привет... с огоньком и металлом", - слышится сверху.

Граната падает в стороне от ровика. Осколки со свистом впиваются в камни. Я приподнимаю голову - тени уже нет, на ее месте, клубясь, колышется черное облачко дыма. "Неужели это тот Густав?" - вспоминаю я пленного немца.

Ползу обратно, сталкиваясь с Чупрахиным.

- Цел? - спрашивает он. - Политрук беспокоится, послал за тобой.

Я гляжу в лицо Чупрахину и догадываюсь: сам ты напросился. Иван, он такой, всегда готов прийти на помощь.

- Чего смотришь? Точно тебе говорю: политрук послал, - словно угадав мои мысли, утверждает Чупрахиы. Он замечает на моей стеганке свежий след осколка, молча снимает с плеча кусок ваты, разглядывает его, потом сдувает со своей ладони и вдруг совсем о другом говорит:

- Слышал, Али всех коней порезал, теперь у нас много мяса. Ясно? Ты ел конину? Нет? Ничего, пойдет. Только когда будешь есть, закрой глаза и думай, что перед тобой бараний бок, а главное - не дыши: в пище запах - основное. Об этом мне дед говорил. Умел старик шашлык на вертеле готовить. Пока он жарил, я слюной истекал: такой дух вкусный шел от шашлыка.

- Ваня, скажи правду: у тебя действительно есть дед? - я давно хотел об этом спросить Чупрахина.

- Конечно, есть, не от козы же произошел мой отец. Дед как дед: голова, уши, ноги, руки и даже борода лопатой. Он в трех войнах участвовал и вот четвертой дождался. В японскую ему правое ухо начисто срезало осколком, в империалистическую кусок лодыжки оторвало, наросла, только шрам остался. А в гражданскую ему два пальца на руке беляк саблей отрубил.

Теперь моего деда хоть в музей выставляй: живой экспонат истории войн. Вот какой у меня дед, Бурса, понял?

- Понимаю, Ваня.

- Ну и отлично. Важно, чтобы человек понимал... Я так думаю, Бурса, что в сознании человека основная его сила. Сознание вроде бы второе его сердце, а может быть, еще и поважнее. Вот ты ушел по приказу политрука, а у меня муторно стало на душе: думаю, как же он там один? Есть такое слово озарение, слышал?

- Слышал.

- Так вот мы и есть озаренные солдаты, идеей озаренные.

- Это кто же тебе сказал?

- Политрук.

...Правдив слушает внимательно. Он, как прежде, сидит на носилках, и, как прежде, подле него Маша.

- Значит, они ждут инженерную часть. Из-под Севастополя снимают!.. Это уже хорошо. Значит, мы в одном ряду с севастопольцами. Понимаете, товарищи, мы на переднем крае, боремся, деремся. Как это здорово!.. Ну а еще что они говорили? - Политрук прикладывает к губам мокрую ватку: его мучает жажда. Воды у нас осталось не более двух ведер, теперь только губы смачиваем.

По одному и небольшими группами подходят бойцы. Многие из них видят Правдина впервые. Он снимает с себя стеганку и с помощью Маши кладет ее под забинтованную ногу. На нем чистая гимнастерка, поблескивают на петлице кубики, на рукавах большие красные звезды. Освещенный светом, идущим сверху, Правдин выглядит как-то непривычно для подземелья. Но заострившееся лицо, сухие, покусанные губы напоминают: и он из катакомб, боец подземного гарнизона.

- Ру-у-у-с, вода кушать хочешь? - противно, с надрывом слышится сверху. - Ха-ха-го-го, ха-ха.

И так тоже бывает. Сидишь у амбразуры - и вдруг этот крик. Фашисты знают, что мы без воды, вот и орут.

- А я этот колодец все же найду, - вдруг отзывается Генка. - Мне бы только достать фонарь. - Генка давно мечтает чем-то отличиться. Порой он говорит о таких вещах, которые, по его убеждению, должны привлечь внимание всего полка. Но... его фантазия никого не интересует. А он полагает, что дяди пока заняты своими делами и им пока не до него. Генка терпеливо ждет: когда-нибудь и он окажется в центре внимания. Недавно он заявил Егору, что где-то в глубине катакомб имеется колодец и он обязательно найдет его. Да, если бы это так было, Гена... А может, и вправду говорит, ведь катакомбы полностью нами не изучены.

С шумом падают на землю тяжелые брызги воды. Это гитлеровец плеснул из ведра. Я замечаю, как дрогнули у бойцов пересохшие губы, как широко открылись глаза, устремленные на мокрое пятно, появившееся на бугорке у выхода.

- Садитесь, товарищи, - будто не услышав всплеска, говорит политрук подошедшим бойцам и вдыхает в себя свежий воздух. - Парнишкой любил я ходить в ночное. Небо сплошь усеяно звездами. Тишина! Слышно, как кони жуют траву, как где-то далеко-далеко в старых развалинах голосит сыч. Ненавидел я эту птицу...

- Дальше-то что будем делать, товарищ комиссар? - вдруг раздается хрипловатый голос бойца, подошедшего сюда в числе других. - Воды дают по капле, только губы смачивать.

Чупрахин ищет взглядом того, кто произнес эти слова. Правдин, упершись руками в носилки, расправил согнутую спину.

- Вопрос вполне законный. - Политрук стучит флягой, висящей у него на ремне. - Действительно, пусто, воды нет. И колодец, по-видимому, нескоро отроют. Что же делать? А? Просить у немцев пощады, в плен сдаваться? Оружие складывать? Борьбу прекращать? Садиться за колючую проволоку и смотреть оттуда, как фашисты ходят по нашей земле, насилуют наших женщин, расстреливают отцов и матерей, уничтожают наши дома, заводы, фабрики, разоряют наши колхозы? Если мы так поступим, если мы, люди с оружием в руках, дрогнем перед трудностями, кто же нам простит потом?..

- Ру-у-ус, вода кушать хочешь? - опять кричит гитлеровец, едва политрук сделал паузу.

- Вот он орет, - не оборачиваясь на крик фашиста, замечает Правдин, но орет он не оттого, что ему там, наверху, под нашим солнцем весело и покойно, орет он, скорее всего, от страха. Чует, проклятый сыч, что рано или поздно его гнездо будет уничтожено... Вот вы, товарищ красноармеец, обращается Правдин к пожилому бойцу, сидящему ближе всех к нему, - скажите мне: наступление весны можно остановить?

- Весну? Как же ее остановишь! Пришла пора - ручьи запоют: как бы мороз ни лютовал, а солнышко свое возьмет.

- Правильно! Хорошо сказал! А мы - ты, я, Чупрахин, Самбуров, Мухин все советские люди - солнце, большое, яркое. Оно все ближе и ближе подходит к зениту. Остановить его невозможно, в мире нет такой силы, чтобы могла погасить это светило. Да, да, мы - солнце. И враги знают об этом, потому и лютуют, злобствуют, чтобы как-нибудь оттянуть срок своей окончательной гибели. Но пора придет - ручьи запоют, солнышко свое возьмет!.. Что касается воды, то могу вам сообщить: мы с

командиром батальона решили создать команду по добыче из ракушечника воды. Видите камни, они мокрые, если их пососать, можно собрать несколько капель воды, а из капель, как говорится, образовались реки и моря... Так что же нам дальше делать? А?

- Бить фашиста, товарищ политрук! - скороговоркой отвечает Гнатенко. Всеми силами помогать нашим товарищам - севастопольцам.

- Ру-у-с, вода кушать хочешь?..

Алексей расстегивает ворот гимнастерки и вдруг предлагает:

- Споемте, а?

- Давай "Священную войну", Алеша. Молодец, так всегда надо отвечать им.

Песня вздохнула и загремела:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Песне тесно в катакомбах. Она вылетает на простор:

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!

Одна за другой рвутся гранаты, брызжет пламя. Там, где час назад пролетали птицы, голубело небо, колыхалась на ветру зеленая трава, стоит смрадный дым.

...Пойдем ломить всей силою,
Всем сердцем, всей душой
За землю нашу милую,
За наш Союз большой!

Поем до тех пор, пока гитлеровцы не прекращают огня. Маша, Гнатенко поднимают на носилках Правдива, но он велит опустить его:

- Попробую самостоятельно пройти. Дайте-ка мне костыли. Шатров... И здесь он меня поддерживает, - задумчиво произносит политрук и, неуклюже раскачиваясь, делает несколько движений, потом поворачивается к нам: Понятно! Хожу, товарищи!

Он постоял с минуту и, поддерживаемый с двух сторон Машей и Гнатенко, медленно заковылял на командный пункт.

- Понятно, - нарушает молчание Чупрахин. - Что будем делать? Видали, безногий пошел. Черта с два они нас согнут! Драться будем, понятно?!

Али склонился над большой конторской книгой. Он подсчитывает остаток продовольствия. Мухтаров это делает каждый день. Ровно в семь часов вечера он берет эту толстенную

книгу и начинает что-то черкать в ней, мурлыча про себя. Но сегодня Али молчит.

К Мухтарову тихо подсаживается Гриша Панов и смотрит на бойко горящий фитилек в плошке, смотрит неотрывно, словно вот-вот из этого маленького пламени вырвется струйка воды. У Гриши крупные черты лица, из-под шапки торчат плотные завитки волос, когда-то они были черными, смолянистыми, теперь табачного цвета.

- Раскладку на завтра готовишь? - спрашивает Панов у Али. - На завтрак: гречневая каша с бараниной, сливочное масло и чай. Да-а-а, знакомое дело... Сколько я вам, поварам, отвешивал вот этими руками таких продуктов. Даже шоколад имелся на складе. А теперь... Ну что ты пыжишься, ломаешь голову, ведь ничего же на складе нет!

- Ты что, проверял? - серьезно спрашивает Мухтаров, оторвавшись от расчетов. Гриша укоризненно качает головой:

- Что осталось? Или это военная тайна?

- Смотри, - обращается ко мне Али. - Ожил наш Гриша.

Панов сощуривает глаза, вбирает голову в плечи:

- Ах, как вкусно пахнет шашлыком! Скоро подадут... По-карски! Слышите шаги, это официант идет.

Я гляжу на Панова, жалость сжимает грудь. Хотя Семен Гнатенко и говорит, что Гриша хитрющий человек, разыгрывает из себя сумасшедшего, чтобы в наряды не ходить, а воду получать, все же у Панова нервное потрясение, иногда он совершенно невменяем.

Цокает костылями Правдин. Рядом со мной ложится длинная тень человека, потом сам политрук присаживается на ящик.

- Докладывай, товарищ Мухтаров. - Правдин вялым движением руки расстегивает стеганку. После того как побывал у восточного выхода, политрук ежедневно тренируется в ходьбе на костылях. Ходит он и на ближайшие объекты обороны. Он сам смастерил себе протез, страшно доволен им, хотя видно, что ходить на таком грубом протезе тяжело.

Али, перелистывая книгу, говорит:

- Конины хватит на пять дней, крупы осталось десять килограммов. Воды ведро. Я рассчитал... Если мяса выдавать в сутки на каждого человека по сто граммов, можно растянуть. - Мухтаров чуть косит взгляд на Панова и не решается сказать, на сколько дней хватит конины.

Политрук берет у Али книгу и начинает сам подсчитывать. Гриша поднимается и, стараясь ступать на носки, направляется к Гнатенко, поодаль склонившемуся у приемника. Семен не отступает от своего обещания - в радиоприемнике не хватало

конденсатора, он все же где-то отыскал его и вновь принялся за работу.

Правдин передает Мухтарову книгу и, поудобнее положив культю на ящик, отдает распоряжение:

- Воду давать только лежачим раненым, мясо уменьшить до восьмидесяти граммов, крупу завтра разделить на две части и отослать бойцам Запорожца и Донцова... Как с колодцем? - интересуется он.

- Метров на пять отрыли - никаких признаков воды.

- Работы продолжать, если надо, возьмите еще несколько человек. Панов работает или все по-прежнему? - интересуется Правдин, глядя на Григория, сидящего рядом с Семеном у радиоприемника.

- Только о шашлыке вспоминал, запах ему чудился. По-карски, говорит, пахнет. Видать, окончательно вышел из строя.

- Но вы его не обходите с питанием, выдавать все, как и другим... Пусть сосет мокрый ракушечник. Оружие отобрать, диски с патронами возьмите себе, товарищ Самбуров.

Он, побарабанив пальцами по фанере, приглашает Мухтарова пойти с ним к раненым, хлопает по протезу:

- Хожу. Чертовски хорошо, когда у человека есть ноги!

Да, чертовски хорошо... Слышу, как скрипит под ним деревяшка: политрук первым трогается с места. Али прячет в ящик книгу и спешит за Правдиным. Догнав его, становится впереди, чтобы осветить фонарем путь.

До галереи, в которой помещаются раненые, недалеко - метров семьдесят. Сейчас там Маша. Вечером ей помогают Чупрахин и Мухин. Иван быстро научился делать перевязки. Маша хвалит Чупрахина, а он немного обижается, когда напоминаем ему об этом. "Я солдат, а не брат милосердия", - передернет он плечами, а по глазам видно, что в душе гордится тем, что доктор так отзывается о нем. Иван все чаще и чаще останавливает свой взгляд на Маше. Как-то я сказал ему об этом, он поднес свой кулачище к моему носу и незлобиво предупредил: "Молчи! - Но тут же задумчиво бросил: - Все это пройдет, Бурса, - он постучал себя в грудь. - Подшипник здесь ослаб, но я его подтяну".

Чтобы даром времени не терять, решаю заштопать себе шинель, да и Кувалдин уже предупреждал меня об этом. Освобождаю фитилек от нагара, делается светлее.

Гриша хихикает под ухом:

- Гнатенко сейчас кусок уса откусил. Поспорили мы. Он говорит: через пять минут голос Москвы услышу. Я возразил. Он протянул мне руку: пари! Ладно, говорю, если ничего не выйдет,

ус себе откуси. Не вышло, и Семен отгрыз... Вот упрямый хохол! Пошутил, а он всерьез принял. Я понимаю Гнатенко: снявши голову - по усам не плачут. Какая разница - с усами или без усов пропадать... - Панов вдруг предлагает мне: - Давай посмотрим книгу, что там из продуктов осталось. - Он тянется к ящику, гремит запором. Я с силой отталкиваю его в сторону:

- Не смей!

Гриша сопротивляется: он кряжистый, и мне трудно справиться с ним, но и нельзя допустить, чтобы посмотрел книгу: Мухтаров ее показывает только Егору и Правдину. Конечно, особых секретов в ней нет, но я сегодня дежурный на КП и обязан строго соблюдать порядок. Панов вновь тянется к запору, у него глаза нормального человека, и все же меня охватывает неприятный холодок. Молчат своды, вокруг непроглядная ночь. Возле зажженной плошки согнутая фигурка Семена, склонившегося над черным ящиком радиоприемника. Занятый своим делом, Гнатенко не слышит нашу возню.

- Погоди, Гриша, зачем тебе эта книга? - отступив на шаг, спрашиваю Панова. Он садится на ящик.

- Ты, Самбуров, ребенок, ничего не понимаешь. Они хитрят. Хлеба нет, крупы нет, конина на исходе. И воды ничего не осталось... Обманывают они, понял? Не веришь? Взгляни в расходную книжку, сам убедишься.

- Кто обманывает? - кричу в лицо Панову.

Гриша усмехается:

- Думаешь, я ничего не соображаю? Нет, все понимаю, решительно все!.. Надо кончать эту волынку. Героизм! Кому он нужен, такой героизм. Безумие, понимаешь, безумие! Уходить надо отсюда, пока немцы не начали травить газами. Досиделись! Пришли саперы. Они взорвут нас.

- А куда идти?

- Всех не перестреляют. Рядовых не тронут. Понял? Потихоньку по два-три человека и выйдем.

- Замолчи! - обрываю Панова. - Ты что мне предлагаешь? В плен идти? Притворился дурачком, а сам какие мысли вынашиваешь. Опомнись, Гриша!..

- Смотри! - вдруг кричит Панов. - Вода! - Он бросается к камню, лежащему неподалеку. Упав на колени, он тянется ртом к ребру ракушечника, чмокает губами, делая вид, что глотает воду.

Подходит Гнатенко.

- Опять кривляется, - замечает Семен. - Встань, болван, - берет Григория за шиворот и поднимает на ноги. Панов облизывает губы, потом смотрит на Гнатенко так, словно впервые его видит:

- Товарищ полковник... здравствуйте, заведующий

продскладом рядовой Панов.

- Ну и скот! - скрипит зубами Гнатенко. - Я все слышал, что ты говорил сейчас Самбурову. Гадюка ты вонючая! - Семен тычком бьет в грудь Григория.

- Я ничего не говорил. Больного человека уродуете. Что вам от меня надо? Что? - Панов садиться и плачет.

- Пойдем, Микола, поможешь поставить конденсатор, - не слушая Григория, обращается ко мне Гнатенко.

- Постойте, - догоняет нас Панов. - Плохо мне... Вода, вода перед глазами... Это, наверное, пройдет. Трудно, конечно... Но понимаете, мне все кажется, кажется, видения страшные мучают... Скажите, пройдет это?

- Гадкий ты человек, Грицько. Ой и поганый, - со вздохом отвечает Гнатенко и направляется к радиоприемнику.

- Ус ему проспорил, - поставив на место конденсатор, продолжает Семен. - Я хотел подзадорить себя, огоньку прибавить, чтобы позлее работалось... Ага, что-то есть. Слышишь писк? - Он торжествующе смотрит на меня. Слышишь? - Руки его торопливо бегают по кнопкам настройки. Писк действительно слышится, далекий, тонкий.

- Сема, хрипит! - полушепотом произношу, не замечая, как от волнения вцепился в плечо Гнатенко. Зуммер крепнет, вот-вот послышатся слова. Семен вдруг прекращает настройку, снимает шинель, шапку, засучивает рукава.

- А теперь помолчим, - предлагает он.

Минуты две-три сидим, прижавшись друг к другу. Переминается с ноги на ногу Панов.

- Ну, Микола, слушай Москву. - Гнатенко решительно включает приемник. Раздается треск и вдруг громко:

"...Так же без следа поглотит она и эти немецкие орды. Так было, так будет. Ничего, мы сдюжим..."

- Ура! Ура-а-а! - Гнатенко хватает меня за плечи и сильно трясет. Ура-а-а! Ур-а-а-а!..

- Ура-а-а-а! - изо всех сил кричу и я.

- Постойте, что вы кричите, кто говорил? - надрывается Григорий. Откуда передавали?

Из темноты один за другим появляются Кувалдин, Правдин, Чупрахин, Мухтаров, Мухин. Приемник еще говорит. Егор, обнимая Семена, крепко целует его в губы:

- Спасибо, друг. Это очень важно. Товарищ Мухтаров, выдать Гнатенко полфляги воды. Теперь мы будем слушать голос Большой земли. А ну еще трижды "ура"!

- Ура!

- Ура!

- Ура! - радостно салютуем.

Немного успокоившись, политрук расспрашивает, кто выступал по радио, что мы слышали.

- "Так же без следа поглотит она и эти орды", - первым сообщает Семен. - "Ничего, мы сдюжим..." Я поправляю Гнатенко:

- Он пропустил одну фразу. Еще было сказано: "Так было, так будет",

- Существенная поправка, - замечает Прав дин. - Интересно, кто же выступал?

- Конечно, Москва, товарищ политрук, - замечает Чупрахин. Так только она, наша столица, может сказать: "Ничего, мы сдюжим".

Али приносит флягу с водой. Семен, принимая награду, тут же передает флягу подошедшей Маше:

- Возьмите, доктор, пригодится раненым. Взрыв потрясает стены катакомб. Правдин смотрит на часы.

- Девять часов, - сообщает он Кувалдину.

- Значит, начинают, как всегда, не опаздывают, - произносит Егор.

- Ничего, сдюжим, - говорит политрук, - и этих подрывников сдюжим.

Грохот взрывов нарастает с каждой секундой. Под ногами качается земля.

- 11

Гитлеровцы производят взрывы чаще всего в первой половине дня, потом наступает затишье, немцы будто ожидают, отзовемся мы или нет. Так они ждут до следующего утра. С восходом солнца вновь сверлят землю, закладывают аммонал и рвут... Взрывы мало изменили нашу подземную жизнь. Только сократились посты, многие бойницы завалены.

Каждый день Кувалдин посылает разведчиков искать запасные выходы. Только что возвратились из поиска Чупрахин и Мухин. Лаз оказался завален огромным камнем. Сквозь щель ребята заметили вражеский пулемет, установленный метрах в тридцати в развалинах домика. На обратном пути случайно обнаружили в небольшом отсеке груду ящиков. Проверили. Оказалось конфеты, пряники. Теперь с питанием легче. Али подсчитал: если в день выдавать на бойца по сто граммов сладостей, их хватит на полмесяца. Можно жить! Вот только с водой трудно. Колодец рыть прекратили, но Мухтаров предлагает попытаться еще в глубине катакомбы. Однако люди истощены, ослабли, едва ли хватит сил на это дело. И все же, видимо, придется рыть.

Возле ящиков подобрали спящего Гену. Он все же где-то

достал фонарь и один, незаметно от всех ушел на поиск мифического колодца. Когда его разбудили, он набросился на разведчиков:

- Эх вы, сколько ходили и не могли заметить. А я быстро обнаружил. Тут раньше были партизаны. Это они оставили сладости.

Сейчас с Геной разговаривает Кувалдин. Они сидят неподалеку от меня, и я слышу их голоса.

- Как же ты ушел один? - спрашивает Егор.

- Ушел, и все. Мне тут все знакомо. Могу даже в город пробраться...

- Как же ты это сделаешь? Кругом фашисты.

- Ночью. От западного входа ведет лощинка в Аджи-мушкай, а из села можно пробраться в город садами. Эти места мне знакомы. Хотите, товарищ командир, я любого проведу...

- Смелый ты хлопец, - говорит Кувалдин, - смелый... Но один ты больше никуда не ходи.

Из темноты выскакивает Беленький. Глотая воздух, он кричит:

- Газы! Смотрите!..

Там, откуда выбежал Беленький, с грохотом рушится потолок. В образовавшееся отверстие падают какие-то черные круглые предметы. Они рвутся, разбрасывая во все стороны струи дыма.

- Газы!

- Газы!

Люди бегут в глубь катакомб.

- Ложись! - командует Егор. - Ложитесь лицом вниз. Гитлеровцы продолжают бросать шашки. Падая, они лопаются. Звук противный, шипящий.

- Бурса, хватай на лету. Вот так их! - Иван подбегает к пролому и на лету ловит серую банку, торопливо зарывает в землю. Следую его примеру.

Первые секунды сознание зыбко, непрочно: какие-то сильные потоки несут ввысь, а кругом ночь - плотная, без единого звездного прокола.

Кто-то кладет на лицо мокрую тряпку, начинаю чувствовать землю, вижу Крылову. Она, что-то говорит мне, но ее трудно понять. Рядом стонет Чупрахин, силится подняться. Наконец он встает на колени и кричит на врача.

- Иди к раненым! Без твоей помощи обойдемся!

- Вот тряпка, приложи ко рту, - советует Маша Чупрахину.

Отчетливо узнаю голос Маши. Но почему-то он у нее глухой, далекий. Присматриваюсь: она в противогазе, а в руках - пучок мокрой ветоши. Передав ее Ивану, Крылова бежит в госпитальный

отсек, откуда доносится стон раненых.

Шашки больше не падают. Через отверстия уходят газы. Мы уже привели себя в порядок, и тут появился Запорожец. И снова беда.

- Фашисты входом завладели. Донцов тяжело ранен. За мной, товарищи! оповестил Кувалдин.

...Впереди вырастает сноп света, там выход. Прижимаясь к стене, на ходу готовим оружие к бою. Запорожец тяжело дышит, ему трудно поспевать за нами. Чупрахин бросает гранату. Она рвется в гуще залегших фашистов. Собрав силы, бросаю свою лимонку; ударившись о бревно, она рикошетом отскакивает в сторону и рвет воздух за грудой камней. Гитлеровцы поворачивают назад, бегут от разрывов, скрываясь из виду.

Вижу, сгорбившись, лежит ничком Запорожец. В двух шагах от него кто-то стонет. Потом замечаю поднятую руку, пальцы, подергиваясь, манят: человеку нужна помощь.

Подползаю, осматриваю: живот залит бурой липкой массой. Глаза смотрят на меня кротко. "Товарищ лейтенант!" - наконец узнаю Донцова.

Отстегиваю флягу. Прикладываю к неподвижным губам горлышко:

- Пей!

Донцов показывает на грудь:

- Тут... комсомольский... возьми.

- Пей!

На мой крик подходит Чупрахин. Он расстегивает Донцову шинель. Берет документы и прячет их себе в карман. Опять предлагаю Донцову воды. Надо же что-то делать. Но лейтенант отрицательно качает головой и шепчет:

- Флягу возьмите мою... Там вода... Когда выйдете из катакомб... сообщите матери... В Краснодаре она... И еще... - Он закрывает глаза и чуть слышно продолжает: - Панов подвел, струсил... панику поднял, людей замутил.

Вздрогнул, утих, не дышит. Укрываем шинелью, кладем под стенку, в углубление: пусть лежит в этом склепе Захар Донцов, боец подземного полка. Мало знали его, но и то малое никогда не затеряется в памяти нашей.

С кем-то разговаривает, Запорожец. Подходим. У ног его корчится человек.

- Встань! - приказывает старший лейтенант.

- Тут настоящая кутерьма, понимаете... Зачем же так жестоко с собой поступать! Хватит, - слышится в ответ знакомый хрипловатый голос.

- Отступник! Поднимайся! - Иван толкает ногой Григория. -

Поднимайся, трус!..

Собрав бойцов, Запорожец остается оборонять вход, теперь уже наполовину заваленный взрывом. Через небольшое отверстие виден кусочек вечернего неба. На нем вспыхивают звезды. Из катакомб они кажутся невероятно далекими. Почему-то приходит мысль: "А ведь когда-нибудь и до них человек доберется, и космос не будет таким безгранично далеким, каким он представляется сейчас: кто-то первым полетит туда?"

- А вдруг кто-нибудь из нас? А? - вслух произношу я.

- О чем ты, Бурса? - отзывается Чупрахин, стоя возле Панова, притихшего и безразличного ко всему.

- О звездах, Ваня.

- Сумасшедший!

- Смотри, как мигают!..

- Пусть мигают... Это не наше дело. - И он торопит Панова: - Давай, Гриша, топай. Теперь у тебя одна дорога - в рай. Там, говорят, тоже есть продовольственные склады, так что не печалься - будешь при деле. А нам и тут работы по горло хватит.

Еще чувствуется запах газа. Усталость горбит спину. Чупрахин стоит рядом, его локоть - крепкий, как слиток свинца. Надо держаться.

- Ты чего же струсил? С виду вроде парень как парень, а душой - швабра, - толкает он в спину Григория. - Не останавливайся, иди... Теперь дурачком не прикинешься.

Издали замечаем: в отсеке политрука горит свет, мигает маленький красный стебелек - живой, бойкий. Ускоряем шаг, а ноги тяжелые, неподатливые. Но свет манит, зовет. Может быть, этот свет пробивается на поверхность и его наблюдает с Большой земли страна. Ноги, поднатужьтесь!..

ПРИКАЗ

по войскам подземного гарнизона

1. Бывший красноармеец Панов Григорий Михайлович проявил презренную трусость. Он нарушил военную присягу, предал своих товарищей.

2. На основании параграфа пятого приказа о создании подземного полка

Приказываю:

а) Панова Г. М. отдать под суд военного трибунала.

б) Трибунал учредить в составе старшего лейтенанта Запорожца Никиты Петровича (председатель), красноармейцев Чупрахина Ивана Ивановича, Самбурова Николая Ивановича (народные заседатели).

3. Дело предателя Панова разобрать в течение 24 часов с момента объявления настоящего приказа.

Командир батальона Е. Кувалдин.

Комиссар батальона В. Правдин.

Лист дрожит в руках. Приказ написан твердым, строгим почерком, в нем всего тридцать строк, а Панову тридцать один год: строка на один год. Небогатую же жизнь ты прожил, Григорий, коль она уместилась на одной страничке тетрадного листа.

Бойко горят плошки. В потолке, в самом высоком его месте, большое черное пятно, в центре которого искрятся капельки воды. Через каждую минуту с потолка падает в подставленную жестяную кружку прозрачная слезинка. За сутки потолок выплакивает четверть фляги воды, ровно столько, чтобы смочить губы умирающим от жажды бойцам.

Вчера в голову был ранен Семен Гнатенко. Он сидит ближе всех к столу. Из-под повязки смотрят большие черные глаза, длинный ус спадает на подбородок. Семен поправляет его, закручивает, но он не держится на месте, вновь свисает.

У Беленького настороженный вид. Он прислушивается к ударам капель. Это заметно по его взгляду, прикованному к кружке. Мухин выполняет обязанности коменданта. Он уже привел Панова, усадил его впереди собравшихся на процесс и неотлучно сторожит Григория с автоматом в руках.

Капли отсчитывают минуты. В наступившей тишине отчетливо слышатся удары... Кап, кап, кап, кап. Панов тупо смотрит на Запорожца. О чем он сейчас думает, этот человек, проживший тридцать один год? Тридцать один год? Тридцать один... Почему-то думается, что это очень много. В таком возрасте человек успевает оставить на земле свой след. Пусть и незначительный, пусть и не яркий, пусть и обыкновенный, но след, след человека, след своей жизни... А он, Панов? Что ты, Гришка, оставил?.. Что? Вот этот приказ в тридцать строк? А ведь и тебя, как всех нас, в муках рожала мать, думая, что она дарит народу человека, сына Земли. И тебя, Григорий Панов, мать кормила грудью, по ночам вставала с постели и любовно, с надеждой смотрела, как ты, разбросавшись в кроватке, во сне чмокал губами. И она, мать, радовалась и грезила, видела в мечтах своих тебя взрослым. И может быть, писателем, или инженером, или прославленным полярником, или замечательным умельцем-рабочим, новатором производства. Да какая же мать плохо думает о своем ребенке! Все они, матери, одинаковые, все они, наши матери, производят нас на свет с одной целью - человека подарить народу, хорошего труженика. Но не стал ты, Григорий, конструктором, знаменитым моряком, не стал ты видным деятелем. Да и не обязательно быть таким, а вот

Человеком каждый из нас обязан быть, человеком не по форме, а человеком по назначению, с красивыми мыслями и большим сердцем... Такого Человека, Панов, в тебе нет. И виноват в этом только ты сам...

- Подсудимый Панов, встать! - прерывает мои мысли Запорожец. Никита Петрович, как он сам перед этим сказал, никогда не вел судебного дела, даже никогда не присутствовал на процессах, и, видимо, поэтому, подав команду, он некоторое время смотрит в сторону Кувалдина, словно спрашивает: а дальше-то как, что говорить? А что может Егор ответить?.. Накануне он предупредил нас: вести процесс по всем правилам советских законов.

Когда мы его спросили: "А все же как?" - он, пожав плечами, коротко бросил: "Что я вам, прокурор?.."

Ты уж не обижайся, Григорий Панов, как знаем, так и судим, может быть, по форме и неправильно, мы же не юристы, а солдаты. По-солдатски и судим тебя.

- Подсудимый Панов, встать! - властно повторяет старший лейтенант.

Григорий поднимается. Расставив пошире ноги, он скрещивает на груди руки.

- Вам известно, что приказом командира полка вы отдаетесь под суд военного трибунала? - спрашивает Запорожец.

- Известно, - коротко отзывается Панов и взглядом ищет Кувалдина. Найдя Егора, он взмахивает руками: - Я больной, чего вы ко мне пристали?..

- Вот стерва! - скрипит зубами Чупрахин. - Еще пытается морочить голову.

- Отвечайте на вопросы, а слово вам будет предоставлено потом, предупреждает Запорожец Григория и, опять посмотрев на Егора, продолжает спрашивать: - Лейтенант Донцов вам приказывал оборонять вход и до последней возможности не пускать фашистов в катакомбы?

- Не мне одному он это говорил, всем приказывал.

- Вы лично выполнили приказ своего командира?

Панов поднимает голову кверху, взглядом провожая падающую каплю воды.

- Отвечайте! - требует Запорожец.

- Я... Конечно, поначалу стрелял, потом...

- Что "потом"?

- Потом... что-то случилось со мной... Я закричал...

- Кому вы кричали и о чем?

- Не помню, ничего я не помню...

- Гриша, врешь, - получив разрешение задать вопрос,

поднимается Чупрахин. - Ты, жалкая швабра, кричал, что все пропало, спасайся кто может, и призывал бежать к немцам. А вот Бурсе, то есть Самбурову, говорил, что надо потихоньку уходить из катакомб... Говорил?

Панов смотрит мне в лицо:

- Говорил... Но... я... знают все, болел, вроде как бы сознание терял... Сколько же можно сидеть под землей? - переходит на шепот Панов, обводя взглядом сидящих вокруг бойцов.

- Дайте мне слово! - качаясь, поднимается на ноги Гнатенко. Он медленно подходит к столу, некоторое время смотрит на кружку, в которой отзываются падающие с потолка капли: сколько, сколь-ко...

- Признаться, товарищи, поначалу, когда Панов прикинулся помешанным, как это в медицине называется, точно не знаю, я поверил ему: слабый человек, нервы не выдержали... Ну что ж, бывает. - Семен говорит медленно, губы у него сухие, он то и дело облизывает их. - Но все мы ошиблись в Панове. Очень крепко ошиблись!.. Мы ему верили, старались помочь, чтобы он не запятнал имя красноармейца. Ведь нас в эту форму одел народ, советский народ. Одел и сказал нам: сыны Отчизны свободной, вручаем вам оружие, крепко держите его в руках, защищайте нашу жизнь советскую мужественно, стойко, до последнего дыхания. Почему он, наш народ, сказал нам такие слова? Да потому, что мы его сыны, самые верные из верных. Он нам доверил свою жизнь. Разве есть на свете что-нибудь дороже, чем жизнь своего народа, своей страны. А вот Григорий думал по-другому. Гитлер решил разорить нашу Родину, поработить народ, ликвидировать Советскую власть. Что же делает Панов? Путается под ногами у честных бойцов, думает только о своей шкуре. Ему дела нет до того, что народ истекает кровью, что над страной разразилась смертельная гроза. Товарищи, да как же так можно! Как он смеет так поступать... Товарищи... - Семен вдруг начинает качаться из стороны в сторону, вот-вот он упадет. Политрук берет со стола кружку и подносит ее к пересохшим губам Гнатенко. Семен делает один глоток и, ставя на место посудину, продолжает: - Он хотел выжить, притворялся психически больным. Эх, Панов, да разве можно выжить, если не будет страны, если народ твой будет порабощен! Какая же это жизнь, когда кругом фашист бесчинствует, земля стонет под сапогом проклятого врага? Да лучше смерть в борьбе, чем все это видеть. Не понять тебе, Гришка, этих слов, не понять. Отступник ты, Панов, отступник! И обидно, что ты ходил по нашей земле, советским парнем именовался, форму бойца Красной Армии носил и хлеб колхозника-трудолюба нашего ел и, может быть,

еще и речи на собраниях произносил за партию большевистскую. Нельзя простить тебя, Гришка... Ох, никак нельзя. Змей ты инородный в душе! Уйди ты от нас поскорее, уйди навсегда. А мы будем жить, честные бойцы не умирают...

Чупрахин просит Запорожца, чтобы тот разрешил ему сказать несколько слов. Старший лейтенант противится, шепчет Ивану:

- Не положено тебе говорить, вопросы можешь задавать.

Но Чупрахин настаивает:

- Я только два слова.

И когда Гнатенко уходит от стола, Иван не выдерживает, громко говорит Панову:

- Подними голову выше, чего прячешь глаза! - И к Запорожцу тихонько: Вопросик я ему задам. Можно, значит? - Он вытягивается во весь рост, - Ты знаешь, Гришка, о чем я думал, слушая Семена Гнатенко? Конечно, не знаешь. А думал я вот о чем. Когда мы выйдем из катакомб, порешим с Гитлером, я обязательно женюсь. Вырастут у меня дети, привезу их сюда, в катакомбы, чтобы рассказать им, что такое война, что такое бойцы, которые не умирают. Но о тебе, Панов, ни слова не скажу. Значит, выходит, что ты и не жил, не было такого на свете!

Я записываю речи, у меня даже нет времени взглянуть на Панова. Когда я сообщил Егору о намерении Григория втихомолку покинуть катакомбы, Кувалдин тотчас же вызвал его к себе. Они разговаривали наедине. Я не знаю, о чем шла речь. Только сразу же после разговора Панов подошел ко мне, долго смотрел страшным взглядом мне в лицо. "Ты что же сделал?.." - произнес Григорий и зашагал в темноту. "Куда ты?" - окликнул я. "Не останавливай его, - сказал Мухин. - Он идет искупать свою вину". Алексей пошел вслед за ним. А я еще долго смотрел туда, где скрылся Панов, сопровождаемый Мухиным, смотрел и чувствовал на себе его взгляд, и было у меня такое состояние, словно только что по моей груди проползло холодное, скользкое тело гадюки.

"Пли, пли, пли", - выговаривает в кружке. Бегут строчки из-под моего карандаша. Чуть потрескивают фитильки в плошках. Запорожец уже читает приговор:

- "Именем самых справедливых законов Союза Советских Социалистических Республик..."

Стоя слушают бойцы. Семена поддерживает Маша. Тверже оперся на костыли Правдин.

- "...и на основании пятого параграфа приказа о создании подземного полка, руководствуясь требованиями обстановки, честью и совестью бойца Красной Армии, военный трибунал в составе председателя старшего лейтенанта Запорожца, народных

заседателей красноармейцев Самбурова и Чупрахина постановил: отступника и презренного труса Панова Григория Михайловича приговорить к высшей мере социальной защиты - к расстрелу.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит".

У моих ног колышется длинная тень политрука. К Егору подбегает Мухтаров, он что-то говорит ему, показывая рукой в сторону западного сектора.

- По местам! - командует Кувалдин.

Немцы возобновляют взрывы. На этот раз гул слышится со стороны западного сектора.

В десяти метрах от стола сидит Панов. Над ним возвышается Мухин с автоматом в руках. Я собираю исписанные листки и кладу их в ящик, где хранятся штабные документы. Потом ищу кружку, упавшую со стола, и ставлю ее на место. Капли вновь, будто ничего не произошло, начинают отсчитывать минуты. Алеша спрашивает меня, показывая на Панова:

- Что делать с ним?

- Охраняй, - советую ему, затем беру автомат и направляюсь на свое место: по боевому расписанию сегодня я помогаю Маше ухаживать за ранеными.

- 13

Прошлой ночью Панов явился мне во сне. И приснится же такое! Пришел к амбразуре, где накануне я нес дежурство. Опустился на колени, предлагает закурить махорки. А сам все дрожит и хихикает. "Что ты, говорит, торчишь здесь! Брось эту трещотку, - на пулемет показывает, - и туда, на волю, не расстреляют. Меня вот не тронули". Злость взяла. "Как же, говорю, не тронули, пузырь вонючий, не тебя ли мы по приговору трибунала на веки вечные от земли своей отрубили?" Еще пуще захихикал. "Что ты, говорит, храбришься, ведь ты человек, значит, думаешь о спасении своей жизни. Бежим туда, чего медлишь!" - повысил голос и тычет рукой в сторону амбразуры. Поднялся я и на Григория с кулаками: "Не мешай другим жить, коли сам не смог". Размахнулся и бац, бац, да с такой силой. И тут я проснулся, вижу, Чупрахин держит за руку.

- Ты что дерешься? - спрашивает. Рассказал про сон. Иван потрогал тыльной стороной ладони мой лоб, спокойно сказал:

- Порядок. - И немного погодя размечтался: - После войны, надо полагать, будет установлен День Победы как всенародный праздник. Веселья хоть отбавляй. Мы с тобой, Бурса, эту дату будем отмечать по-своему. Приедем в Москву, к Кувалдину, поставим на стол огромный-огромный кувшин с водой: вот она, наша победа, пей сколько угодно.

А чего можно желать лучшего, когда так мучает жажда?

...Кувалдин создал команду по сбору воды. Эту работу возглавляю я. Добываем губами из влажных стен ракушечника. Сегодня собрали тридцать пять глотков. Камень ноздреватый, острый, и губы кровоточат.

Гремят заступы. Удары лопат напоминают отрывистый кашель людей: кхы-кхы, кхы-кхы. Это роют новый колодец, уже вошли в землю на глубину шести метров. Роют днем и ночью. Мухтаров оброс черной бородой, щеки опали, отчего нос стал еще больше. Иногда Али поет про Азербайджан. Песни его грустные. Чупрахин не любит их слушать, не нравятся они ему.

- Ну вот, завыл! - ворчит Иван, когда Али начинает петь.

- А ты послушай, - безобидно настаивает Мухтаров, - солнце встанет перед тобой. А слова-то какие: про горы, ручьи, которые звенят звонче серебра.

- Какой там звон, одна грусть... Не люблю я, когда человек не поет, а плачет. В жизни, как я полагаю, больше хорошего, чем грустного. Петь надо веселые песни, а от твоих, Мухтаров, комок в горле появляется, - упорствует Иван и демонстративно закрывает уши, когда Али начинает петь.

...Красные лепестки фитильков, рассекая вокруг темноту, еще резче оттеняют границу мрака. Впечатление такое, что там, в десяти метрах, бездонная пропасть: сделай несколько шагов - и ты полетишь в тартарары. И только зная, что за этой чертой находятся люди, противишься этому неприятному чувству.

...Туго приходится Запорожцу: странное дело - полные люди быстрее сдают. Вероятно, только обязанность командира заставляет старшего лейтенанта двигаться, отдавать распоряжения подчиненным. И говорит он тихо-тихо, а большей частью молчит. Да и вообще за последние дни как-то притихли все. Молча получают один раз в сутки пищу - три конфеты и глоток воды. Молча уходят на боевое задание, ложатся за пулеметы и ведут огонь, когда немцы пытаются через проломы в потолке проникнуть в подземелье. Только глаза у людей не изменились. Если правда, что глаза отражают мысли человека, то думы наши остаются неизменными - не сдавать гитлеровцам катакомб.

...Тянусь губами к холодному ребристому камню. Капля попадает в рот, хочется проглотить. Доносится стон: "Пи-и-ть". С силой выдавливаю изо рта собранную влагу. В мою флягу отдают воду все бойцы команды. У нас строгая норма: каждый обязан сдать столько, сколько добываю я. И никто меньше меня не сдал.

Лопаты стучат и стучат. В перерыв иду с Алексеем взглянуть на работу мухтаровской команды. В глубоком котловане копошатся черные тени.

- Самбуров, послушай, - обращается Мухтаров, показывая на серый свод.

Напрягаю слух. Но ничего не слышу, кроме тяжелого дыхания работающих внизу да стука о камень кирок и лопат.

- Подождите там немного, - распоряжается Али, опустив бородатое лицо вниз. - Теперь слышишь? - поворачивается ко мне.

С потолка доносится какой-то шум, вначале похожий на скрежет грызуна. Нет, это не мышь; похоже, что там, Наверху, работает какая-то машина.

Шум усиливается.

- Давно это? - спрашиваю Али, не решаясь сдвинуться с места.

- Часа два, - не сразу отвечает Мухтаров.

- Бурят, - шепчет Мухин, - узнали, что здесь копаем колодец.

Из котлована вылезает Беленький. Кирилл упросил Егора назначить его помощником Мухтарова по продовольственной части. Но сейчас, когда продуктов осталось столько, что с этим делом легко справляется один Али, Беленького послали рыть колодец.

- Глоток водички бы, - подходит он ко мне и стучит по фляге. - Есть. Удружи, Самбуров, папиросой угощу...

Гитлеровцы могут через проделанное отверстие сорвать работу. Надо немедленно сообщить Егору.

- Алеша, сходи к Кувалдину, пусть сам придет сюда, - распоряжаюсь я.

- А что случилось? - интересуется Беленький. Вылезают из котлована и другие бойцы.

- Кудрявый, одолжи сигаретку, - просит Семен у Беленького. - Не дразни людей. Потом отдам десять пачек "Казбека".

- Когда это "потом"? - спрашивает Кирилл. - После дождика в четверг?

- Зачем же в четверг, вот выйдем из катакомб, - поясняет Гнатенко, поправляя на голове повязку.

- Фантазия, дядя, насчет выхода, - возражает Беленький и, пряча окурок в нагрудный карман, продолжает: - Самому пригодится. Нас еще не освободили, дядя. Вот когда освободят, тогда я тебе ее подарю сам.

- Что значит "освободят"? - замечает Мухтаров. - Что мы, пенсионеры? Понимаешь, что ты говоришь?! Чупрахин за такие слова в драку лезет. Правильно делает.

- Что это?! - вскрикивает Беленький. - Слышите, - показывает он на потолок.

- Вода! - сообщает Гнатенко. - Вода! Товарищи, вода!

Прыгаю в колодец, ощупываю землю: лужица!

Кто-то хватает за стеганку, тащит наверх. Вырываюсь: Егор во

весь рост стоит надо мной. Лицо у него бледное, беззвучно шевелятся губы. Потолок дрожит, роняя серые куски ракушечника.

- Взрывают! - определяет Кувалдин и велитгЯвсем отойти в сторону, в укрытие. С шумом рушится потолок. Когда рассеивается пыль и наступает тишина, через пролом летят слова:

- Рус, сдавайс!

Кто-то зажигает плошку: там, где была штольня колодца, гора камней, плотно перегородившая катакомбы. Оставив Мухина старшим по добыче воды, Егор, Мухтаров и я с горящей плошкой в руках направляемся к политруку. Кувалдин шагает впереди. У него согбенная спина, голова ушла в плечи. Еще вчера Егор говорил бойцам, что скоро получим воду и каждый досыта напьется чаю с конфетами: ведь с тремя сладкими шариками размером в крупную горошину действительно можно выпить несколько кружек.

Что теперь он скажет бойцам? Егор, чуть замедляя шаги, признается:

- Не знаю, как и сообщить об этом...

- Просто так и сказать, как произошло, - советую ему. - Поймут. Твоей вины тут нет.

- "Вины"! - вздыхает Егор. - Дело не в этом, Самбуров. Ответственности я не боюсь. Вода нужна, вода. Навстречу нам из темноты выныривает Гена.

- Товарищ командир, - обращается он к Кувалдину, - политрук послал, там бойцы волнуются, на КП пришли. Труп Запорожца принесли, говорят, что он сам себе...

Берем за руки Генку и бежим. Но это только кажется, что мы бежим, просто чуть-чуть чаще переставляем ноги, а может быть, даже и этого не делаем: силы тают с каждым днем.

На КП горят две плошки. Опершись о костыли и поджав больную ногу, возле ящика стоит политрук и что-то говорит бойцам. Протискиваемся вперед, видим труп Запорожца.

- Я еще раз спрашиваю, кто вам сказал, что командир роты покончил жизнь самоубийством? Это ложь! - И, заметив Кувалдина, повышает голос: - Вот командир батальона. Пусть скажет: мог это сделать Запорожец?

- Колодец когда будет готов? Внутрях все сгорело, - тянет кто-то слабым голосом.

Кувалдин вскакивает на ящик. Он сбрасывает с себя шинель и минуту стоит молча. Свет и тени исказили его лицо, и теперь оно похоже на грубо высеченное из камня.

- Тише, товарищи! Старший лейтенант Запорожец не мог так поступить. Это во-первых. Во-вторых... - Кувалдин почему-то

смотрит в мою сторону.

Догадываюсь: сейчас он скажет всю правду о колодце. "Может быть, не надо сейчас говорить об этом?" - хочется сказать Егору.

- Во-вторых, - продолжает Кувалдин, - слышали взрыв?

- Не новость... Каждый день слышим...

- Фашисты взорвали отсек, в котором бойцы Мухтарова рыли колодец. Весь труд пропал.

На какое-то время людьми овладевает оцепенение. Потом шепоток:

- Сволочи!

И громче:

- Бить их надо!

- Ночью нагрянуть!

- Правильно!

- Вот и я так думаю, - подхватывает Кувалдин. - У товарища политрука на этот счет имеется план. Сегодня мы сообщим о нем...

Егор, соскочив с ящика, наклоняется над трупом, вытаскивает из внутреннего кармана стеганки записную книжку. Выпрямившись, листает ее, потом вслух читает:

"25 июля. Перед глазами все время плещется вода. Чувствую запах хлеба... Вражеская пуля попала в живот. Боли невероятные... Хотя бы одним глазом посмотреть, что будет после войны. Рано или поздно Красная Армия угробит фашистскую гадину..." Поняли, каков был Запорожец? - обращается к бойцам Егор.

Маша покрывает тело брезентом, в тон Правдину произносит:

- Такие не стреляются! Такие вечно живут! Мухтаров гремит пустым фанерным ящиком. Вероятно, он подсчитывает оставшиеся конфеты.

- 14

Закопченные стены, низкий потолок, до того низкий, что ощущаешь его тяжесть. Это место главного сбора. В полутьме с трудом угадываются бойцы. Скоро буду зачитывать приказ о вылазке. Должны ворваться в поселок, где запасемся водой и продуктами. У нас кончились конфеты, ни куска конины. Посменно ходим к сырой ноздреватой стене утолять жажду.

Возле коптилки стоит Мухтаров, черный, высохший и неподвижный, только глаза, освещенные горящим фитильком, чуть мигают. Али пытается сосчитать собравшихся, чтобы определить, достаточно ли он захватил гранат.

Фитилек колышется. Из мрака выплывают две человеческие фигуры: высокая, с широкими плечами - Егор, чуть согнутая, кланяется на каждом шагу политрук.

Мухтаров уступает место Правдину. Лицо политрука, как всегда, побрито, но от этого не стало моложе, морщины иссекли его вдоль и поперек, а виски белые, словно запорошенные густым снегом.

- Здравствуйте, товарищи!

- Здравствуйте.

Правдин, подняв фонарь, вглядывается в лица.

- Что с Москвой? - слышится из дальних рядов. О Москве мало кто говорит, но думают все.

- С Москвой? - передав фонарь Егору, спрашивает политрук. - Что с ней может быть? Город такой, который может за себя постоять. Это я хорошо знаю. А вот других сведений у меня нет, товарищи.

- Слух прошел: сдали, - по голосу узнаю Беленького. Конечно, сам выдумал, откуда же мог услышать, от внешнего мира мы изолированы полностью: радиоприемник уже давно не работает - истощились батареи, а других не нашли.

- Слух, - возражает Чупрахин. - Фрицевские сплетни, от кого же еще можно услышать...

- Ему сорока на хвосте принесла, - отзывается Мухин.

Политрук, взглянув на Егора, объявляет:

- Сегодня ночью сделаем налет на Аджимушкай. Нам надо показать гитлеровцам, что их взрывы не поколебали нашей решимости. В селе имеется продовольственный склад. Вот Захарченко, - Правдин наклоняется к подошедшему к нему Генке, - точно знает, в каком месте он расположен. Гена, расскажи, что ты знаешь о складе.

При свете коптилки мальчик тоньше спички, лицо заострилось, потускнело, а глазенки еле теплятся. Но Генка не таков, чтобы показывать свою слабость. Он взбирается на груду камней и рассказывает:

- Было это три дня назад. Я отпросился у товарища Правдина и товарища Кувалдина сходить в село. Я тут все тропинки знаю. А потом - одному всегда можно пройти. Ну вот, значит, и был там. Из села фашисты начисто выселили жителей. Я узнал, где немцы хранят продовольствие. Третий дом со стороны Керчи, там и колодец есть, можно будет воды набрать. Это нисколько не страшно. У нас же есть оружие. Я сам проведу к складу. - У него вспыхивают глазенки.

Ах, Гена, Гена, ты бы все сам сделал, да вот мы, никчемные дяди, никак не можем понять тебя. Он действительно однажды проник в Аджимушкай. Это был его подвиг. А дяди опять не заметили этого. Только Егор, обняв его тогда, долго-долго гладил по голове и не сказал ни слова. Ну что ж, зато сейчас Генка на

виду, он это понимает и готов все сделать сам.

Вылазка подробно спланирована, распределены силы, назначены выходы и направления атак. Вхожу в группу захвата, которую возглавляет Чупрахин. Проводником будет Гена.

Кувалдин зачитывает боевой приказ. До начала вылазки еще целый час. Нам надо как-то использовать это время. И мы говорим, но только не об атаке, нам кажется, что это дело уже свершилось. Мы говорим о днях более отдаленных. Решаем: после победы на двадцатый день соберемся здесь, своими руками соорудим обелиск в память подземного гарнизона и павших товарищей. Потом мы поем вполголоса. Хочется, чтобы эта песня вылетела из катакомб. Пусть ее услышит страна: сражаемся, находимся в строю, на самом переднем крае.

...Постовые горячо жмут руки, желают удачи. Первым выползает Чупрахин. Осматривается. Увидев на небе звезды, он замечает:

- Светят, не погасли.

Поселок укрыт туманом, слышатся вздохи моря. Гена подползает к Чупрахину, что-то шепчет на ухо.

Иван дает сигнал следовать за ним. Земля медленно, с трудом движется навстречу. Ночь безлунная, тихая. Где-то далеко-далеко на востоке, словно до невозможности уставшие от непосильного труда, тяжело вздыхая, рвутся бомбы. Напрягаю зрение: кажется, поселок не в тумане, а в дыму.

- Иван, а ведь это дым. Чупрахин замирает на месте.

- Понимаю, приготовься, - шепчет и вынимает из-за пояса ракетницу.

Глухой щелчок спускового крючка - и зеленая нитка ракеты рассекает черный полог ночи. Справа и слева, где должны находиться группы поддержки, ударили пулеметы. Огонь плотный, дружный, будто фонтаны, вдруг пробившиеся из-под земли.

- За мной! - увлекает нас Чупрахин.

Генка бежит легко, катится шариком, подпрыгивая на неровностях. Вот и село. Но вместо домов нас встречают обгоревшие развалины.

- Где склад? - спрашивает Иван Гену. Тот топчется на месте и со слезами повторяет:

- Сожгли... Сожгли... Все разрушили.

Бой нарастает. Гитлеровцы пускают в ход минометы, орудия. Пламя разрывов превращает тихий клочок земли в кипящее море огня. Но не огонь страшен, страшно сознание: опасаясь нашей вылазки, фашисты уничтожили поселок, создали вокруг катакомб зону пустыни.

Поворачиваем назад. Поддерживающие группы бьются с перешедшими в атаку гитлеровцами. Чупрахин дает сигнал отхода. Упал Гена... Поднялся и повис на моих руках...

Поодиночке в катакомбу вползают бойцы, тут же тонут в непроглядной темноте. Ощупываю Гену: на груди кровь.

- Пить, - стонет он.

Подхватив мальчика на руки, спешу к сырой стене. Ноги подламываются, спотыкаюсь, но иду. Жадно сосу мокрые камни, припадаю ртом к губам Гены. Они холодные, неподвижные: ему уже не нужна вода.

А катакомбы молчат. Хотя бы кто-нибудь закричал.

- Эй, кто тут есть!

- Самбуров?

Узнаю Крылову, протягиваю к ней руки. Плечи у Маши дрожат.

- Ты что здесь?

- - С Гнатенко плохо, - сообщает она.

- Пойдем, - тороплю Машу и по дороге рассказываю ей о гибели Гены. Мы договариваемся прийти сюда утром и похоронить нашего юного друга с почестями: он этого заслужил... юный солдат. Как он старался, чтобы его считали настоящим бойцом. Да он и стал им в тринадцать лет.

Катакомбы за эти дни будто вытянулись, увеличились расстояния: это, конечно, оттого, что мы ослабли. Но об этом думать не стоит. Пусть надежда сократит путь.

- А все-таки выйдем из катакомб, пробьемся к своим, - говорю Маше, лишь бы не думать о неудачной вылазке.

- Как? - спешит спросить она. А что я могу ей ответить? Но все же что-то надо сказать.

- Маша, а ты из каких мест? - вдруг спрашиваю я. Оказывается, она жила под Москвой. У нее три брата - все они на фронте.

- Разве ничего не слышали о подвиге летчика Крылова? Это мой брат, - с гордостью поясняет она. - Он сбил три фашистских самолета. Ему двадцать три года. А мне уже пошел двадцать пятый... Но я ничего еще не совершила. Институт и вот - фронт.

В темноте идти трудно. Успокаиваю Машу: - Нам еще жить да жить. Все впереди. Главное - не опускаться ниже ватерлинии, - повторяю слова Чупрахина.

- 15

Маша, покачиваясь, пытается поправить повязку, сползшую Гнатенко на глаза. Семен тихо протестует:

- Не надо... Силы тратить не надо.

Он лежит на спине. Ус - клок пакли. Только шевелятся

пальцы правой руки, лежащей у него на груди. Я наклонился к Семену.

- Не успел, - шепчет Гнатенко.

- Что?

Он медленно показывает на стенку.

- Понял?

Поднимаю выше фонарь. Читаю: "Михаил Петрович Золотов, 1920 года рождения, Ростов. Ранен в живот. Доктор, хороший ты мой доктор, ничем ты мне не поможешь. Да здравствует Родина! Смерть палачам-фашистам!" А вот и он, Михаил Золотев, с перевязанным животом. Он сидит, прислонившись спиной к стене: умер с широко открытыми глазами, с зажатым в руке автоматом.

Иду вдоль стены. Надписи, надписи: "Жизнь - очень красивая штука. Верю, она победит войну. Прохор Иванов из Сальска"... "От жажды все пересохло внутри. Я люблю тебя, дорогая мама. А. И. Рогов"... "Пятые сутки ни крошки, ни росинки во рту. Прощайте, товарищи. Микола из Киева"... "Умираю. Прошу партию свою большевистскую, весь народ советский казнить Гитлера страшной казнью. Люди, не прощайте тем, кто развязывает войны! Боец Громов из Москвы".

Надписи, надписи... Нет, бойцы не умирают. Они вечно будут жить в строках этой подземной каменной книги, И ты, Гнатенко, будешь жить! И ты, Гена...

- Ну, понял? - спрашивает Семен, когда я возвращаюсь к нему. Конечно, понял... Только что я могу написать, Сема, хватит ли у тебя сил сказать, что я должен сделать, какую надпись оставить здесь... Да, да, ты об этом просишь меня, хотя стыдишься сказать прямо. Сема, Сема, друг ты мой хороший. Хочешь, я высосу из этих сухих камней для тебя каплю воды. Я не знал тебя раньше, не видел, даже не предполагал, что есть на свете ты, Семен Гнатенко, гражданин из города Сумы.

- Маша, товарищ Крылова, - сам не знаю для чего я к ней обращаюсь.

- Что? Разве не видишь: скончался он... Накрываю Семена шинелью.

- Погоди, Маша... Он просил отметочку одну оставить здесь. Посвети-ка фонарем вот сюда. - Беру острый камень и размашисто вывожу на стене: "Кто войдет в эти катакомбы, пусть снимет шапку. Здесь покоится прах бойца Семена Гнатенко. Да здравствует победа! 18 августа, Самбуров".

Вокруг безмолвие. Будто прикорнувшие после утомительного перехода, лежат в разных позах бойцы: кто-то еще жив, шевелится, а вон тот, что у ног Гнатенко, бредит: "Не торопись,

цельсяаккуратнее... Солнце, какое красивое солнце". А вот, у самой стены, кто-то поднялся на колени. Он смотрит на Крылову: "Телегин я... из Москвы родом... Водички бы глоток, доктор... Нет, значит. Ничего, полежу немного и встану". Он падает на бок, стараясь не выпустить из рук оружия. Винтовка с грохотом ударяется о камни. Телегин тянется к ней судорожно, торопливо.

Подбегает Чупрахин. Он берет у меня фонарь и, подняв его высоко над головой, кричит:

- Сейчас мы добудем питание! Держитесь товарищи! И вода будет. Держитесь...

Он подзывает Машу и сообщает:

- Политрук организует группу добровольцев. Пшеница поспела в поле. Уже восемь человек изъявили желание пойти...

Восемь... Политрук девятый: один или, в лучшем случае, двое должны обязательно вернуться. Остальные примут на себя огонь врага. Но уже сюда не возвратятся. Так решили, так договорились: голод вступил с нами в смертельный поединок, и в подземелье возвращаться уже нет никакого смысла.

Восемь... Политрук девятый. Восемь стоят в сторонке.

Правдин укрепляет протез веревкой. Он делает это спокойно, будто собирается на прогулку.

Укрепив протез, Правдин постукивает ногой:

- Сто километров можно идти... Ну, командир, какие будут указания?

Какие у Кувалдина могут быть указания? Но все же Егор говорит:

- Товарищи... вы понимаете... Восемь пар глаз смотрят на Егора.

- Проверьте оружие, - наконец распоряжается Кувалдин.

Нескладно, вразнобой щелкают затворы.

Уходят. Правдин, обернувшись, скрещивает над головой руки.

- Рожь будет! - кричит он. - Сообщите об этом раненым! Слышишь, Егор Петрович? Постараемся!..

...Вернулся только он один. Его подобрал у входа Чупрахин с группой бойцов, дежуривших у восточного сектора. Маша осматривает кровоточащую ногу. Правдин вынимает из-за пазухи колосья и, покусывая от боли губы рассказывает:

- Ребята молодцы. Подняли такой шум, что фашисты приняли их за целый полк... Бой идет, а я рву, рву, колосья и все посматриваю, как они дерутся... Не все, конечно, прорвались, но прикрывали они меня здорово... Ешьте, зерна созрели, - он вдруг стонет и закрывает глаза.

Маша смачивает ему влажной ватой губы и просит не

разговаривать. Мы отходим в сторонку. Только один Егор не тронулся с места.

Али выдает нам по колоску, остальные прячет в мешок, это для тех, кто уже не может ходить - лежит в госпитальной галерее.

В моем колоске оказалось двадцать зерен. Я чувствую их запах. Зерна... Значит, там, наверху, жизнь идет своим чередом, значит, она не остановилась, значит, земля еще дышит и еще не поздно чем-то помочь этим зернам, чтобы пламя войны не иссушило их в пепел. Значит, надо держаться. Чупрахин жует громко, Мухин спрашивает:

- Ваня, чего ты так громко ешь?

- Удовольствие получаю, - быстро отвечает Чупрахин. - Вот зерно, а я кладу его в рот, как большой кусок хлеба, и жую. Здорово получается. Попробуй - сразу почувствуешь, что в желудке полно. Есть такая страна Индия. Так вот там, дед мне рассказывал, все так едят. Такой прием пищи называется психоедой. Бурса, ты не слышал про это?

- Нет, - коротко отзываюсь, глядя на Крылову, на ее потемневшее лицо. У нее под глазами темные пятна и губы почернели.

- А ты, Кирилл? - обращается Иван к Беленькому, сидящему возле плошки.

- Глупости! Сколько ни воображай, от этого сыт не станешь...

- Но это по-твоему, Кирилка, - возражает Иван, - а по-моему, если хорошо воображать, крепко мечтать, многое можно сделать. Конечно, что касается психоеды, тут я спорить с тобой не буду, как говорят, образование не позволяет, а насчет нашей победы могу утверждать: мечта помогает. Иногда так размечтаюсь, что вижу себя в Берлине. Будто хожу по улицам этого проклятого города и так вот кулаком показываю: ну что, герры и фрау, получили Россию!.. Придет такое время, Кирилка, обязательно придет, убежденно заключает он и направляется к Маше, которая, перевязав ногу Правдину, сидит, прислонившись к стене. Я замечаю, как Иван отдает Крыловой зерна. Маша, подержав их, возвращает Чупрахину. Но он протестует, просит, чтобы она съела.

- 16

Сверху через отверстие доносится:

- Безумцы, выхо-о-о-ди-и-те!

Так продолжается второй день. Взрывы прекратились. В подземелье тихо-тихо. И от этого громче слышится:

- ...выхо-о-о-ди-и-ите!..

Теперь мы все размещаемся на командном пункте. Западный выход взорван, несем дежурство только у восточного, наряды

меняются через каждые два часа. Находиться на посту не так трудно, а вот перемещаться тяжело - эти триста метров, отделяющие КП от входа, стали непомерно длинными. Но никто об этом не напоминает, будто ничего не изменилось.

- Выхо-о-о-ди-и-ите...

Мухтаров и Мухин приносят со склада ящик с гранатами. Егор спрашивает:

- Сколько еще осталось?

- Тридцать штук, - отвечает Али. Он берет ломик и вскрывает ящик. Ломик соскальзывает, Али, потеряв равновесие, падает. Но тут же вновь принимаемся за работу, что-то бормочет.

- Раздать? - обращается он к Егору.

- Погоди, - Кувалдин окидывает взглядом сидящих бойцов. Он без шапки, с засученными по локоть рукавами, натруди висит автомат.

- Решили мы с политруком пугнуть этих кричальщиков... Кто со мной пойдет?

Поднимается десять человек. Егор, сняв с фитилька нагар, пятерней поправляет упавший на глаза чуб.

- Садитесь и слушайте, - говорит он. - Утром я осматривал пролом, который немцы сделали в госпитальном отсеке. Сквозь него можно проникнуть наверх. Я поднимался. Метрах в ста пятидесяти от пролома, в лощинке, гитлеровцы, землеройные машины. Ударить бы по ним надо, внезапно налететь, забросать гранатами.

Сняв с себя автомат, он вытаскивает из-за голенища суконку и начинает протирать оружие. В темноте кто-то просит глоток воды. Политрук, отстегнув флягу, велит Крыловой посмотреть, есть ли в ней вода. Маша отрицательно трясет головой. Но все же поднимается и, слегка качаясь на ходу, идет на стон. Кирилл, тяжело вздыхая, произносит:

- Если бы сейчас десант высадили...

- Егор, раздавай гранаты, - щелкнув затвором, говорит Чупрахин. Командир, слышишь, раздавай.

Получив боеприпасы, мы ждем назначенного часа. Мухтаров выдает нам по одной конфете: где и как он мог сохранить их - неизвестно. Наклонившись к Али, интересуюсь:

- Откуда взял?

- НЗ командира батальона... Сегодня он распорядился выдать. Это последние.

Возвращается Маша. Она едва переставляет ноги. Чупрахин берет ее под руку и, придерживая, ведет к политруку. Я подхожу к Кувалдину, сажусь с ним рядом. Откусив кусочек конфеты, он спрашивает:

- Патроны в диске есть?

- Есть.

- Покоя нельзя давать гадам.

- Это верно. Нам только бы запастись продуктами и водой.

- Да, - коротко соглашается Егор и тут же говорит о другом. - Ты знаешь, сколько калорий содержит вот эта конфета?

- Нет?

- И я не знаю, - улыбается он. Егор улыбается так, как улыбался тогда, на марше, и в момент, когда объявили, что его назначили командиром взвода, когда отозвали Шапкина готовить разведгруппу. Да, есть же такие люди, от одной улыбки которых делается легче на душе.

- Ты не забыл про Аннушку? - сам не знаю почему вдруг опрашиваю Егора. Он отправляет в рот остаток конфеты, рассматривает свои большие руки.

- Аню, - вздыхает Кувалдин и тут же оживляется: - А я тогда соврал... Помнишь, сказал тебе: Аннушка - жена моя. А ведь это не так.

- Знаю.

Он смотрит на меня с удивлением, прищурив один глаз.

- Знаю, - повторяю я.

- Откуда? - спрашивает он. - Не сочиняй, Николай. А я ее люблю, не было того дня, чтобы не думал о ней. Так она вонзилась в мою душу, что и слов подходящих нет, чтобы рассказать об этом. Не веришь? Ну и что ж, откуда тебе знать... Встретишь такую, тогда поймешь меня.

- Егор, не надо об этом.

- Не надо, так не надо. Это я так, только перед тобой открылся. - Он поднимается и смотрит на часы: - Нам пора. Кто получил гранаты - встать! Чупрахин, проверить оружие.

Пролом конусообразной формы с большим наклоном. По нему не так уж трудно подняться наверх, выйти из подземелья. Обрушившиеся камни подступают к самому лазу, через который видно вечернее небо, низко нависшее над землей. Кто-то должен подняться первым, осмотреть местность вокруг, нет ли поблизости гитлеровцев, потом подать сигнал остальным. Егор подзывает к себе Чупрахина.

- Смотри тут, я полезу, - говорит он Ивану.

- Нельзя тебе, - шепчет Иван. - Ты же командир, забыл, что ли?

Наш гарнизон уже нельзя назвать ни батальоном, ни ротой - слишком мало осталось людей в строю: одни погибли под непрекращающимися обвалами, другие - в открытых схватках с врагом, третьи - от истощения. Осталась небольшая группа, и

Кувалдин, конечно, понимает: теперь он и командир и рядовой боец.

- Я знаю, что делаю. Смотри тут.

- Егор, послушай, - настаивает Чупрахин, - я пойду.

- Нет, оставайся здесь. Дело трудное, а у меня еще силы есть. Сэкономил на командирской должности, - вдруг шутит Кувалдин. - Самбуров, пошли.

Поднимаемся с трудом. Дрожат ноги. Егор подает мне руку, помогает преодолеть последний метр. В вечерней мгле темным пятном виднеется стоянка машин. Там немцы.

- Ну! - шепчу Кувалдину.

- Лежи, лежи, - тихо отвечает он.

А лежать невозможно. Со стороны машин ветром доносит запах жареного мяса. Фашисты ужинают. От одной этой мысли кружится в голове, я уже не помню, когда мы в последний раз ели.

- Посмотри направо, что там чернеет, не сады ли? - говорит Егор. Я всматриваюсь. Думаю: "Сады, ну и что из этого? "

- Ну, - торопит с ответом Кувалдин*

- Сады, - отвечаю.

- За ними должен быть овраг, по нему можно проникнуть в город. Понял?

- О чем ты, Егор? А как же остальные? - не пойму, на что Кувалдин намекает.

- Эх ты, - сокрушается Егор. - Я командир, отвечаю за каждого. Думаю о выходе из катакомб. Такой час настанет. Я жадный до жизни. Прорвемся или погибнем в открытом бою. Но только заживо я себя здесь, в этом подземелье, не похороню. Понял, о чем я мечтаю? А сейчас мы этим гробокопателям шумовой концерт устроим.

Он берет камень и бросает вниз. Один за другим поднимаются восемь человек. Егор дает знак: рассредоточиться в цепочку.

...Метров сто ползем по-пластунски. Впереди двигается Егор. Тишина. Где-то за машинами какой-то гитлеровец пиликает на губной гармошке. Неподалеку от Кувалдина вырастает фигура часового. Тихонько насвистывая, он топчется на одном месте.

Мы сжимаем в руках гранаты.

- По-олк, огонь! - кричит Кувалдин.

Бросаем гранаты в два приема. В темноте ярко вспыхивают разрывы. Впереди образуется какой-то пляшущий клубок. Трое лежат неподвижно - им Керчи уже не видать.

- Полк, в атаку! - повторяет команду Егор. Но это сигнал к отходу.

У пролома на минуту задерживаемся. Клубок пляшет, мечется, надрывно стонет. Откуда-то издали начинают бить минометы. Мы скользим по конусу в свое подземелье.

Внизу Егор, еще находясь в возбужденном состоянии, говорит:

- Теперь они не будут орать "выходи"... Поймут: подземный гарнизон живет и борется.

- 17

Взрывы не прекратились. После нашего налета немцы участили их. Теперь они не оставляют проломы открытыми, засыпают землей и камнями. Гитлеровцы ищут нас, видимо, намереваются задавить обвалом. Щупают круглые сутки, а напасть не могут. От взрывов ходуном ходят катакомбы. Вчера с потолка отскочил большой камень. В этот момент Крылова перевязывала Правдину ногу* Ракушечник упал ей на спину. Она потеряла сознание. Через полчаса пришла в себя. Но теперь не поднимается, лежит у стены рядом с политруком. Правдив сидит на разостланной шинели, прислонившись к ящику. Над его головой чуть дрожит от взрывов полотнище знамени. При свете плошки знамя кажется густо-багровым, словно залитым кровью.

Егор, я и Чупрахин только что возвратились с восточного участка. Ночью мы, собрав ручные гранаты, расставляли их вместо мин неподалеку от входа. По предложению Кувалдина мы вкладывали запалы, тонкой проволокой закрепляли чеки и потом соединяли гранаты между собой: если за проволоку дернуть, чека соскочит с боевого взвода и гранаты начнут рваться. Теперь фашисты ни могут внезапно ворваться в катакомбы.

Маша смотрит на нас стеклянными глазами. Губы у нее неподвижны, набухли. Чупрахин, отстегнув флягу, предлагает ей воды. Мы все смотрим на Ивана. Словно поняв наш молчаливый вопрос, он говорит:

- Там всего глоточек, берег на крайний случай. Пей, доктор.

- Не надо, - вздыхает она, чуть повернув голову к Правдину. Но Иван настаивает, подносит ко рту флягу.

- Теперь легче? - спрашивает он.

- Да... Только спать хочется. Я и дома была порядочная соня, а мама сердилась. Товарищ политрук, а у вас есть родные? - вдруг спрашивает она.

- Есть, Маша, и мать и отец. В Мурманске живут.

- И жена есть? - Крылова с трудом поднимает голову и затуманенным взглядом всматривается в лицо политрука.

- Жены нет... Но будет, - стараясь улыбнуться, отвечает Правдин. - А впрочем, не знаю, пойдет ли кто теперь за безногого, - пытается он шутить.

- Пойдет, Вася... Пойдет... Вы же, Вася... хороший... Ой!.. Вася! вскрикивает она, словно боясь чего-то, отшатывается, запрокинув голову назад.

Вечером мы хороним ее в центре "вестибюля". Политрук неотрывно смотрит, как растет каменистый холмик. А погодя, когда, уже похоронив Машу, мы вновь садимся возле Правдина, он произносит:

- Выходила меня, сама ушла.

Весь день мы говорили о жизни, о делах, которые Маша и ее товарищи, оставшиеся здесь навечно, не успели совершить.

Мухтаров шепчет:

- Взорвали последнюю амбразуру. - И, помолчав немного, спрашивает: Как ты думаешь, Гитлера повесят? - Али смотрит на меня, ожидая ответа.

- Повесят, - произношу и не узнаю своего голоса: слабый, тихий вздох, не больше.

- И я так думаю. Только после этого не забыли бы о наших катакомбах. Привести бы сейчас всех империалистов сюда, в подземелье, и носом бы их: "Смотрите, это дело рук ваших гитлеров..."

- Что будем делать? - спрашивает Беленький у политрука. - Все выходы взорваны, один остался...

- Что же мы? Совесть чиста, воинский долг не нарушили... Фашисты думают, что прижали нас в катакомбах. Нет! - восклицает Правдин. - Это мы их схватили за ноги. Рады бы они уйти отсюда, да не могут.

- Пи-ить, - стонет кто-то в стороне.

- Самбуров, напои, есть немного, - подает мне флягу Правдин.

- Товарищ политрук, у вас больше нет, оставьте у себя, - говорю шепотом.

- Берите, - настаивает он.

Со стороны еще не взорванного входа слышен хрип: сегодня утром гитлеровцы установили там репродуктор и сейчас вновь предложат нам сдаться.

- Русские солдаты! К вам обратится генерал Львов, - трещит репродуктор. - Кончайте свое безумие. Слушайте генерала Львова.

Против таких передач немцев у нас есть одно оружие - песня.

- Давай, Алешка! - просит Чупрахин. - Давай...

Широка страна моя родная. - слабым голосом начинает Мухин. Подхватывают другие:

Много в ней лесов, полей и рек.

Я другой такой страны не знаю,

Где так вольно дышит человек.

- Солдаты! Слышите меня? - летит со стороны выхода.

Дружно отвечаем:

Всюду жизнь и вольно и широко,

Точно Волга полная, течет,

Молодым везде у нас дорога,

Старикам везде у нас почет...

Усталые и охрипшие, стоим, взявшись за руки.

- Я генерал Львов. Сообщаю вам: Крым полностью занят немцами. Красная Армия потерпела крах под Барвенковом, Лозовой и Ростовом. Ее части беспорядочно отходят к Сталинграду. Ваше сопротивление бессмысленно... Предлагаю...

- Гад! - Иван бежит к выходу.

- Стой! - приказывает Егор. - Куда ты?!

- Он у меня сейчас подавится, - не останавливаясь, отвечает Чупрахин.

- Ошалел матрос, - замечает Беленький, и тут же пытается идти вслед за Чупрахиным.

- ...Вы получите полную свободу. Немцы вас не тронут. Они гарантируют вам жизнь и возвращение к своим родным очагам, - продолжает вещать враг.

Скрипя зубами, пытается подняться политрук. Он застегивает фуфайку, поглубже натягивает шапку. Его бледное, осунувшееся лицо перекошено болью.

- Мухин, пой! - просит он.

- ...Я знаю, у вас нет ни хлеба, ни воды. Вы погибаете голодной смертью. Во имя спасения слыши... Раздается сильный треск, и репродуктор глохнет.

- Это Чупрахин! - догадывается Беленький.

С грохотом разорвался снаряд. Осколки со звоном летят во все стороны, свинцовым дождем падают на камни.

Минуту молчим,

В детстве на берегу реки я как-то стоял у костра. Было это в половодье. Мелкие поленья сгорели дотла. Только одна головешка продолжала дышать, подернутая прозрачной серой пленкой. Вода все ближе и ближе подступает к очажку. Мне не хотелось, чтобы погас уголек: в нем столько было жизни. Вдруг налетел ветер, и головешка засветилась еще ярче. А мутная, пенящаяся вода так и не достигла своей жертвы. Угли мигали ярко до самого позднего вечера. И в этих вспышках огней чувствовалась необыкновенная сила жизни. "А ведь жар больших сердец сильней", - приходит на память строчка из какого-то стихотворения. Я начинаю вспоминать, когда и в каком стихотворении вычитал эту строку.

- Иван! - кричит Кувалдин, прерывая мои мысли. Из-за

камней показывается Чупрахин. Даже издали заметно, как он возбужден.

- Как стукнул булыжником - и здорово живешь: захлебнулся, подлец! говорит он, садясь рядом с политруком. - Шум подняли, не понравилось. Генерал Львов! Врут все это они. Какой наш лев станет лобызаться с немецкой овчаркой?..

Достаю из кармана завернутый в бумагу окурок.

- Бери, - предлагаю Ивану и чувствую, как дрожит у него рука: видимо, нелегко ему было там, у входа. Закурив, Чупрахин повторяет:

- Генерал Львов... Нашли дурачков, так и поверили им. - И уже более спокойно говорит Кувалдину: - Ты уж, Егор Петрович, извини, что, не доложив тебе, помчался. Характер у меня такой: загорится в душе - не могу сдержать себя. А тут такое: "Ваше сопротивление бессмысленно". Учитель нашелся... Гад вонючий!.. - Он расстегивает ворот гимнастерки и продолжает: - Вырваться бы только из этого подземелья... Ох и бился бы я с ними! Этакой жар в душе, столько ненависти накопилось, что сто лет жизни не остудят. Да-а, крепко они разозлили меня! - помолчав, говорит Иван. - А ведь до войны, например, у меня никакой злости не было на немцев. Не верите? Точно говорю. У нас в паровозном депо работал Эрлих. Человек как человек, дружбу с ним водил, на свадьбе у него гулял. И вдруг после войны придется с ним встретиться, а? Что будет?

- Загадываешь далеко, - робко подает свой голос Беленький. Он сидит рядом с Мухтаровым, посасывая влажный камешек.

- Далеко? - спрашивает Чупрахин. - Не знаю, как ты, Кирилл, а я верю: встреча такая состоится. Может быть не с Эрлихом, а с другими...

- Конечно, именно ты встретишься, - иронизирует Кирилл.

Чупрахин снимает шапку и, подложив ее под голову, ложится на спину. Его взгляд устремлен в потолок. Там, вверху, когда-то было большое мокрое пятно, и оттуда падали капли воды. Ракушечник выплакал все свои слезы, и темное пятно исчезло, даже и следа от него не осталось. Когда же это было? Я начинаю вспоминать, но никак не могу припомнить точно день.

- 18

Мы с Алексеем идем вдоль центральной галереи. Свет плошки, рассекая темноту, освещает знакомые, исхоженные места. Замечаю провода. Держась за них, мы перемещались по катакомбам, поддерживали связь с боевыми постами, находили пути к амбразурам и бойницам. А вот вправо тянется провод в госпитальный отсек. Там когда-то Маша ухаживала за ранеными. Теперь в отсеке тишина, никто не просит утолить жажду, не

слышно стонов. Отсек уснул глубоким подземным сном. Но он может заговорить, если проникнуть туда и осветить его стены. Когда-нибудь, возможно, так и произойдет, если тяжелые своды потолка, обрушившись, не похоронят навечно надписи на камнях.

Мы идем медленно, считая рассеявшихся мелкими группами людей. Еще утром Кувалдин, после продолжительного совещания с политруком, приказал нам сосчитать оставшихся бойцов. Для чего все это потребовалось Егору, пока неизвестно. Нас никто не останавливает и не окликает.

Возвращаемся, проходя мимо первой могилы. Фанерный щит возвышается над холмиком так же, как в тот день, когда мы его поставили здесь. Свет от плошки выхватывает из темноты надпись: "Подполковник Шатров Иван Маркелович - организатор обороны Аджимушкайских катакомб".

- Алеша, ты не знаешь, какое сегодня число? - спрашиваю я у Мухина.

- Пятнадцатое сентября...

Я думаю: "Неужели столько времени находимся под землей? Даже не верится, будто все это началось совсем недавно". А ведь вначале каждый день казался годом. Потом освоились и перестали замечать, как проходили сутки, недели, месяцы. Может быть, потому, что некогда было подумать о времени.

...Выслушав нас, Кувалдин ведет к политруку. Правдин, склонившись над картой, испещренной цветными карандашами, что-то рассматривает на ней.

- Сорок девять человек, - сообщает ему Кувалдин, присаживаясь на край койки.

- Оружие, боеприпасы тоже учли? - отложив в сторону карту, спрашивает политрук.

- Мухтаров собрал сорок восемь гранат, есть и патроны к автоматам, отвечает Егор.

- Помните песню про партизана Железняка? - осторожно спуская с кровати раненую ногу, поднимается Правдин. - Помните:

Налево - застава,
Махновцы - направо,
И десять осталось гранат.
"Ребята, - сказал,
Обращаясь к отряду,
Матрос партизан Железняк,
Херсон перед нами,
Пробьемся штыками,
И десять гранат - не пустяк".

- Строй, Егор Петрович, батальон, поговорим и решим. А

сорок восемь гранат - не пустяк.

- Хорошо. Значит, так, как договорились?

- Да. Нам дорога каждая минута.

- Самбуров, Мухин, зовите сюда всех, - распоряжается Кувалдин и, вздохнув полной грудью, подает команду: - Баталь-о-он, выходи строиться!

Мы бежим в темноту, тормошим притихших бойцов:

- Выходи строиться! Выходи строиться!

Люди привыкли к различным командам, потому без лишних вопросов, без суеты поднимаются и идут; к месту сбора. Остаются неподвижными лишь те, кто от истощения уже не может подняться.

Строй получился неровным, изломанным, многие бойцы не совсем твердо стоят на ногах, некоторые опираются на винтовки, и почти на каждом из нас изорванная одежда, лица усталые, серые, с заострившимися скулами. Политрук, привязав к ноге протез и опираясь на костыли, подходит к строю. Голова его белая, будто облитая молоком. Мухтаров, пододвинув к нему ящик, предлагает сесть. Правдин, взглянув на Али, говорит:

- Не надо, убери. - Он силится расправить грудь, но костыли мешают ему это сделать.

- Товарищи, - произносит политрук, - У нас была цель: как можно дольше продержать гитлеровцев здесь, в районе катакомб, чтобы облегчить борьбу нашим товарищам под Севастополем. Вы хорошо справились с этой задачей. Значит, мы стояли рядом, плечом к плечу с защитниками Севастополя. Родина никогда не забудет подвига бойцов подземного гарнизона!.. Нас осталось немного. У нас нет продовольствия, нет воды, фашистские изверги замуровали амбразуры, взорвали западный выход. Они оставили один восточный выход, видимо надеясь, что мы не сегодня-завтра начнем выходить отсюда и сдаваться им в плен. Чем мы ответим врагу?

- Не выйдем, останемся здесь!

- Умрем, но не попросим пощады у фашистов.

- Не выйдем!

- Останемся тут!

Строй качается, шевелится. Правдин делает предупреждающий жест:

- Слушайте меня внимательно. Сражение под землей окончено. Мы понесли большие потери, но не отступили со своего невероятно трудного рубежа. Когда-нибудь, я твердо верю, придет сюда человек мира, наш советский человек. Он увидит следы необыкновенного подвига, совершенного солдатами подземного гарнизона. Во имя этого подвига я и командир батальона решили,

не медля ни одной минуты, выйти из подземелья и решительным ударом прорваться в город, рассеяться там по домам и потом поодиночке, мелкими группами уйти в горы. Кто готов на это испытание - два шага вперед!

Мы стоим неподвижно. Тишина невероятная. Слышно, как под политруком скрипнул протез... один раз, второй. Правдин сильнее опирается на костыли, плечи его приподнимаются, и, когда он принимает устойчивое положение, мы, задевая ногами о землю, делаем два шага вперед.

Беленький, наклонившись ко мне, шепчет:

- Они же нас перестреляют, слышишь, Николай? "Ничего, прорвемся", мысленно отвечаю Кириллу, глядя на политрука.

- Выходим из катакомб строем, - сразу начинает Кувалдин. - Гранаты и автоматы держать так, чтобы гитлеровцы не видели, что мы вооружены. Идем с песней. Это нужно для того, чтобы фашисты заранее услышали о нашем выходе. Они, конечно, приготовятся открыть огонь, но не смогут открыть его сразу, увидев нас безоружными и идущими с песней. Враг, видимо, некоторое время будет гадать: почему мы так идем, куда и с какой целью. Это даст нам возможность подойти ближе к немцам. Оружие пускать в ход только по моей команде. Если со мной что-нибудь случится, сигнал для открытия огня подаст Мухтаров. Я назначаю его своим заместителем. После прорыва каждый действует самостоятельно. В городе не задерживаться, при первой же возможности пробиваться в горы, вливаться в партизанские отряды. Вопросы будут?

- Есть вопрос, - отзывается Беленький. - А если не прорвем вражеский заслон, тогда как?

Егор отвечает не сразу. Он смотрит на Кирилла так, словно тот спросил что-то такое, которое без ответа понятно и ему, Беленькому, и всем нам, стоящим в строю.

- Что ж тогда? Драться, товарищ Беленький, драться. Оружие при нас оно не должно молчать. Думаю, что отходить в катакомбы не придется. Понятно?

Кто-то позади спрашивает, пойдет ли с нами политрук или останется здесь. Правдин отвечает:

- Я иду с вами, товарищи. Нога? Да, вижу, вы все смотрите на мою культю... Если при прорыве поможете выбраться из огня - спасибо. Но и сам я еще могу постоять за себя. На последний бой сил хватит.

- Я приказываю, - снова говорит Кувалдин, - при любом положении товарищу политруку оказывать всяческую помощь.

Мухин и Мухтаров раздают гранаты. Мы прячем их за пазухи, а автоматы под полы шинелей и стеганок. Потом обнимаем друг

друга, клянемся не дрогнуть в бою, обмениваемся адресами. Чупрахин кладет в карман кусок ракушечника.

- Это на память, - говорит он мне. - Всем буду показывать после победы: видали, скажу, это камешек оттуда, из Аджимушкайских катакомб.

- Становись! - командует Егор.

Теперь более расторопно занимаем места в строю.

- Иван Чупрахин, Николай Самбуров, Алексей Мухин! - выкрикивает Кувалдин, держа в руках зажженную плошку. - Выйти из строя.

Первым выходит Мухин, я следую за ним. Иван, недоуменно взглянув на Егора и поколебавшись, становится рядом со мной.

- Вы остаетесь здесь, - негромко, но вполне ясно сообщает Кувалдин.

- Почему? - нетерпеливо спрашивает Иван.

- Да, вы остаетесь здесь, - подтверждает Правдин. - Вам поручается особое задание. - Политрук поднимает над головой свернутое знамя. - Вот эту святыню передаем в ваши руки. Сейчас мы не можем взять с собой знамя. Понимаете, не можем, слишком большой риск. Егор Петрович, объявите им приказ.

Кувалдин берет знамя и, развернув его, громко чеканит слова:

- Приказываю: красноармейцам Ивану Чупрахину, Николаю Самбурову и Алексею Мухину принять боевое Знамя дивизии и при первой возможности доставить его командованию советских войск. Хранить знамя пуще своей жизни. В случае утраты дивизионной святыни Чупрахин, Самбуров и Мухин предаются суду военного трибунала... Вам понятен приказ?

- Понятен, товарищ командир, - отвечаем втроем,

- Ну, а теперь простимся. - Егор обнимает нас, и я замечаю, как по его заросшим скулам катятся крупные слезы... "Егор, друг ты наш хороший, и ты плакать можешь". (Мама, мама, я тоже разревелся.)

- Батальон, за мной, марш! - встав впереди колонны, делает шаг Кувалдин.

Кто-то запевает "Вихри враждебные". Стою, прижавшись к Ивану, смотрю вслед уходящей колонне. Над их головами маячит шапка Егора. Позади строя качается на костылях политрук.

А песня звенит, звенит... И в звоне этом не печаль, а гордая непреклонность людей, моих товарищей.

- Поют хорошо. Нет ли у тебя, Бурса, папироски? В глазах какая-то резь, - говорит мне Чупрахин. Затем, сняв с себя шинель, гимнастерку, просит помочь обмотать его знаменем. Вновь одевшись, стучит себя по груди: - Я теперь самый сильный на земле человек, здесь сердце всей дивизии, попробуй меня согнуть - сто тысяч смертей получишь.

- Пошли, а мы подождем, - вдруг шепчет позади Беленький. - Слышишь, студент, как-нибудь спасемся...

Иван поворачивается на голос Кирилла и от неожиданности не может выговорить слова.

- Что смотришь? - продолжает Кирилл. - Не узнаешь?

- Ну и стерва же, а?! - наконец выпаливает Иван. - Он не хочет собой рисковать! Уходи ты подальше от меня.

Наступает ночь. Пытаюсь уснуть, но только смыкаю глаза, как передо мной возникают идущие в атаку бойцы. Вздрагиваю. Не спит и Чупрахин.

- Слышишь? - шепчет он.

- Что?

- Море...

Напрягаю слух: звенит в ушах, стучит кровь в висках.

- Что ты? Какое море?

- Слушай... Волна о берег бьется. Вот она катится... Идет, идет... шумит галькой. Вот пошла назад. Не слышишь? Эх, пехота! Никакого таланта, сокрушается Чупрахин.

Подходит Беленький. Он говорит мне:

- Мы должны молчать, молчать. Немцы подумают, что тут никого не осталось, и уйдут. Нам легче будет выбраться отсюда.

- Пошел вон! - кричит Чупрахин.

- Тише, Иван... Вот пощупай, - Беленький протягивает Чупрахину рюкзак.

- Что это?

- Зарыл, а сейчас откопал. Троим хватит на неделю.

- Как троим? - возмущается Иван. - А Мухин?

- Тише, кричишь, как на рынке...

- Подлец! - в темноте слышится голос Чупрахина.

- Перестань, успокойся, - умоляет Беленький. Наконец возня прекращается. Чупрахин ощупью находит меня. Чувствую, как он весь дрожит.

- Слаб я стал, Бурса. Хочешь водички, попей. У философа отнял.

- Ты что с ним сделал?

- Ничего. Закрой уши, плакать хочется. Закрой, тебе говорят! - кричит он, ложась лицом вниз.

Беленький плачет. Плач его похож на хохот сумасшедшего. Потом он тянется к Ивану:

- Слышишь, матрос, прости! У меня чувство самосохранения очень развито. Понимаешь, с детства у меня это.

- Убери руки! - кричит Иван. - Не баба, чтобы обнимать.

- Гонишь прочь? Не уйду, буду лежать рядом, пока не умру.

- Врешь, умереть у тебя духу не хватит, скорее к немцам сбежишь.

- Правду говорю... Послушай...

- Замолчи, слизняк! Бурса, я думал, что он пришибленный от природы, а он, чувствуешь, какой линии? Вон отсюда! - замахивается Чупрахин на Беленького.

Кирилл вскакивает, торопливо подхватывает сумку, бежит в темноту.

Ночью предпринимаем очередную попытку выйти из катакомб. Мы уже давно наметили место сбора: если при выходе нам придется рассеяться, каждый знает, куда потом собираться. В узком полу заваленном проходе мы стоим вплотную друг к другу, взволнованно бьются наши сердца.

- Ребята! - обращается Чупрахин. - Хватит у вас сил, чтобы

бесшумно поднять этот камень и подержать его на руках, пока я не посмотрю, есть ли там немцы?

- Хватит, - отвечаем разом. Обхватываем ребристый камень: - Раз, два взяли!

Чупрахин, согнувшись, протискивается в образовавшуюся щель. От непосильной тяжести перед глазами плывут радуги. Но мы стоим неподвижно, словно превратились в одеревенелые существа.

- Бурса, фашисты ушли; наверное, решили, что мы уже на том свете, а нам и на земле по горло дел, - возвратившись с осмотра местности, говорит Чупрахин.

Он велит сдвинуть серый камень с прохода. Напрягаемся, и камень не так уж тяжел. Кто-то горбатый проворно проскальзывает у ног. "Беленький", мелькает у меня в голове, и я, опьяненный свежим воздухом, падаю на землю, сквозь забытье слышу шум волн. А руки тянутся вперед, ноги упираются в камни. Ползу, ползу туда, где дышит живое море...

***

СКВОЗЬ ОГОНЬ

- 1

"Ну, беги, беги!" - настойчиво шепчет ветер, а я стою словно "заколдованный и не могу сдвинуться с места. Впереди черная пропасть обрыва, а дальше необъятная даль. Она шевелится, вздыхает и тоже будто повторяет: "Беги, беги". Оглядываюсь по сторонам: по выходе из катакомб все расползлись в разные стороны, теперь вот надо подумать, где же находится место сбора. Черным пятнышком мельтешит под обрывом лодка. Сердце стучит: "Беги, беги".

Безотчетно прыгаю под обрыв и долго кубарем качусь вниз. Морская прохлада приносит облегчение. Вот и лодчонка. Она прикована цепью к причалу. Остается только оторвать цепь и вскочить - и туда, через пролив, на Большую землю. "Как, один?.. Без товарищей?" - шепчет ветер над ухом. Прыгаю в лодку. Руки лихорадочно снуют по бортам: вот они, весла, беги! "Нет, надо найти Чупрахина, у него знамя", - решаю я и, выскочив на берег, бегу к нависшей над берегом скале. Наступает проблеск в сознании: надо отсюда уходить, пока не заметили.

Попадаю в глубокую промоину. Обросшие иссиня-желтым мхом скалы висят над головой, а еще выше - голубое чистое небо. Оно такое мирное, тихое, такое доброе, что трудно оторвать от него взгляд. Присаживаюсь под скалой и вдруг спохватываюсь: это та промоина, которую мы наметили для сбора! Местность мы хорошо изучили еще в первые дни боев на Керченском полуострове. Но где же Чупрахин, где Алексей? Где Беленький?.

Камень, шурша, катится вниз. Бросаюсь за выступ. Но тут кто-то хватает за плечи и прижимает к земле.

- Черт! Это ты, Бурса!

- Чупрахин! - не говорю, а вздыхаю: от радости дыханье сперло.

Сидим в скалистом коридоре. Слышится глухой шепот моря. Иван без умолку говорит о том, как он полз к расщелине, как боялся, что могут обнаружить немцы, тревожился о знамени, спрятанном под гимнастеркой.

Замечаю: из глубины ущелья идет человек.

- Ложись! - предупреждаю Чупрахина.

У мужчины большая борода, изорванная одежда. Он идет медленно, опираясь на палку. Видимо, ему некуда торопиться, похоже, он уже долгое время вот так ходит здесь. Старик останавливается. Посмотрев вокруг, снимает, шапку, опускается на землю.

- Узнаешь? - шепчет Чупрахин. - Дядя Забалуев.

Поднимаемся. Прохор пятится назад, но, узнав нас, тихо говорит:

- Кажись, свои ребята... Помню, помню... Чупрахин?.. Самбуров?..

- Как есть они... А вы-то, дядя, как сюда попали? - подходит к нему Иван.

Забалуев неохотно отвечает: - Прячусь вот...

- "Прячусь"! - набрасывается на него Иван. - Драпал-то зачем?

- Да что говорить! Не устояли...

- Слюнтяи! - не унимается Чупрахин. Забалуев надевает шапку и, уткнувшись в колени, долго молчит. Потом поднимается на ноги и говорит:

- Меня в окопе маленько пришибло - фриц счел мертвым. Вот так я бежал, сынок. Понял?.. Надо пробиваться к партизанам, - вдруг предлагает он. Слухи ходят, что они в горах начали действовать.

- Я кадровый матрос, и никакие партизаны меня не устраивают. Будем пробиваться к своим. У нас такой приказ есть. - Иван сообщает Забалуеву о знамени.

- Через пролив? - удивляется Прохор.

- Хотя бы через океан! -.

- Пустое дело: говорят, немцы заняли всю северную часть Кавказа. Куда же пойдешь?

- Каркай мне тут, - возражает Чупрахин. - Ты мне, дядя, эти шутки брось - "куда пойдешь"! А еще старый русский солдат.

- Русский, конечно... А вот не могу постичь, что произошло, сокрушается Забалуев.

- А ты не постигай, коли непостижимо. А то еще надорвешься, дома не узнают.

- Дома... Какой там дом!

- Хватит! - обрывает Чупрахин. - От твоих слов в животе забурчало. Иван бежит за камень.

- Потешный матросик, - замечает Забалуев и, наклонившись ко мне, шепчет: - Есть у меня тут знакомая женщина - Мария Петровна, то есть я-то лично ее не знаю, не встречался, но все, к кому обращаемся от ее имени, по ночам картошкой угощают вот таких, как мы. У вас харч-то есть? Нет. Эх, что в мире делается. Ты, сынок, голову не вешай, пример с меня не бери. Я свое, кажется, отжил: кровью харкаю и дрожу весь, как старый пес. Почтя не сплю, а если усну, тут же просыпаюсь и кричу.

В душе появляется жалость к Забалуеву, хочется как-то приободрить этого человека.

- Все это пройдет, дядя Прохор.

- Пройдет, - соглашается он и указывает в сторону Чупрахина. - А вот ему хоть бы что, как бы ничего и не случилось.

- 2

На Большую землю переправиться невозможно. Пролив охраняется гитлеровскими катерами. И все же не теряем надежды, по-прежнему находимся в расщелине. Забалуев через близких Марии Петровне людей снабжает нас картофелем, изредка приносит и хлеб. Говорят, Мария Петровна живет в поселке. По всей вероятности, она связана с какими-то надежными, осведомленными людьми. Она сообщила месторасположение лагеря военнопленных, куда, возможно, попали Кувалдин и Правдин.

Пленных бойцов гитлеровцы начали посылать на окопные работы: они ведутся километрах в двенадцати от нашего убежища. Чупрахин настаивает: совершить вылазку к дороге, по которой водят пленных, и посмотреть, нет ли среди них Правдива и Кувалдина. Возможно, что и Мухин попал в лагерь. О нем тоже мы ничего не знаем. Проникнуть к дороге не так трудно. Уже не раз по ночам кружил я вокруг поселка, на окраине которого расположен домик с проломом в стене, а подойти к домику не мог. Может быть, Аннушка еще там.

Вот-вот забрезжит рассвет. Чупрахин и Забалуев только что притихли, возможно уснули. Беру автомат, тихонько вкладываю в приемник заряженный диск и карабкаюсь вверх. Потом останавливаюсь на одну минуту: хочется взглянуть на товарищей. Иван поднимает голову.

- Пошел, Бурса? - тихо спрашивает он. - Иди, - спокойно переворачивается на другой бок, словно я отправляюсь в гости к

знакомым.

Знаю, стоит только скрыться, как Чупрахин последует за мной и, притаившись в камнях, еще долго будет сопровождать меня взглядом, как это он часто делает, когда я ухожу один на разведку. Сегодня я должен приблизиться к дороге. Если бы удалось увидеть Правдина, Кувалдина, как бы я обрадовал Ивана!

Рассвет застает меня на возвышенности в полуразвалившемся окопе. Рядом должны пройти пленные. Здесь могут заметить немцы. Но об этом не думается.

Со стороны пролива показывается солнце. Где-то там Темрюк - город, откуда начался наш боевой путь. Вспоминаются тренировки по высадке десанта.

Кажется, ведут... Колонна движется медленно. Она огибает высотку. Слышится команда. Люди медленно поворачиваются лицом к дереву. Но что на нем? Как же раньше не заметил? Это ведь человек повешен. Длинный и прямой, черный, словно отлитый из металла. На груди большой фанерный щит. Протираю глаза, напрягаю зрение Буквы то сливаются, то расходятся, будто живые. Еще сильнее вглядываюсь, на мгновение схватываю строки: "Комиссар Правдин. Повешен за попытку организовать побег из лагеря".

Стискиваю зубы, чтобы не закричать. Бойцы обнажают головы. Офицер выхватывает пистолет из кобуры и на ломаном русском языке громко кричит:

- Шапка надет! Смотри у меня, не забывайт про эту штуку, - он резко тычет рукой в сторону дерева и распоряжается о выдаче лопат.

Никак не могу оторвать взгляда от дерева, смотрю и смотрю. Возникает желание сию минуту отомстить за политрука. Но трезвая мысль упорствует: "Не торопись!" Ползком покидаю окоп. Иду глубоким оврагом к небольшому поселку. Что-то надо сделать. Но что?.. В темноте теряются домики. Кто-то движется навстречу. Падаю в канаву. Прижавшись к мокрой земле, слышу топот ног, потом разговор:

- Фриц, что пишет Эльза?

- Готовится к встрече.

- Война идет к концу. Наши под Сталинградом.

- Отто, говорят, ты сегодня продулся в карты?

- Да. Но наши вышли к Волге.

- Я могу тебе дать взаймы. Не грусти, Отто, наши в Сталинграде.

Шаги удаляются. Но вскоре опять замечаю две фигуры. И снова тот же разговор:

- Эрхард, Сталинград, считай, наш,

- Шульц, мы с тобой выжили. Боже мой, выжили!

Только под утро попадаю к своим. Молча ложусь рядом с Чупрахиным. Иван, сняв с себя телогрейку, укрывает меня:

- Они нас не одолеют, Бурса.

Хочется спросить Чупрахина, почему он все время меня называет Бурсой.

- Ну спи, спи! - говорит он,

"Ну и пусть называет", - думаю я, закрывая глаза. А сон никак не берет. Из головы не выходит Правдин. Если сейчас сообщу Ивану о гибели политрука, он немедленно побежит к дороге, и кто знает, чем это может кончиться.

Заметив, что я лежу с открытыми глазами, Чупрахин поднимается:

- Ладно, коли не спишь, рассказывай, что видел... Просыпается и Забалуев. Он берет шапку и идет к ручейку. Наполнив шапку водой, Прохор предлагает мне:

- Освежи душу, устал, поди.

Делаю несколько глотков, остальную воду выливаю на голову.

- Ну, что видел? - повторяет Чупрахин.

- Егора, Мухина и Беленького не заметил. Их, наверное, не посылают на работы.

- А Правдина?

- Видел, на протезе ходит.

- Как же Егорка мог оставить политрука одного? - Иван долго ворчит на Кувалдина. Подбегает к фонтанчику, с шумом ополаскивает лицо.

Прохор широко разводит руками!

- А что он, Кувалдин-то, в плену - не на свободе... Рад бы помочь товарищу, да нешто позволит фашист?

Иван, расчесав пятерней жесткие, торчащие ежиком волосы, интересуется:

- Как охрана у них, можно напасть, выручить своих?

- Трудно.

- Сказал тоже - "трудно". Ты мне ответь прямо: можно или нет?

- Нельзя, было бы нас побольше, другое дело.

Иван, положив локти на колени, упирается руками в подбородок, задумывается.

- Вот так, браток, влипли мы тут. Э-э-ха-ха! - вздыхает Забалуев. - Ну допустим, пробьемся к своим. А что скажем, как в глаза будем глядеть другим? Спросят: "Из Крыма?" - "Да, оттуда". - "Эх вы, сколько вас там было - и попятились, паршивые овцы".

- Это кто овцы?! - Чупрахин поднимается и начинает быстро

ходить по кругу.

- Алексей! - вдруг вскрикивает Чупрахин, поворачиваясь ко мне. Смотрите... он, он!..

Мухин, оглядываясь по сторонам, осторожно спускается в расщелину. Заметив нас, останавливается. Мы бежим к Алексею, обнимаем его и расспрашиваем, как добрался, не встречал ли Беленькою.

- З

Рассказ Мухина

Впереди полз человек. Я за ним. Изо всех сил работаю руками и ногами. А тот жмет и жмет. Иван, думаю, кто же может без остановок так долго ползти... Чувствую, силы мои на исходе, не догнать ползком Чупрахина. И подняться боюсь, заметят немцы, себя обнаружу и Ивана. А у него знамя... Что делать? Отстану - один не найду место сбора. И так мне нехорошо, тоскливо на душе стало: из катакомб вырвался, а тут вот, почти на свободе, могу попасть в руки фашистов. Честно говорю, ребята, так и подумал.

Тот, кто полз впереди, вдруг остановился. Собрал я последние силы, поднатужился и настиг.

- Ваня, - шепчу, - это я, Мухин.

- А-а Алешка... Чего ты за мной увязался?

Оказалось, что это Беленький. И сумка у него на спине.

- Как чего? - спрашиваю. - Место сбора надо искать...

- Какое место?.? Зачем оно нужно?

- Мы же назначили, - отвечаю Кириллу. - Там соберемся и вместе обсудим, что делать, Кирилл приподнялся на локте:

- Слышишь, море шумит? Тут есть рыбачий поселок. Найдем лодку и ночью махнем через пролив.

- Нет, говорю, я приказ имею - знамя доставить командованию... Буду искать ребят. .

- Глупый ты. Алексей, - отвечает он, - все, кончено, теперь каждый себе командир и начальник, а ты о знамени.

Я промолчал. Кирилл мне говорит:

- Если хочешь свою мамашу повидать, слушай меня... Я, с одной стороны, - человек опытный, с другой - нюх имею, где плохо, а где хорошо.

- Что ты предлагаешь? - спрашиваю.

- Дождаться здесь утра. Убежден, фашисты решили, что из катакомб вышли все. Теперь они тут не очень насторожены. Утречком осмотримся, подумаем... Согласен?

- Согласен, - отвечаю и думаю: "Утром, может быть, вспомню то место, где назначили сбор".

Но Беленький не мог сидеть на месте, ему казалось, что вот-

вот из темноты покажутся немцы.

- Подальше от катакомб, - шептал он и все полз и полз. Траншеи попались. Кирилл предложил укрыться в них. Сидим. Кирилл молчит, и я молчу. Где-то под нами плещется море, гальку тревожит волна. Беленький спрашивает меня:

- Ты можешь грести?

- Могу...

И опять мы молчали. Я пытался вспомнить место сбора, мысленно вылезал из траншеи, ходил и искал расщелину. Кирилл думал о своем. Я это понимал по его коротким вопросам:

- За час можно пролив переплыть? - А волна лодку может опрокинуть? - Ты не знаешь, какая глубина пролива?

Я отвечал одним словом: да, нет.

Наступил рассвет. Мы увидели на берегу лодку. Кирилл обрадовался. Он сбросил с себя сумку и протянул мне что-то похожее на кусок затвердевшего хлеба:

- Возьми.

Я не мог не взять. Хлеб оказался тверже железа. И все же я разгрыз... и проглотил...

Беленький непрерывно болтал. Он рисовал картину успешной переправы: И когда он на словах уже переступил порог дома, обнимая и целуя многочисленных родичей, я поднялся, намереваясь уйти на поиски расщелины.

- Где же она? - вслух подумал я.

- Ты о чем? - удивился Кирилл.

- Ребят надо искать...

- Разве ты не хочешь воспользоваться этой лодкой? - обиделся он. Завтра будем на Тамани...

Я отрицательно покачал головой.

- Глупый, - нервно бросил в лицо мне Кирилл. - Пойми, что мы тут можем сделать? Немцы уже под Сталинградом! Ты знаешь, сколько отсюда до Сталинграда километров?

- Не знаю!..

- Вот-вот, не знаешь... А я знаю - тысяча, если не больше, - кипятился он.

- Я не об этом, Кирилл, ребят надо искать. У них знамя дивизии.

- Знамя! - произнес он. - Как же с ним пробьешься? Попадешь в руки фашистов - и верная смерть... Я мечтал после службы поступить в университет. Ты был в Ростове, проспект Карла Маркса знаешь?

- В газете писали: эту улицу разрушили немцы, - заметил я, продолжая смотреть на холмы, изрытые воронками.

Кирилл умолк. Он повернулся в сторону моря. Лодка

качалась, гремела цепью. На берегу было пустынно. Когда море и лодка скрылись в темноте, Беленький, поеживаясь от прохлады, улегся спать. Но лежал он недолго. Сел против меня, начал грызть сухарь. Где-то в стороне прогремели два выстрела. Кирилл поделился со мной сухарем.

- У меня тоже есть мать, - сказал я ему. - Отец был ранен на фронте. Не знаю, вышел он из госпиталя или нет.

- Ты расскажи мне, как лодкой управлять на море, - попросил он, прерывая меня.

- Дело несложное. - Я начал объяснять ему, как грести, как ставить лодку против волны. Я взял его за руки, они у него дрожали и были очень слабы. Мне вдруг стало как-то не по себе.

- Чего ты такой? - спросил я у Кирилла.

Он не ответил.

Я вылез из траншеи. Было тихо.

- Ты уходишь? - поднялся Беленький. Мне не хотелось разговаривать с ним, и я молча направился в поле. Шел медленно, присматривался к каждому бугорку. Я искал знакомые места, чтобы по ним определить, где находится расщелина. Вскоре мне попалась высота. Я сразу узнал ее. Здесь у нас был наблюдательный пункт, сюда приходил Шатров. Я узнал окоп, в котором Чупрахин разжигал костер. Помните, шоколадом угощал, предлагал сменить мокрое белье... "Черти мокрые, вы же простудитесь!" - "Вот пехота, матушка-рота..." Все я вспомнил, но никак не мог определить, в каком направлении она находится... расщелина.

Возвратился в траншею. Беленького не было. Я тихо позвал его:

- Кирилл!

- Опять ты! - раздраженно отозвался Беленький.

Он сидел у самого обрыва. Я подошел к нему и сразу заметил, что он раздет до нижнего белья. Рядом лежал узелок, связанный поясным ремнем.

- Боюсь, что завтра лодки здесь не будет. Спешить надо. С одной стороны - такую возможность упускать нельзя, с другой - нет смысла ждать.

- Беги... потом как будешь смотреть товарищам в глаза? - попытался образумить Беленького.

Кирилл поднялся. Была лунная ночь. Море искрилось. Дрожало у берега черное пятно. Это качалась лодка.

- Я не бегу, - наконец понял меня Беленький. - Я спасаюсь, желание не попасть в руки фашистам - не бегство... - Он говорил очень длинно, пытаясь доказать, что поступает правильно. Я ему не возражал, но и не соглашался. Я молчал, занятый своей думой.

Однако позвал все же:

- Кирилл Иванович! Кирюша...

Кирилл Долго спускался с кручи. Я видел, как он достиг лодки, слышал, как гремел цепью. Лодка, по-видимому, оказалась на замке. Вскоре Беленький начал карабкаться наверх. Обрыв был крутой, скалистый. Я уже слышал его тяжелое дыхание, как вдруг Кирилл поскользнулся, вскрикнул и, гулко ударяясь о камни, покатился вниз.

Утром я его похоронил: разгреб руками песок, положил в яму и засыпал галькой.

Потом искал расщелину, искал долго, но с твердой верой - обязательно найду. И нашел. Все ночи не спал, днем изучал местность, а ночью шел. Теперь мы вместе - легче будет...

- 4

Я весь - натянутые струны. Они звучат от малейшего вздоха Чупрахина.

Не смог молчать, рассказал Ивану о политруке. Дня три он не разговаривал. Потом заявил:

- Я должен отправиться в лагерь: Не могу так: мы на свободе, а товарищи за колючей проволокой. - Иван передал мне знамя и сказал: - Бурса, дай десяток немецких слов, и я возвращусь сюда с Кувалдиным.

Немецкий язык оказался для Чупрахина непосильным. С возмущением он вскрикнул:

- Чертова грамота! Какой Гегель ее смонтировал?!

Он ушел поздним вечером. Возвратился через три дня на четвереньках, весь в ссадинах и кровоподтеках.

Иван лежит на подстилке из травы. Под головой у него камень, покрытый стеганкой. Рядом стоит Забалуев. Прохор сейчас похож на большую, обессиленную в жестокой схватке птицу: телогрейка изорвана, рыжая борода почернела от грязи, расчленена на засаленные прядки-перья.

- Прохор Сидорович!

"Птица" наконец меняет позу, медленно усаживается рядом.

- Прохор Сидорович!

- Чего тебе?

- Пожалуйста, не молчите...

- Эха-а-а! - через чполчаса тянет Забалуев и опять надолго умолкает. Мухин спит. Он три дня ничего не ел, ослаб. Мы его накормили картошкой. И теперь он больше спит, чем бодрствует.

Мне хочется заглушить тревогу в душе. Больно щемит сердце,

- Говорите, говорите... Дядя Прохор, не надо молчать...

- Все уже сказано... Остался один путь - во сыру землю.

- О чем это вы? - вдруг открыв глаза, спрашивает Чупрахин.

- Да так, ни о чем, - спешу успокоить Ивана.

- О конце заговорили. - Он сильно скрипит зубам, голова словно на шарнире, легко покачивается из стороны в сторону. - Слышал все, - со стоном продолжает он. - С нами знамя, вы подумали об этом?

Долго хожу вдоль ущелья. Тревога не проходит. Сажусь против Забалуева и рассказываю про свою мать, отца, умершего накануне войны, соседа Трофима, прожившего сто двенадцать лет и ругавшего докторов-разбойников за то, что они с большой неохотой ищут средство борьбы со старостью.

- Старый дурак, - качая бородой, замечает Прохор Сидорович.

- Кто? - спрашиваю я, обрадованный тем, что Забалуев заговррил.

- Ваш Трофим... Нешто об этом человеку думать!

- А о чем же?

- Война, браток, хуже всякой смерти. Против войны надо корень искать... Дурак твой Трофим! - Мало ему ста двенадцати лет жизни. А что ж ты-то скажешь, что он скажет? - показывает на Чупрахина. - Что скажет Мухин? Он же еще мальчонка. При таких летах в огне гореть...

Забалуев снимает шапку и, подложив ее под голову, ложится, свернувшись калачиком.

Я уже дважды пытался увидеть Аннушку. Но домик оказывался пустым. Почему-то думается, что Сергеенко в селе, только я вот не могу застать, ее на месте, прихожу не в тот час.

- Бурса, ты б сходил к ней. Может быть, про Егорку что узнаешь. Сходи, а? - словно угадав мои мысли, говорит Иван, опершись о локоть. - А хочешь, вместе сходим? - Куда тебе, лежи...

- А разве я не лежу? - Чупрахин разглядывает свою слегка припухшую ногу. - Я просто думаю, как нам перебраться на Большую землю.

Он поднимается и, чуть прихрамывая, делает несколько шагов.

- Видал! На мне все заживает быстро. Железо гнется, моряк - никогда. Он садится на свое место и повторяет: - Сходи, сходи, что ж без дела время проводить,..

Расщелину заполняет мрак. Забалуев уже спит. Но сон у него короток. Вот-вот вскочит и, как всегда, закричит: "Окаянные, перестаньте бомбить!" Я поднимаюсь и осторожно карабкаюсь по скалистой круче. В огромном черном пятне угадывается Керчь, гора Митридат, а правее должен быть поселок. Ноги помимо воли отсчитывают шаги. Из ущелья вслед мне доносится: "Окаянные, перестаньте бомбить!"

Вытаскиваю из-за пазухи пистолет и, крепко сжав его, не иду, а лечу знакомым путем: оврагом, садами...

Вот и домик. Бесшумно, словно тень, приникаю к окошку. Значит, опять никого нет. Но оторваться от стекла не могу, смотрю, смотрю, И вдруг:

- Самбурчик!

Раздайся этот голой среди сотен других голосов, среди грома и шума, все равно услышал бы его, опознал, отличил. - Аннушка!

Распахивается окно. Сергеенко подхватывает меня под мышки, помогает подняться.

- Аннушка! - так много хочется сказать, но мешает проклятый комок, некстати появившийся в горле. Чувствую под руками пальто, надетое на ней..

- Собралась куда-то?

- Да, - выскальзывает она из рук. - Хорошо, что пришел. Скоро наших должны отправлять в Германию. Надо помочь им бежать из плена. Здесь уже все подготовлено для нападения на лагерь. Требуется один человек, который должен проникнуть в лагерь. Знаю: ты согласишься, ведь там Егорушка...

Ощупью нахожу скамейку, сажусь, говорю:

- Я ничего не понял, рассказывай все по порядку. Она подходит ко мне и, положив руки на плечи, произносит:

- Слушай, Коля...

- Слушаю, Аня.

- 5

Рассказ Аннушки

Я сижу одна на кровати, нога распухла, горит огнем... Ты ушел, куда - я не знала. В доме такая тишина, что и в могиле-то, пожалуй, бывает не так глухо. Старик, который тебя увел, не появлялся всю ночь. Где-то что-то горело, вспыхивало, освещая временами комнату. У меня повысилась температура, но сознание было чистым, и я отчетливо понимала свое положение. Больше всего боялась надругательств, думала, вот сейчас ворвутся они и начнется...

Под утро дверь шумно распахнулась, и я увидела на пороге фашиста. Он был с автоматом. Немец молча приблизился и долго смотрел мне в лицо, словно увидел перед собой что-то непостижимое, редкостное.

- Боишься? - наконец спросил он на ломаном русском языке. Я отрицательно покачала головой. Он усмехнулся: - Вот как! Молодец! - И вдруг, посмотрев по сторонам, торопливо заговорил: - Мария, Мария... Где она? - Это он про хозяйку нашу.

- Не знаю...

- А ты кто? Сестра? Я Густав Крайцер, скажите Марии, что

место прежнее, завтра в час ночи жду ее.

На улице послышались выстрелы, и немец поспешил за дверь. Это было для меня как сон. Попробовала подняться, осмотреть квартиру. Пересиливая боль, сделала несколько шагов, и тут вошел он, наш знакомый старик. Он помог мне снова лечь в постель. Укрыл меня одеялом, сказал!

- Твоих товарищей проводил в катакомбы, они теперь в безопасности.

Потом он осмотрел мою ногу,

- А ну, потерпи-ка. - Старик сильно дернул за ступню, боль пронизала все тело. Погодя немного я почувствовала облегчение. Рассказала старику о солдате...

- В этой войне все может случиться, так что не удивляйтесь, дочка. Как вас зовут? - спросил он.

Я ответила. Старик, о чем-то подумав, произнес!

- Густав... Значит, он здесь. Это неплохо, неплохо. Он вышел из комнаты. В коридоре кого-то позвал.

Заходи, есть приятные новости.

Вместе со стариком вошла маленькая женщина. Она выглядела так молодо, что сразу трудно было определить, сколько ей лет. Знакомясь со мной, она певучим голосом сказала:

- Мария Петровна, а это мой отец, Петр Сидорович.

- А кто он? - спросила я.

- Вот поживешь с нами, узнаешь сама, - ответила Мария Петровна.

Остаток ночи и весь следующий день прошел спокойно. Я лежала на кровати. Старик хлопотал по дому, Марии не было. Она пришла вечером. Мы поужинали и легли спать: Мария Петровна со мной на кровати, а Петр Сидорович в сенцах на диванчике.

- Как у тебя с ногой? - спросила Мария.

- Боль прошла, могу ходить... Проводили бы меня в катакомбы, попросила я.

Мария не сразу ответила. Она поднялась, рукой пошарила на подоконнике и, найдя папиросы и спички, закурила.

- Я работаю в немецкой комендатуре, то есть еще не работаю, раньше работала. Густав снова рекомендует устроиться на прежнюю должность, машинисткой.

Она умолкла. Я чуть привстала и отодвинулась в сторонку. Мне стало не по себе: эта женщина, оказывается, служит фашистам. Я готова была вскочить с постели, убежать из этого дома. Но тут Мария вновь заговорила.

- А ты смогла бы работать рядом с немцами? - спросила она, повернувшись ко мне лицом. В зубах Марии тлела папироса, и я

видела ее чуть припухшие губы, подбородок. Она была по-своему довольно симпатичной и, можно сказать, красивой. Но в эту минуту она мне показалась страшной.

- Нет! - твердо ответила я. - Это гадко, подло, - задыхаясь от прилива ненависти, я вдруг заплакала. Она швырнула папиросу в темноту и положила свою руку на мою голову:

- Да что же ты так на меня! Аннушка, милая. Ты умница, умница... Я тебе не могу все рассказать... Но скажу, одно: мы будем вместе... Нас много, понимаешь?

В полночь кто-то приходил к Петру Сидоровичу. Мария поднималась с постели и выходила в сенцы. По тому, как часто приходили и уходили люди, я догадывалась, что они находятся где-то близко, возможно, тут же, в доме.

Так продолжалось неделю. Потом Мария Петровна куда-то исчезла и не появлялась дней пятнадцать. Все это время я не выходила со двора: такое условие поставил Петр Сидорович. Да, откровенно говоря, я и сама не решалась показаться даже за ворота. Время от времени в городе еще слышалась перестрелка, полыхали пожары, по квартирам сновали фашистские солдаты, разыскивая укрывшихся в домах красноармейцев. Но к нам они почему-то не заглядывали, и я все больше приходила к выводу, что хозяйка находится в каких-то близких связях с гитлеровцами, а меня пытается обмануть.

И однажды я прямо спросила старика: - Петр Сидорович, что Мария, она с немцами заодно? Он посмотрел на меня, поднялся со стула, сказал:

- Не знаю. Одно скажу, дочка, Марья партийная. И выбрось из головы дурное о ней.

Вскоре появилась она. О чем-то пошептавшись с отцом, Мария взяла меня за руку и сказала:

- Идем!

- Куда? - спросила я.

- Сама увидишь и все поймешь.

Мы вышли в коридор. Петр Сидорович поднялся на табуретку, нажал на крюк, торчащий выше старенького шкафа. В стене образовался лаз. Через него мы спустились в подземелье. Там находилось несколько человек. Тускло горела "пятилинейка". Я еще не успела рассмотреть людей, как Мария представила меня:

- Это и есть Аннушка. Самый настоящий военный человек!

А уже через час я была назначена командиром патриотической группы по освобождению из плена советских бойцов. Там, в подвале, я и узнала фамилию Марии - Бурова. Она была связной между патриотическими группами. По тому, как уважительно к ней относились, как прислушивались к ее советам,

я поняла, что Бурова не только связная.

...Я иду с Густавом по улице. Он ведет меня под руку. Хотя я многое знала о нем, знала, что он вместе со своими войсками второй раз попал в Керчь, что он коммунист, что он и прежде, в 1941 году, был связан с нашими партизанами, помогал им, но все же, как взгляну на его форму, нашивки, сердце заколотится: с кем я иду рядом! Густав, видимо, догадывается, что делается в моей душе, успокоительно шепчет:

- Держись, Анья. (Он так называл меня: "Анья".) Не все немцы - фашисты: среди нашей проклятой армии есть люди, им тоже очень трудно, они умеют держать себя... . .

И все же я не могла смотреть на него так, как на своего человека. Может быть, это глупо, но я говорю правду...

Густав должен был проводить меня через весь город, на окраину: там есть местечко, откуда виден лагерь военнопленных, подступы к нему.

Обратно возвращаюсь одна, не улицами, а дворами. Темнота неимоверная, продвигаюсь ощупью. Вдруг лечу в какую-то яму. Кругом сыро, мокро и ничего не видать. Протягиваю вперед руки - что-то лохматое, теплое. Пес! Он рычит, а я его глажу: успокойся, родной. Залает - все пропало: на шум прибегут патрули... А я - это уже не я. Я - глаза их, тех, кто послал меня на задание изучить подступы к лагерю. Да, так подумала тогда и решила: что бы со мной ни случилось, буду молчать, не закричу, хотя так хотелось закричать, так страшно было, что сейчас уже и не передать. "Кутюка, кутюка, миленький, успокойся, не рычи, это я, Анна Сергеенко", - глажу пса, а у самой мурашки по коже снуют. Минут через пять собака успокоилась, и, когда пошел дождь, она стала жаться ко мне, тихонько повизгивая. Теперь я уже не боялась...

Начала изучать, куда попала, к счастью, обнаружила лесенку. Поднялась на поверхность, пес так заскулил, что пришлось и ему помочь вылезти из западни. Иду, и собака следом за мной ковыляет, то чуть приотстанет, то трется у моих ног. Хотела прогнать прочь, но она не уходит. Это была овчарка довольно внушительного роста.

В одном месте нужно было пересечь улицу. Только я шагнула на тротуар, как чьи-то цепкие руки сзади схватили за плечи. Не закричала, только громко простонала. Раздалось рычание. Меня отпустили, обернулась: пес со злобой рвал гитлеровца. Второй фашист, по-видимому боясь ранить своего напарника, палил из автомата вверх. Воспользовавшись этим, я побежала назад, скрылась за оградой...

Только под утро попала к себе.

Петр Сидорович сразу потащил меня в тайник. Там меня ждали всю ночь и уже думали, что я не вернусь. Я подробно рассказала им о местности, где расположен лагерь, как к нему скрытно подойти, Мария Петровна оказала:

- Вот ты и поведешь людей туда.

И, помолчав немного, она добавила:

- Это приказ командования...

Густав всегда приходил ночью. Где он служил и что делал, я до сих пор не знаю, пыталась узнать у Марии, но она или сама как следует не знала, или не хотела говорить. Однажды он появился в необычное время - утром.

- Мария? - спросил он. Но Бурова уже ушла на работу.

Густав присел на скамейку и стал наблюдать в окошко, выходящее во двор.

- Передайте ей: из Севастополя приходит группа подрывников, получен приказ в течение пяти дней ликвидировать катакомбы, всех, кто будет взят в плен, отправить в Германию. Пусть торопится с нападением на лагерь, сейчас там охрана ослаблена. Больше ничем помочь не могу.

- Хорошо, передам, - сказала я и тут же спросила его: - Скажите, кто вы есть? - Солдат, - коротко ответил он.

- Почему же вы помогаете нам, советским людям?

- Потому и помогаю, что солдат, а не фашист. - Он поднялся, прошелся по комнате, вновь сел к окошку, заговорил: - Да, да, товарищ Анья, есть в Германии люди, которые понимают, что Гитлер - это не просто Гитлер, это фокус, в котором отражаются все империалистические силы мира.

Густав говорил не торопясь, но взволнованно. Я слушала его с двойным чувством: передо мной стоял человек в форме лютого врага, и в то же время он произносил слова глубокой правды. Я спросила его:

- С вами что-то случилось?

- Вчера расстреляли моего товарища, - тихо сказал немец. - Рабочий с завода имени Войкова, коммунист, я познакомился с ним еще в сентябре прошлого года. Он служил у нас полотером в комендатуре. Больших трудов стоило мне устроить его к нам...

- Вас подозревают? - прервала я его,

- Пока нет, но оставаться мне в Керчи нельзя. Я отправлюсь в дивизию, туда, в район катакомб.

Он заторопился и уже в дверях снова повторил то, что я должна была передать Марии Петровне,

Больше я его не видела,

...Густав? Не тот ли, который был у нас в катакомбах? Он вел себя странно. Если бы тогда Егор не подошел к нам, Чупрахин

расстрелял бы его. Мне хочется сообщить об этом Аннушке, но она спешит закончить свой рассказ:

- Я здесь связана с надежными людьми. Уже начал работать подпольный обком партии. По его приказу мы подготовили нападение на охрану лагеря. Но чтобы все удачно прошло, Мария Петровна говорит, что надо одному человеку проникнуть к фашистам и забросать гранатами караульное помещение. Проникнуть туда может только смелый, надежный человек. А ты, Самбурчик, к тому же знаешь немецкий язык. Тебе легче это сделать.

Аннушка садится на кровать и убежденно говорит:

- Кувалдин мог бы убежать из лагеря. Он сильный. Но не сделает этого один, беспокоится о товарищах. Я знаю его, он такой.

"Да, он такой, - думаю я. - Егор, Егор, она тебя любит..."

- Пошли! -решительно заявляю я. - Пошли. Я проведу тебя к Чупрахину, он ждет нас. Вместе решим, как нам действовать.

...Вот и ущелье. Только что проснулся дядя Прохор, но не кричит, как прежде, а сразу бросается ко мне:

- Браток, матросик-то того... вроде помер.

- Иван!

- Покойника нашли! Я вас всех, желторотиков, переживу...

- Эха-а-а! - вздыхает Забалуев. - А мне никаких признаков не показывал.

- С мертвыми не разговариваю, - скрипит зубами Чупрахин. - Противно слушать, долбит одно: "Эха-а-а, все пропало! Эха, одна дорога, во сыру землю". Ну и топай по этой дороге, чего других-то тащишь, старый петух!

- Ить какой злой, соленая душа. Не знаешь Прохора, а перчишься. Стрючок ты водяной!

Аннушка коротко повторяет свой рассказ, А когда речь заходит о деле, Чупрахин уже не может сидеть. Он встает на ноги, говорит:

- Дело трудное, но Егорка - наш командир. Понимаешь, Бурса, командир. Надо выручать.

Забалуев кашляет, зажав рот шапкой. Откашлявшись, встает, расправляет плечи:

- Сегодня хотел козлом прыгнуть вот с той верхотуры. Эх-ха, вы же, мальцы, этого не понимаете... О чем это я хотел сказать?.. Да, но прыгать я не буду... Вот что, уважьте мне это заданьице. Прошу вас, уважьте! Промашку не дам.

- 6

Море дышит ровно и безучастно.

- Дядя Прохор, может быть, передумаете? - который раз

спрашиваю.

- Ни в жизнь, - отвечает Забалуев. - Ты не сомневайся. Я все понял. Послушай. - Он подвигается ко мне вплотную. - Значит, сначала идти вот этой лощиной, потом поворачиваю вправо, ползу к проходным воротам. Ложусь тут и жду темноты, а если часовой замешкается, то не дожидаюсь ночи, забрасываю караульное помещение гранатами и кричу, чтобы привлечь на себя охрану... Не-ет, ты не сомневайся, дело это решу исправно...

Он наклоняется ко мне и поправляет клок волос, выбившийся у меня из-под шапки:

- Мальчонка ты еще...

Приближается установленное время. Даже замечаю, как движется часовая стрелка. А волны плещутся по-прежнему спокойно и лениво. Видны лагерь, квадраты колючей проволоки и копошащиеся люди за ней. Сегодня начнут вывозить их из Крыма в Германию. Мы горсточка обессиленных голодом, но жаждущих вновь, возвратиться к своим, должны помочь этим людям вырваться из фашистских лап. А куда? Кругом гитлеровцы. Но земля, земля-то ведь наша! В своем доме - и в плену!

- Успокойся, - вдруг говорит Забалуев. - Я знаю, что тебя тревожит. Напрасно мучаешься, не подведу. Слышишь, я же решил...

Прохор Сидорович снимает шапку и пытается расправить сутулые плечи. Глаза щурятся, наполняются блеском.

Солдатушки, бравы ребятушки,

поет он, еле шевеля губами. Голос его дребезжит, но уже не убаюкивает, как прежде.

Кто же ваши деды?

продолжает он мурлыкать.

Наши деды - славные победы,

Вот кто наши деды!..

Напевает с каким-то упоением, словно почувствовал себя в строю ротных молодцов.

- Я ведь понимаю тебя, слышишь, Самбуров? - кончив петь, обращается он ко мне. - Совестливый ты человек. Как же, мол, вот я, такой молодой, комсомолец, и вдруг допускаю, чтобы пожилой человек обогнал меня в таком, можно сказать, редкостном деле. Не думай так, войне не конец. Ты еще успеешь словечко сказать, не опоздаешь... Хотя солдату и не положено так рассуждать, боец всегда должен торопиться в бою, иначе крови больше прольешь... А мне что, силы на исходе, ложиться и ждать смерти? На мне же красноармейская форма..! И спасибо Чупрахину, хотя он и злой, но рассудил правильно, поддержал мою просьбу. Кажись, пора, давай-ка сюда лимонки.

Он проверяет гранаты, тянется ко мне:

- Простимся, что ли, Николай? - Кладет руку на мое плечо, со вздохом шепчет: - Коли доведется переправиться на Большую землю, обязательно попадешь в станицу Ахтанизовку. Просьба у меня к тебе: разыщи в Ахтанизовке мою жинку... Феклу Мироновну... Поклонись ей и скажи: "Прохор любил Родину". Больше ничего не говори, она все поймет. Теперь прощай, матросу поклон.

Обнимаемся.

Прохор уходит.

Долго гляжу ему вслед: он удаляется медленно.

Прощай, товарищ Забалуев.

Два гранатных взрыва эхом наполняют окрестность. И тотчас же взрывы раздаются в другом конце лагеря. Там Аннушка со своими людьми. Выстрелы нарастают, торопятся. Звонко лают овчарки. Люди бегут в горы, рассыпаются по склонам... Теперь оставаться здесь опасно.

Надо пробираться к Чупрахину. Если все удачно кончится, в нашу расщелину возвратится Аннушка, и, может быть, не одна. Ведь в лагере людей не так много, возможно, и Егора встретит...

- Ни о чем нас не расспрашивай. Хочешь воды? А вы что стоите? прикрикивает Аннушка на остальных. - Торопитесь!

- По местам! - командует Егор.

Аннушка приносит в каске воды. Жадно глотаю, становится легче. Она сообщает:

- Фашисты прочесывают каждую лощину, оставаться здесь опасно. Будем пробиваться в горы. Мария обещает достать моторную лодку, и уйдем на Большую землю, к своим.

- 7

Укрываемся в горах, в тридцати километрах южнее Феодосии. После налета на лагерь Бурова получила задание провести нас в горы. Аннушка говорит, что теперь Марии Петровне возвращаться в Керчь нельзя и она временно будет находиться в селе, расположенном в семи километрах отсюда. Мы поддерживаем с ней связь. Она помогла нам обнаружить подходящий для захвата небольшой, человек на пять, немецкий катер.

- Посуда не ахти, моторчик слабенький, - говорит Чупрахин. - Но нас устроит. Техника подведет, весла выручат. Главное - захватить этот паршивый катеришко.

Я с Чупрахиным по заданию Кувалдина каждый день ведем наблюдение за морским постом гитлеровцев. "Наш" катерок редко покидает гавань, все больше стоит у причала, покачиваясь на волнах. Немцы ведут себя так, словно нет на земле войны. К ним часто приходят другие матросы, видимо, с соседних морских

постов. Они поют песни, пьянствуют, купаются в море, загорают на пляже.

Фронт отодвинулся далеко на восток. Побережье только один раз подвергалось бомбежке нашими самолетами. Чупрахин очень тревожился, боялся, что катер мог быть потоплен и мы остались бы, как говорится, на бобах. Но катер остался невредим.

Егор установил строгий распорядок дня, назначил часы учебы. Иван инструктирует меня, как брать фашистского матроса, который по ночам дежурит у катера.

- Мухин, - обращается он к Алексею, - вообрази, что ты на посту. Повернись лицом сюда. Вот так. Бурса, притворись пьяным и иди прямо на Мухина; ночью...фашист сразу не опознает, кто к нему идет.

Добросовестно исполняю команду, подхожу к Алексею.

- Не так! - кричит Чупрахин. - Остановись! Что ты, ни разу не ходил "под мухой"? - возмущается он. - А потом надо же что-нибудь по-немецки лопотать. Они, подлецы, выпивши не молчат. Валяй что-нибудь хвалебное про Гитлера, дескать: "Фюрер, фюрер, собачий сын, как я предан тебе, сволочь". Шуми, да покруче!

Сильно качаясь, пою по-немецки.

- Стой, кто идет? - подражая немецкому часовому, окликает Мухин.

Подхожу к Алексею.

- А дальше что? - спрашивает он Чупрахина.

- Дальше? - Иван морщит лоб, поглядывая на Кувалдина. - А черт его знает, что дальше! Если бы это на меня вот так шел фриц, тогда другое дело, я бы сказал: "Покойник любил выпить".

Егор смеется. Он берет мешок и говорит Ивану?

- Становись на место Мухина.

Егор, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, приближается к Чупрахину. Тот, вытянув вперед голову и скривив рот, готов прыгнуть на "противника". .

- Где ваш катер? - спрашивает Егор. Иван быстро оглядывается назад. В тот миг Кувалдин набрасывает на него мешок, дергает за ноги, и Чупрахин оказывается пойманным. Он что-то кричит. Освободившись, с удивлением смотрит на Егора.

- Сатана! - наконец произносит Иван и оборачивается ко мне: - Видал? Вот это прием! Обманул. Понимаешь, Чупрахин оказался в мешке. Егор, прикажи тренироваться до седьмого пота. Мухин, становись сюда.

Через полчаса, обессиленные тренировкой, мы с Алексеем подходим к Егору, который возится с автоматом, проверяя подобранный в горах диск.

- Стрелять будет, - обещает Кувалдин.

Приходит Аннушка. Она ходила, к условленному месту встречи с Марией Петровной, принесла от нее записку. Кувалдин читает нам:

- "Дорогие товарищи! Вам необходимо сегодня захватить катер. Имеются точные сведения, что фашисты после возвращения с моря будут отмечать день рождения своего командира. На заставу пошлем своего человека (девушку) с корзинкой вина. Все подготовлено, действуйте смелее".

Этого момента ждали двадцать дней. И теперь он наступил. Но захватить катер нелегко, да и в море всякое может быть.

- Давайте лучше подумаем, - робко предлагает Мухин. - В Крым наши все равно возвратятся...

- Не то говоришь, Алексей, - замечает Егор/

- Конечно, не то, - подхватывает Чупрахин. - Переждать мог бы и политрук Правдин. Да вот этот самый моторчик, - Иван хлопает себя по груди, - не соглашался с сидячим положением; он у него гудел, гудел, выговаривая: "Не жди, не жди, действуй, коли ты настоящий матрос..." Так я говорю, Егор?

- Так, Иван.

- Дед не раз напоминал мне, - оживляется Чупрахин. - "Ванюшка, коли попадешь под ружье, да к тому же на фронт, не будь обозником; авангард самое подходящее место для солдата. Там, - говорил дед, - в этом самом авангарде, все люди правильные, сиднем не сидят..." А ты мне на что намекаешь? - вдруг набрасывается Иван на Алексея.

- Идем, все остается, как решено, - прерывает Чупрахина Кувалдин. Прошу готовиться.

...К берегу выходим извилистым ущельем. Над притихшим морем висит вечерняя дымка. Только что возвратился "наш" катер. Гитлеровцы не спеша сходят на берег, громко разговаривают, смеются.

- Помилуй бог! Торговка! - вдруг кричит один из них.

Видим, как из-за выступа появляется девушка с ношей в руках. Наверное, она не раз сюда приходила, и ее встречают как хорошую знакомую.

- Шнапс есть? О, кстати!

Ее окружают, отбирают корзину, кричат:

- Теперь шнель, быстро назад! Ком, ком..* Весело переговариваясь, фашисты идут к домику, примостившемуся под скалой. Потом слышим их пьяные голоса, песни. Постепенна все это умолкает, и вокруг наступает тишина. Только часовой у катера, от скуки пританцовывает, шуршит галькой, посвистывает.

Егор толкаем в бок, но не произносит ни одного слова: мне и

так понятно, что делать. Руки тянутся к мешку.

Хрустнул под ногами сухой стебель травы, догнал шепот Чупрахина:

- Если бы знал этот дурацкий язык... пошел бы сам...

Выхожу на тропинку, ведущую от домика к катеру. По очертаниям фигуры определяю: фашист стоит лицом к домику. Сильно качаюсь, пою вполголоса.

- Черт возьми, какой день, а мне вот приходится торчать у этого корыта, - возмущается часовой.

- А ты не торчи здесь, иди и выпей, - издали говорю и медленно, шаг за шагом, приближаюсь к фашисту. - Ты что же, море охраняешь? Где катер? спрашиваю по-немецки, сильно заикаясь.

- У пьяных обычно двоится в глазах, а у вас... - гитлеровец смеется и лениво поворачивается к морю.

Одним взмахом набрасываю мешок. Бесшумно подбегает Чупрахин.

- Не спеши, - - шепчет он. - Главное - покрепче связать. Фашисту доверять нельзя. Кляп ему в рот. Вот так, готово.

Безмолвно садятся в лодку Кувалдин, Мухин, Аннушка. Опущены весла, и мы уходим в море, дальше и дальше.

"..Вокруг ни одного огонька. По расчетам, уже давно должен быть берег Тамани. Но его нет и нет, Может быть, потеряли курс и теперь кружимся на одном месте?

Начинает штормить. Натруженно кашляет мотор, вот-вот он заглохнет. Ожидаем, что скажет Чупрахин. На небе видна робкая полоска рассвета. Мухин не выдерживает молчания, встает.

- Берег, товарищи! Земля!

- 8

Вот-вот наступит рассвет. Выбираем, место дневки. Кувалдин отправляет Чупрахина и меня наблюдать за дорогой, проходящей по лесу, в километре от выбранного нами места.

- Ведите себя осторожно. Небольшая опасность - возвращайтесь, будем отходить в глубь леса.

В пути Чупрахин замечает:

- А Егорка и тут хорошо командует. Нюх у Кувалдина точный, словно он всю жизнь ходил по тылам врага.

По дороге проскакивают два мотоциклиста. Потом появляются танки. Они идут на малой скорости с закрытыми люками.

На некоторое время движение по дороге прекращается. Чупрахин не переносит тишины. Она угнетает его. Он начинает ерзать, вытянув шею.

- Бурса, листовка, - вдруг показывает он на маленький серый

клочок бумаги, дрожащий на ветру.

Иван вскакивает, берет листовку и, сев поудобнее, читает:

- "Граждане кубанцы! Красная Армия разбита..." Что? - Что они пишут! багровеет Чупрахин. - Ах, подлецы!

- Читай дальше, - советую Чупрахину.

- Сам читай, - передает он листовку.

- "Просим вас соблюдать спокойствие и порядок. Не давайте коммунистам и партизанам взрывать промышленные предприятия, организуйте охрану нефтяных районов, берегите хлеб, скот. Это пригодится вам.

Красноармейцы! Не слушайтесь комиссаров, бросайте оружие и переходите к нам. Мы гарантируем вам жизнь, отправку к своим семьям".

- Дай сюда, - вырывает Чупрахин листовку. Он рвет ее на мелкие клочки.

- Карандаш и бумага у тебя есть?

- Есть, - отвечаю.

- Пиши...

- Кому и что писать?

- Пиши, по-ихнему пиши: "Проезжий фриц, остановись! Вправо от дороги, под кусточком, лежат штабные документы: очень важные, весьма откровенные и абсолютно достоверные сведения для вас.

Кубанец".

- Написал? Дай-ка сюда.

Прицепив бумажку к сломанной ветке, Чупрахин ползет к дороге и там втыкает ее в землю.

- Порядок, - довольный, занимает свое место. - Грамотные прочтут, а мы посмотрим, как они будут искать штабные документы. Тут мы им и врежем по первое число.

Я напоминаю Чупрахину о предупреждении Егора вести себя осторожно.

- Так их же, скорпионов, другим способом из танка не вытащишь. А бить их надо, или мы уже не бойцы. Эх, Николай, Николай, они же по нашей земле ползут, - вздыхает Иван. - Мы аккуратненько, без особого шума, - уговаривает он.

Долго ждать не приходится: на дороге вновь появляются мотоциклисты. Но, к огорчению Ивана, они проскакивают без остановки.

- Надо возвращаться, - напоминаю Чупрахину, - Времени уже много прошло.

Встречает нас Мухин. Он сообщает:

- Егор тоже ходил в разведку, привел с собой проводника. Теперь нам легче будет.

Иван подробно докладывает Кувалдину о результатах наблюдения, в конце не забывает сказать о записке.

- Этого делать нельзя, - строго предупреждает Кувалдин. - С врагом надо обращаться серьезно.

- Я понимаю, Егорка. Для серьезного разговора у нас нет подходящих сил... Ведь что пишут, болваны!

Проводником оказался парнишка лет четырнадцати, Никита.

Чупрахин сразу засыпает его вопросами: откуда он, кто рекомендовал его нам и вообще кто он есть. Никита поглядывает на Егора:

- Не знаю. Не положено говорить...

- Смотрите, ничего не знает! А как же ты поведешь? - налегает Иван.

- Поведу. Раз сказано - провести, проведу.

- Ну и оратор!

- Перестань, - обрывает Кувалдин Чупрахина. - Лучше займись автоматом, осмотри, почисть, вот тебе патроны, дозаряди диск.

- Патроны! -удивляется Иван. - Вот это обрадовал, Егорка! Давай-ка их сюда. Откуда достал? Смотри, Никита, как мы их сейчас будем укладывать. Вот эта штучка называется приемником.

- Знаю, - спокойно роняет Никита.

- Ишь, ты! Наверное, уже стрелял из этой штучки-то. Молчишь? Военная тайна? Ну-ну, молчи. На-ка патрон, протри его хорошенько. А ты, случаем, не знаешь, что такое флагшток? - с хитрецой спрашивает Чупрахин.

Разговор прерывают автоматные выстрелы. Они доносятся со стороны лесной дороги.

Чупрахин берет автомат. Он быстро вставляет диск, и я замечаю в его глазах искры; ему сейчас бы в бой.

- Никита, где эта тропинка? Веди, - распоряжается Кувалдин. - Самбуров, иди за Никитой, Сергеенко, Мухин - посередине, я - замыкающий. Чупрахин, прикрывай, ищи нас по отметкам на деревьях. Да не увлекайся тут. Ясно? Я с тобой еще поговорю...

- Есть! - Чупрахин, чуть согнувшись, бежит на выстрелы, скрывается за деревьями.

Лес становится гуще. Проводник останавливается, тяжело дышит, рукавом вытирает вспотевшее лицо. Дождавшись Егора, Никита понимающе говорит:

- Сюда фашисты не придут. Дедушка Назар сказал, что немцы в этот лес не ходят, боятся... А вам дальше надо идти вот этой тропинкой. Пойдемте, она тут, рядом, - показывает куда-то в кустарник. - А может быть, к нам? обращается Никита к Егору. -

Отряд наш боевой. - Но, видимо, спохватившись, что говорит лишнее, он умолкает.

Никита уходит ночью. По-взрослому жмет каждому руку и сразу скрывается в темноте.

- Толковый парень. Партизан. - Кувалдин смотрит ему вслед и распоряжается: - Самбуров, осмотрите местность. Здесь будем ждать Чупрахина.

Выстрелы уже давно прекратились. Одолевает сон. Голова то и дело падает на грудь: тяжелая, нет никаких сил удержать ее на плечах.

- Чупрахин! - вскрикивает Аннушка. - Слышите?

Со стороны доносится треск веток. Потом вновь тишина, и опять легкий хруст. Ложусь на живот и вглядываюсь в редеющую темноту. Между стволами маячат две фигурки,

- Это я, Никита, - несется из кустов, - Матроса привел.

- 9

Низвергнута ночь, поднимается солнце

На гребень рабочих голов.

Вперед, красноармейцы! Вперед, комсомольцы!

На вахту встающих веков!

Поет Иван очень тихо, чуть сбив шапку на затылок. В голосе чувствуется тоска.

- Нет, все же Егорка круто поступил со мной. Оружие отнял, подумать только! У кого отнял?!

Кувалдин все же наказал Чупрахина за необдуманный шаг там, у дороги. Он передал его автомат Аннушке и уже несколько дней не посылает в разведку.

- Солдат без оружия, - никак не может успокоиться Иван. - Понимаешь, вроде я тень. Чупрахин - тень. Не хочу быть тенью, не хочу! Э-э, да что говорить, разве ты поймешь, - отворачивается он от меня.

Кувалдин за последнее время все больше напоминает Шатрова.. Может, тем, что строг, и тем, что никогда не жалуется на усталость, одним словом железо: молчалив и неподатлив. Но металл этот живой, в нем есть сердце, как бы Егор его ни прятал, оно стучит, стучит, и стук этот чувствует каждый из нас.

Егор, Мухин ушли в горы, чтобы наметить путь дальнейшего движения. Аннушка печет на углях картофель. Вжились в обстановку, и теперь она кажется нам не такой уж опасной, словно так и должно быть.

- Коля, посмотри, поспела? - обращается она ко мне,

- Вот пойду сейчас на дорогу, разминирую первого попавшегося скорпиона, и будет у меня оружие, - продолжает свое Чупрахин.

- Погубишь себя и нас, - предупреждает его Сергеенко.

- Не погублю, я аккуратненько.

- Иван, - становлюсь на пути у Чупрахина.

- Испугались? Эх вы!.. Я так, прогуляюсь маленько. Вот на бугорочек, подышу свежим воздухом...

- Переживает парень! - замечает Аннушка.

- Наверное, обижается на Егора.

- И все же он хороший.

- Кто?

- Чупрахин. Егор ценит его... Посмотри, как картошка, - повторяет она.

Подсаживаюсь к костру. Огоньки дышат, как живые. Пульсируют. Падают мелкие капли дождя. И от этого угли таинственно подмигивают.

- Испеклась?

- Кто?

- Картошка.

- А-а... Пожалуй, готова.

Аннушка щекой касается моего плеча. А угли подмигивают.

- Аня. - мне хочется вспомнить тот, случай когда мы вдвоем остались в лесу, рассказать ей, как я потом много раз видел ее во сне.

- Ну что, говори! - кротким взглядом смотрит в лицо.

- Сказал бы, да боюсь,

- Кого?

- Себя, кого же еще.

- Вот как!

- Ты смеешься.

Она берет меня под руку, и мы начинаем ходить вокруг костра. Ходим молча. Ну что же я такой? Даже в глаза не могу посмотреть.

- Не себя ты боишься, а Егора, - говорит Аннушка, поворачивая меня к себе лицом. - Так? Ну скажи?

Берет мои руки и прикладывает к своим щекам. Они горячие, а глаза мигают, как угли. Рот чуть-чуть приоткрыт, губы такие милые: еще одно мгновение - и я поцелую Аннушку. Но вдруг вспоминаю Егора, бегу к костру и, как сумасшедший, роюсь в углях, обжигая пальцы. Зачем она так со мной?

- Испугался?

Она становится рядом. Вижу в углях отражение ее лица. Но это, конечно, кажется мне.

- Ты же любишь Егора? - робко спрашиваю. Она ладонью зажимает мне рот.

Возвращается Чупрахин. Он садится у костра и начинает:

- Не шуточное дело, уже пять дней бездельничаю... А война идет и идет. А что Ванька Чупрахин делает? Что? Что он, сукин сын, делает?.

- Успокойся. Скоро вернется Егор, и мы пойдем. Сейчас поешь картошки, вот видишь, как хорошо испеклась, - говорит Аннушка.

- Ой, черти! Война идет, а мы картошку жрем.

Из-за кустов, пригнувшись, появляются Кувалдин, Мухин. Они встревожены. Егор торопливо рассказывает:

- В селе фашисты, их тут много. Надо немедленно уходить.

Идем без отдыха. Слышны орудийные выстрелы. Там линия фронта, может, к утру пробьемся к своим. Вершины гор облиты лунным светом. Небо - россыпь звезд. Почему-то вспоминаются донские степи, расцвеченные в мае травами. И тут же мысли о матери. "Дорогая!.. Каждый день в мыслях пишу тебе. Память моя, как некая тетрадочка..." "Дорогая! Я жив и здоров. Мои ноги ходят по советской земле. Сейчас мне немного, конечно, трудно. А кому в это время легко? Ты не беспокойся за меня. На фронте опасно. Но, как у нас здесь говорят, опасность - не смерть. Главное - уметь не поворачиваться к опасности спиной, тогда ничего, не страшно. Дорогая мама! У меня есть хорошие друзья. Раньше я не знал, что есть такие люди. Мой командир Егор Кувалдин. Он из Москвы. Мама, я верю: когда-нибудь ты увидишь этого замечательного Егора...".

"Пишу" о Чупрахине, об Алексее, Аннушке, политруке Правдине, о Шатрове, Хижнякове. О всех, всех пишу... Пусть мама знает о каждом из нас. Пусть мама верит в солдат, озаренных любовью к своей Отчизне и потому готовых на любое испытание.

"Дорогая мама! Эту тетрадочку я обязательно сохраню для тебя и для других... После войны мы вместе с тобою прочитаем ее, и я знаю: ты спросишь - для чего ты написал эту тетрадочку? И я тебе отвечу: чтобы никогда не повторилось! Чтобы у людей наших был зорче взгляд! Другой цели нет: чтобы зорче был взгляд!

Мама, мы сейчас пойдем в атаку. Враг отступает, и мой командир лейтенант Егор Кувалдин приказывает прикрепить знамя к древку.

Гитлеровцы на Северном Кавказе отступают! Мы сейчас ударим во фланг".

Под большим шатром
Голубых небес
Вижу - даль степей
Зеленеется.
И на гранях их,
Выше темных туч,

Цепи гор стоят
Великанами.
По степям, в моря,
Реки катятся,
И лежат пути
Во все стороны.
Посмотрю на юг:
Нивы зрелые,
Что камыш густой,
Тихо движутся;
Мурава лугов
Ковром стелется,
Виноград в садах
Наливается.
Гляну к северу:
Там в глуши пустынь,
Снег, что белый в пух,
Быстро кружится;
Поднимает грудь
Море синее,
И горами лед
Ходит по морю..."
Повозка скрипит, подбрасывает,
- Потише можно?

Синее небо. Пролетают самолеты. Впереди сидит Аннушка, правит лошадьми. Голова у нее густо запорошена снегом, потом я догадываюсь: "Это бинты".

- Егор принял роту, - притормаживая, говорит Аннушка. - С ним и Чупрахин и Мухин. А тебе придется полежать.

- Долго?

- Пока заживут раны.

"Ты слышишь, мама, у меня заживут раны, и я снова пойду в бой".

Повозка скрипит и скрипит. А небо совершенно синее. "Мама, ты видишь это небо?"

ПОСЛЕСЛОВИЕ К "ПИСЬМУ МАТЕРИ"

Глава первая

Поезд мчит меня в Керчь. В кармане моем приглашение керчан: "Приезжайте к нам на праздник Победы. Керчане встретят с радостью Вас, ведь Вы дважды высаживались десантом на нашу многострадальную землю. Приедут и Табунцы, и Остапишины, и Иван Данилович Демидов".

Я уже знаю, кто эти люди, и в моем воображении рисуется картина...

Катакомбы спят, спят тяжелым сном. Обвалы, воронки, прищурились от времени глазницы - входы в подземелье. Молчат каменоломни. Но вот среди камней показались два паренька. В руках одного из них пила и фонарь. Это Валерий Лукьянченко. Ребята скрываются под землей. Прошли метров триста по холодному и темному коридору. Остановились у глухой стены, заметили трещину, вставили пилу... Едва начали пилить - часть стены рухнула, образовав широкий лаз....

Вошли в отсек. Он не имел выхода. Посветили фонарем и попятились... За столом, уронив голову на подложенные руки, сидел человек в кавалерийской папахе. Рядом кровати, на них лежали умершие бойцы. И на полу трупы бойцов и командиров. Сосчитали - двести. Обратили внимание на командирскую сумку, которая лежала на груди, под руками у бойца.

Около двадцати пяти лет лежат они тут. Кто эти, люди? Бойцы Аджимушкая подземного. В моем "Письме матери" об этом лишь несколько строк: "Под обвалом - погребено десятки солдат. Имен их я не знаю, мама... Они готовились в ночную атаку и перед боем, как это часто здесь бывает, пустили по кругу шутку-прибаутку и тут последовал взрыв... Пыль уже осела, она в катакомбах долго не держится. Я вижу синее небо, вернее - его маленький лоскуток, стиранный-перестиранный южными дождями, сушенный-пересушенный горячими ветрами и жарким солнцем..."

В сумке ребята нашли список личного состава. Валерий читает: "Лейтенант Остапишин Андрей Сергеевич, рядовой Табунец Захар Владимирович, младший политрук Демидов Иван Данилович, Ярофеев Иван Егорович, младший политрук Шепталин Иван Федорович, сержант Силыч Федор Артемьевич, младший лейтенант Саенко Николай Степанович, рядовой Карацуба Леонид Григорьевич...

Список длинный, и Валерию разом все не прочитать.

Вспоминаю стихи Ильи Сельвинского:

Кто всхлипывает тут?

Слеза мужская здесь может - прозвучать кощунством.

Встать!

Страна велит нам почести воздать

Великим мертвецам Аджимушкая.

Поэт приезжал к нам во второй десант, высадившийся третьего ноября 1943 г. на Керченский полуостров. Он ходил с нами в катакомбы посмотреть, как мы сражались здесь в 1942 году. То, что он увидел, там, мастерски воспроизвел в поэме "Аджимушкай", тогда же появившейся в газете нашей Отдельной Приморской Армии.

Изрытая воронками земля и сейчас еще как бы кипит, пенится, то поднимаясь, то оседая, то застывая многочисленными холмами и провалами, сквозь глазницы которых тянет терпким запахом, от которого по коже пробегает озноб...

...С Керченского вокзала мчусь прямо в Аджимушкай.

Знакомые места!

Я отсюда "писал" письмо матери, писал его в своих мыслях дни и ночи. Я повествовал ей о людях, принявших на себя страшный удар врага во имя жизни на земле. Я им давал свои фамилии, свои имена, ибо в мужестве своем они были похожи друг на друга, как две капли воды, - я повествовал своей матери об образе аджимушкайца, солдате , подземелья. И часто придумывал фамилии. Даже себе придумал... Всю войну я не расставался с "письмом" матери, нашептывал его под бомбами и снарядами, идя с полками, батальонами и ротами в логово врага.

В Кенигсберге, на земле бывшей Восточной Пруссии, для меня, как и для всех солдат Великой Отечественной войны, прогремел последний выстрел наступил День Великой Победы.

И я сразу же засел, чтобы "Письмо матери" изложить на бумаге. И именно таким, каким я его выстрадал, все думая о солдатах, принявших на себя удар врага на Керченском полуострове, в катакомбах Аджимушкая.

Передо мною армейская юность...

- Здравствуй, Коля Самбуров, нашептывающий письмо матери!..

Знаменитые катакомбы!

Здесь, в подземелье, в 1905 году находилась типография большевистского подполья Керчи.

Здесь в годы гражданской войны и интервенции сражались красные партизаны. Катакомбы были их крепостью.

Здесь в ноябре и декабре 1941 года, когда гитлеровские войска оккупировали Керчь, действовал прославленный партизанский отряд керчан имени Ленина. Его бесстрашные бойцы держали в своих руках каменоломни вплоть до тридцатого декабря 1941 года, когда Керчь была освобождена нашим морским десантом, впоследствии отбросившим гитлеровцев за акмонайские позиции и занявшим Феодосию.

Керчь - огненная земля для всех оккупантов. Оккупанты не раз сгорали на ней дотла!

Душой и цементирующей силой всей партизанской борьбы были коммунисты, верные и стойкие бойцы нашей ленинской партии.

В мае 1942 года гитлеровцам удалось вновь занять город Керчь. И с этого дня началась одна из самых героических оборон

Аджимушкая, продолжавшаяся вплоть до начала ноября 1943 года.

Коля Самбуров в силу своего положения (так уж сложилась в то время обстановка в катакомбах - большинство командиров были рядовыми бойцами) не мог все знать и быть участником каждого события. Теперь он повзрослел, в полковничьих погонах...

Я стою в окружении солдат подземелья, приехавших сюда, как и я, по приглашению керчан, советских и партийных организаций.

Передо мною живые и мертвые защитники Аджимушкая. Павшие молчали под огромными бетонными надгробьями, сооруженными в наши дни керчанами. Говорят, что павшие не встают, А тут я слышу живые голоса погребенных под обвалом. Вот они сами:

- Федор Артемьевич Силыч!

- Николай Степанович Саенко!

- Иван Данилович Демидов!

- Рядовой морской пехоты Леонид Григорьевич Карацуба!..

Так вот какой ты теперь, Иван Чупрахин!

В своем "Письме матери" я не мог расстаться с тобою. Как будто знал, что еще встречусь.

Воспоминания, воспоминания... И вновь ожили бои. Ожили катакомбы, Теперь уж с подлинными именами и живых, и "вставших из гробов" и завалов, и тех, которые не встают, но в памяти народа живут вечно.

Глава вторая

Шла вторая половина мая сурового 1942 года. В штабе немецких войск царило оживление: командиры немецких частей доносили своему командующему группировкой о взятии последней переправы через Керченский пролив. Ошалелые от успехов штабисты поздравляли друг друга с наступившей тишиной, им очень хотелось тишины, хотя бы на несколько дней. И гитлеровцам казалось, что она наступила, ибо советские войска отошли на Тамань, правда, какая-то небольшая, очень небольшая горстка "безумцев" окопалась у поселка Аджимушкая, тоже маленького, очень маленького, и продолжает отстреливаться. Но это - пустяк, не пройдет и двух часов, как "безумцы" поднимут руки...

Горела Керчь. В порту и пригородных поселках рвались артиллерийские склады, с тяжелым шуршанием пролетали над домами снаряды. Падая на улицах, они дырявили каменные ограды. В одном из рваных проемов появилась вихрастая голова: глаза задиристые, волосы хохолком - непокорные. Паренек

огляделся, свистнул кому-то и скрылся за оградой. Вскоре к стене подбежал черноголовый подросток. Он позвал:

- Братеня, Дима, где ты? Слышишь, я знаю, где лежат гранаты. Бабахнем по фрицам...

- Я тебе бабахну, Мишка, - вновь показался вихрастый паренек. - Товарищ Блохин, ты чего шумишь! - шикнул он на меньшего по-взрослому и помог пролезть в проем...

Дымился смрадным дымом и поселок Аджимушкай. Припав грудью к обожженной земле, лежал в воронке, неподалеку от крайнего дома, сухощавый полковник. То был Ягунов Павел Максимович, бывший начальник отдела боевой подготовки армии. Бывший... Не верилось, но что поделаешь, штаб на Тамани, а он, полковник Ягунов, остался здесь, в окружении. Мысль об этом сверлила его голову лишь одну минуту. Он отогнал ее прочь, как назойливую муху, и окинул взором взлохмаченную снарядами и бомбами землю, заметил неподалеку от себя батальонного комиссара, и ему стало как-то легче. "А комиссар-то из штаба фронта, - вспомнил он, где видел этого человека. - Кажется, Парахин, Иван Павлович. Комиссар на месте - теперь и командиру веселее".

Он еще не знал, чем будет командовать - полком или дивизией: Ягунов видел, как в течение нескольких дней, когда шли жаркие бои за поселок Аджимушкай, со всех направлений шли сюда ротами, взводами, небольшими группами и в одиночку бойцы и командиры из частей, прикрывавших переправу наших войск на Тамань, и Ягунов отводил им участки, позиции, и люди дрались, не помышляя об отступлении, не пугаясь вражеского окружения. Полковник проводил взглядом две автомашины и пароконную повозку, скрывшиеся в черном зеве каменоломни, прошептал: "Будем сражаться и под землей".

Об этом же думал и старший лейтенант Михаил Григорьевич Поважный. Он. находился в северной части поселка и не знал, что в километре от него, там, где маячит Царский курган, находятся советские бойцы и что незнакомый ему полковник Ягунов уже собирает силы в единый кулак. Для уточнения обстановки не хватало времени. С севера, со стороны Азовского моря, наседали немцы: они решили разделаться с "безумцами". Батальон, которым командовал Поважный, принял бой. Схватка длилась недолго. Враг вынужден был отойти.

Еще до подхода к Аджимушкаю вышел из строя командир полка майор Голядкин. Обливаясь кровью, он подозвал к себе Поважного и сказал:

- Передаю вам командование полком, приказываю не отступать... Держитесь, Михаил Григорьевич, до последнего

дыхания...

Голядкина и раненого комиссара полка старшего, батальонного комиссара Евсеева унесли с поля боя. Поважный не знал, успели ли переправить их на Тамань. Теперь он во главе полка. Когда немцы отошли, Михаил Григорьевич собрал сведения о наличии людей: оказалось шестьсот человек. Через час начальник штаба лейтенант Шкода доложил: к полку "прибилось" еще свыше шестисот бойцов и командиров из других частей и соединений, кроме того, в подземелье укрывается большое количество гражданского населения.

- Это же сила! - звонко выкрикнул откуда-то появившийся молоденький большеголовый боец, одетый в морскую форму.

- Из восемьдесят третьей морской бригады? - спросил Поважный.

- Так точно, командир, из этой бригады. Да я вас знаю, товарищ старший лейтенант, вы у нас командовали батальоном. Помните, в Семиколодезях?

- Верно, командовал. Как фамилия?

- Карацуба, Леонид Карацуба,

- Будешь у меня связным.

Из дневника Михаила Григорьевича Поважного

"...Фашисты ударили по северной части Аджимушкая. Они вывели из строя нашу артиллерию. Я отдаю приказ идти в рукопашный бой. Это была жестокая схватка. Она длилась до самого вечера. Ночью я отвел людей в Малые Аджимушкайские каменоломни, выставил заставы и приказал ни в коем случае не допустить прорыва врага в каменоломни. Под землей оказалось большое количество рядового и командного состава, много гражданского населения из Керчи и прилегавших к городу поселков. Сразу приступил к формированию батальонов, штаба подземного гарнизона, учету боеприпасов, продовольствия и вооружения.

В Аджимушкай вошли немцы. В штабах вражеских частей вновь заговорили о тишине, на этот раз с сомнением, но все же говорили о ликвидации "красных безумцев", некоторые даже пробовали пиликать на губных гармошках, адъютанты спешили занять для своих командиров лучшие дома, обставить мебелью.

А под землей жил другой Аджимушкай. Малые катакомбы тянулись на несколько километров. Их значительно превышали своими размерами Центральные каменоломни. И в тех и в других - тысячи бойцов и командиров. На поверхности их разделяет огромная корытообразная лощина. Под землей они изолированы друг от друга, и штаб полковника Ягунова не знает, что совсем рядом, в шестистах метрах, старший лейтенант Поважный

сформировал три батальона, как и не знал Михаил Григорьевич, что в Центральных катакомбах находится еще большее количество советских бойцов и командиров, решивших до последнего дыхания удерживать каждую пядь родной земли.

А восемнадцатилетнему Дмитрию Блохину, как и его тринадцатилетнему братишке Мише, страшно хотелось побольше скопить гранат, револьверов и винтовок, в подходящий момент уйти в катакомбы и оттуда устраивать налеты на немецкие колонны, идущие к Керченскому проливу, чтобы переправиться на Тамань. Желание подогревалось слухами о том, что будто бы из плена бежали два советских командира - Моисеев и Коваленко, они организуют партизанский отряд в поселке Третий Самострой, даже наименование отряда произносилось: "Красный Сталинград", произносилось шепотом, с замиранием сердца. К катакомбам подходили все новые подразделения и группы бойцов из арьергардных подразделений. Одни из них спускались в подземелье, другие располагались на поверхности. Так оказался у входа в Центральные каменоломни с остатками своего батальона капитан пограничных войск Виталий Васильченко. Он сурово сдвинул брови, резко бросил солдату, сказавшему ему что-то на ухо:

- Паникуешь?

Радист с простреленной рукой, подвешенной на груди поясным ремнем, облизал сухие губы, повторил:

- Совинформбюро сообщило: наши войска оставили Керченский полуостров. Не я один слышал, товарищ капитан.

Васильченко посмотрел на рацию: она была разворочена осколком.

- Еще кто слышал? - спросил он. Стоявшие вокруг бойцы наклонили головы, они не хотели повторять то, что сказал радист, - то, что слышали сами по радио... И Васильченко понял: боец правду говорит. Капитан резко повернулся и направился к главному входу в катакомбы. Навстречу из лощины выполз броневичок, открылся люк, из машины выполз окровавленный лейтенант. Он хотел что-то сказать капитану, но тут-же замертво рухнул ему под ноги.

Васильченко обратился ко мне, он хорошо знал меня по службе на границе:

- Приказываю: взять четырех солдат и на броневике разведать окраину Керчи!

Возвратился я из разведки один, пешком: броневик был разбит снарядом, а четверо моих солдат погибли.

- Сейчас пойдем в атаку, - сказал мне капитан Васильченко, выслушав мой доклад.

Вокруг было тихо. Немцы не стреляли. Из подземелья начали выходить большие группы бойцов и командиров. Васильченко строил их, призывая всыпать гитлеровцам перцу, чтобы дать понять врагу, что Керченский полуостров держится, сражается.

Это был жестокий и неудержимый бросок огромной массы людей. Суровый, с лицом, продубленным южными ветрами и жарким солнцем, Васильченко бежал впереди, держа в одной руке гранату, в другой пистолет. Вслед за ним, крича и гикая, неслись тысячи людей, потрясая кто автоматом, кто винтовкой, кто просто крепко сжатым кулаком...

Гитлеровцы были смяты, отброшены на семь километров от прибрежных высот Керченского пролива...

Гарнизон Центральных...

Камни, камни, холодные, острые. Куда ни пойдешь - камни и темнота, густая, непроглядная. Отсеки тянутся и вправо и влево. Толщина потолка огромная, местами до 25 метров. Ее чувствуют, она давит на людей, хотя по катакомбам могут свободно проходить даже колонны грузовых автомашин. Где-то ржут кони. До штаба глухо доносятся выстрелы, разрывы гранат. Это батальоны, охраняющие входы в подземелье, ведут бой с противником, пытающимся ворваться в каменоломни. Пустая затея! В Центральных каменоломнях свыше пяти тысяч вооруженных бойцов, тысячи керчан, пожелавших сражаться за родную землю.

Там и сям светятся огоньки, но их все меньше и меньше - керосина нет, спички на исходе, жгут лучины. Надолго ли их хватит?.. Начальник продовольственного склада лейтенант Желтовский распорядился забить лошадей: мясо пойдет на питание, жир на освещение. На складе есть сахар, галеты, немного крупы.

К Ягунову подходит лейтенант Ефремов, офицер связи командира гарнизона. Этот человек в курсе всех дел: ему приходится часто бывать в подразделениях, в госпитале, на складе, в отсеке, где размещены гражданские люди, в основном женщины и дети. У Ефремова кровоточат губы. Ягунов знает: лейтенант, чтобы утолить жажду, губами высасывал из холодных камней влагу. Так поступают все: минуты три напряженной работы губами, и во рту почувствуешь влагу - росинку воды.

- А как они? - показывает Ягунов на отсек гражданских.

- У них не получается, - опережая ответ Ефремова, говорит начальник штаба старший лейтенант Сидоров. - Просятся на поверхность, говорят: немцы у входов поставили бочки с водой.

- Это верно, установили, - отозвался батальонный комиссар Парахин. Колодец огнем поливают, а бочки расставили.

Провокация какая-то, Павел Максимович... И все же придется разрешить выйти гражданскому населению.

- Придется, - тяжело вздыхает Ягунов. - У нас совсем мало продуктов и ни капли воды. Пусть, кто хочет, выходит...

Командиры батальонов - подполковник Бурмин, майор Попов, капитан Левицкий - по приказу штаба открыли выход для гражданского населения. Ягунов, Парахин и Ефремов подошли ближе к одному из них. Бочки стояли рядком, сквозь щели струилась вода. Женщины и дети, изнывая от жажды, толпой хлынули на поверхность, пригоршнями начали пить воду. Кто утолил жажду, отходил в сторону. Дети, довольные тем, что напились и видят солнечный свет, ликовали... Вдруг, когда толпа отошла от бочек, грянули пулеметные очереди. Взгорье покрылось сотнями трупов, а немцы все стреляли и стреляли и в тех, кто тянулся к бочкам, и в тех, кто успел напиться.

На вражескую провокацию подземный гарнизон ответил дерзкой вылазкой коротким, но мощным ударом.

...День был обычным. Свободные от дежурства бойцы добывали воду. Продовольственники чайными ложками распределяли крупу, сахар, отсчитывали мизерные ломтики конины... Раненые ждали высадки десанта. Их понимали: раненые, им особенно хотелось, чтобы именно сегодня, немедленно появились в катакомбах ребята в знакомых маскхалатах, увешанные гранатами. Прислушивались. И будто бы там, наверху, слышался топот ног...

Что произошло в тот день, когда раненые слышали топот на поверхности, рассказывает найденный в катакомбах в 1943 году дневник политрука роты Александра Сарикова. "Грудь мою что-то так сжало, что дышать совсем, нечем. Слышу крик, шум, быстро схватился, но было уже поздно.

Человечество всего земного шара, люди всех национальностей! Видели ли вы такую зверскую расправу, какую применяют германские фашисты? Нет! Я заявляю ответственно - история нигде не рассказывает нам о подобных извергах" Они дошли до крайности. Они начали душить людей газами. Полны катакомбы отравляющим дымом. Бедные детишки кричали, звали на помощь своих матерей. Но, увы, они лежали мертвыми на земле, с разорванными на груди рубахами, кровь лилась изо рта.

...Чувствую, что я задыхаюсь, теряю сознание, падаю на землю. Кто-то поднял и потащил к выходу. Пришел в себя. Мне дали противогаз. Теперь быстро к делу - спасать раненых, что были в госпитале... Белокурая женщина лежала вверх лицом на полу. Я приподнял ее, но напрасно. Через пять минут она скончалась. Это врач госпиталя. До последнего своего дыхания

она спасала больных, и теперь она, этот дорогой человек, удушена.

Мир земной! Родина! Мы не забудем зверства людоедов. Живы будем отомстим за жизнь удушенных газами.

Требуется вода, чтобы смочить марлю и через воду дышать. Но воды нет ни одной капли.

...Газовая атака гитлеровцев длилась восемь часов. Погибли тысячи советских людей, и когда похоронили бойцов, наступила тишина. Она стояла недолго. Ее нарушил боец Степан Чебаненко. Он подошел к проему, увидел небо и заговорил: "К большевикам и всем народам СССР! Я не большой важности человек. Я только коммунист, большевик и гражданин СССР. И если я умру, то пусть помнят и не забывают наши дети, братья и сестры, что эта смерть была борьбой за коммунизм, за дело рабочих и крестьян. Война жестока и еще не кончилась. А все-таки мы победим".

"Победим" - донеслось до слуха батальонного комиссара Парахина. Он поднялся, отыскал взглядом Ягунова:

- Слышишь, Павел Максимович, по-бе-дим!

- Победим, - повторил Ягунов и заметил стоящего напротив старшего сержанта Бочарова. Он командовал минометчиками и был известен в подземелье как мастер огня. Рот у него был завязан мокрой тряпкой. Но все отчетливо услышали, что он сказал:

- Заявление в партию принес, товарищ комиссар.

Парахин вздрогнул. У него на глазах появились слезы, схватил Бочарова, обнял и долго не мог разжать руки...

Вечером во всех подразделениях был зачитан приказ Ягунова. В нем говорилось о немедленном сооружении газоубежищ, о колодце, который намечалось отрыть в глубине катакомб. Приказ кончался словами:

"День и ночь блюсти строжайший революционный порядок, как зеницу ока беречь войсковое товарищество. Ни при каких условиях, даже перед лицом смерти, не помышлять о сдаче в плен. Проявление малодушия командование расценивает как измену Родине и будет карать трусов и паникеров по всей строгости революционных законов Советского Социалистического государства.

Победа или смерть! Другого выхода у нас нет. Да здравствует наша победа! Да здравствует наша Советская Родина! :: -.

Смерть немецким оккупантам!"

- Николай Васильевич, - капитан Левицкий положил на плечо младшему лейтенанту Ромащенко руку, - теперь мы стали крепче. Комбат Левицкий только что вернулся из штаба гарнизона, и ему хотелось поделиться последними новостями, - Создан политотдел

гарнизона. Строительство газоубежищ идет вовсю/

- Тут же и камней не было, - засомневался Ромащенко: младший лейтенант считал, что он хорошо знает эти катакомбы, бывал в них несколько раз, еще до наступления немцев попал сюда раненым. Потом отправили в Пятигорск. Отсюда просился на передовую. Просьбу его удовлетворили. Едва прибыл в резервный полк, как тут же принял взвод и - в бой. Не повезло, опять ранили. Случилось это уже в разгар событий под Керчью. Его доставили в катакомбы. Бродил по ним, изучал подземные ходы. Газовую атаку перенес в госпитальном отсеке. Хотя раны еще как следует не зажили, но он пришел в батальон. Его зачислили в роту капитана Носова. У капитана на груди орден Красного Знамени за бои на озере Хасан. Носов совсем отощал, и ему, Ромащенко, приходится часто подменять ротного. Нет, он хорошо знает катакомбы. Откуда тут строительный камень?

Левицкий подал кусочек конины, сказал:

- На, это твоя доля... Пришел к Ягунову партизан, говорит: я, товарищ командир, и есть Данченко, тот самый, которого вы приказали найти. Сам я не слышал, но мне рассказал об этом Николай Ефремов, офицер связи Ягунова. Этот Данченко - старый каменотес. Он показал склады готовых камней. Вот и пошла работа, несколько газоубежищ уже готовы, - Левицкий помолчал, потом с облегчением произнес: - Данченко показал командованию два тайных выхода из катакомб. Теперь фрицам не будет покоя.

...Несколько дней копали подземный ход к колодцу, находившемуся на поверхности, в нескольких десятках метров от центрального входа. Полковник Верушкин Федор Алексеевич, заместитель Ягунова, лежал в госпитале. Когда узнал об этом, поднялся, пришел помочь землекопам. Служил он в Красной Армии со дня ее рождения, окончил военную академию химической защиты, за финскую кампанию был награжден орденом Красной Звезды. Он взял лопату и спустился в штольню. Но его помощь и советы уже не потребовались...

В то время, как под землей шла работа по прокладке скрытого подхода к колодцу, старший сержант Женя Бочаров пробрался к колодцу. Немцы вели огонь, и он не мог сразу посмотреть, есть ли в колодце вода. Укрывшись в воронке, Бочаров лежал неподвижно долгие часы. Но вот вражеский огонь прекратился, и тут вдруг к колодцу подбежал гитлеровец. Это был громадного роста ефрейтор, с железным крестом на груди. В короткой схватке Бочаров скрутил немца, связал его веревкой - и мигом к колодцу. И на мгновение оцепенел: колодец был завален трупами...

Бочаров привел пленного в штаб. Гитлеровца допрашивал

Ягунов: он отлично знал немецкий язык. Здесь же были Парахин, начальник разведки старший лейтенант Бармет, начальник штаба Сидоров. После допроса пленного лейтенант Ефремов спросил у Ягунова:

- Павел Максимович, что же он показал?

- Нам надо переходить от обороны к наступлению. Враг нас боится. И знаешь что, Коля, мы тут не одни, где-то рядом действует еще подземный гарнизон советских войск. Воду добудем и начнем громить фашистов.

Парахин горячо поддержал Ягунова.

...Колодец рыли четырнадцать дней. Его рыли в самом глубоком отсеке: здесь толщина потолка достигала свыше 25 метров, и гитлеровцы не могли подслушать шум. Землю резали лопатами, долбили кирками, рвали взрывчаткой и связками гранат, сантиметр за сантиметром... Наконец на двенадцатиметровой глубине блеснула живая вода. Очень подвижный и никогда не унывавший старший лейтенант Бармет вдруг обмяк, упал на мокрую землю и, загребая ее под себя руками, заплакал!

- Вода, вода, Товарищи!

Полковник Ягунов читает приказ на штурм поселка Аджимушкай. Приказ разработал начальник штаба Сидоров. В нем ставятся задачи каждому батальону, каждой роте, взводу, отдельным разведчикам. Слушает весь командный состав. Слушает его и лейтенант Ефремов, но он не видит людей. На глазах у него повязка. Он ее носит уже десять дней... Это случилось у Царского кургана. Ефремов и Женя Бочаров ночью проникли в расположение врага, изучили оборону противника, подходы к ней со стороны Керчи, расположение складов взрывчатки, которыми гитлеровцы забрасывают катакомбы. Все было уже изучено и намечены маршруты, по которым ночью пойдут роты, чтобы взорвать хранилища врага, как вдруг их обнаружили немцы. Они приняли бой, неравный, жестокий. Взрывом гранаты Ефремов был легкоранен, тугая струя песка хлестнула по глазам. Притащил его в катакомбы Женя.

С тех пор он не видит, а чувство такое, что вот-вот в глаза ударит свет. О, как ему хотелось, чтобы сейчас, сию минуту, когда уходят товарищи на штурм поселка, он прозрел. Голос Ягунова тверд и решителен:

- Группы подполковника Бурмина, майора Панова, капитана Левицкого... Батальону старшего лейтенанта Белова оседлать дорогу, ведущую в Керчь, и закрыть подход основным силам врага к Аджимушкаю...

Ефремов сорвал повязку и страшный, грудной крик

прокатился по отсеку:

- Я вижу... товарищи! Я вижу!

- К бою готовы? - спросил Парахин, - Готов.

- Пойдете с офицером связи в батальон подполковника Бурмина, - приказал Ягунов.

...Начальник Аджимушкайского гарнизона майор Рихтер занимал самый большой дом в поселке. Он обставил его мягкой мебелью и первые дни рассчитывал быстро разделаться с "красными безумцами", спрятавшимися в катакомбах. Но не получилось: газы, взрывы и завалы не принесли желаемого результата - русские непрерывно атакуют, появляются внезапно то с одной стороны, то с другой. "Черт возьми, да неужели все подземелье этого клочка Керченского полуострова нашпиговано красными", - раздражался Рихтер." На столе у него лежала радиограмма начальника Керченского гарнизона, в которой генерал распекал Рихтера: "...сколько вам нужно недель и месяцев, чтобы разгромить кучку русских, спрятавшихся в подземелье? Может быть, год! Они срывают нормальную работу нашей переправы через пролив ".

...Майор Рихтер спал в кресле, не раздеваясь.

Тайный ход вывел группу Бурмина в чулан немецкого штаба. Разведчики бесшумно заняли двор, уничтожили охрану. Бурмин нажал на дверь. Она открылась. Уронив на стол голову, храпел вражеский телефонист.

Было два часа ночи. Рихтер пошевелился, открыл глаза и... бросился на Бурмина. Но тут же был прикончен разведчиками. Телефонисту скрутили руки, и он ошалело моргал глава-ми.

И немецком штабе появился Ягунов. Он начал руководить боем. Бой шел до самого утра. Батальон Белова взорвал склады с бомбами. Было захвачено большое количество боеприпасов, оружия, продовольствия, штабных документов.

Роты заняли свои посты. Отдыхали свободные от нарядов. Впервые за многие дни раненые получили по куску хлеба. Вспомнили о бездействующей походной хлебопекарне. Начпрод Желтовский облюбовал для нее отсек. Прикатили "походку", установили попрочнее. Накололи дров, задымила пекарня. Нашлись мастера печь хлеб. Трофейной муки хотя было и немного, но к делу отнеслись солидно, будто открывали настоящий хлебозавод.

В штатом отсеке шло совещание командного состава. Подводили итоги ночного боя. Ягунов был; весел, рассказывал Парахину, как он только что беседовал с бойцами и они просили его послать Гитлеру письмо, даже текст сочинили, похлеще, чем запорожские казаки турецкому султану...

- Да, Павел Максимович, - подхватил Парахин, - это прекрасно. Какое мужество проявляют наши бойцы! Вот схватили тут фашистов за ноги и сечем их... Гитлер орет, что его войска движутся к Сталинграду, а наш гарнизон сражается вон где, в глубоком тылу врага. Да в каких трудных условиях! А это значит - Красная Армия непобедима.

По требованию Ягунова принесли трофейные мины. Одну из них положили на стол. Полковник, подмигнув майору Панову, сказал:

- Этой "штукой" мы будем уничтожать врага. - Он подошел к столу, обвел взглядом усталых и похудевших командиров, остановился на лейтенанте Ефремове. Видимо, изнуренный и истощенный вид офицера связи тронул сердце Ягунова, и он по-отечески бросил: - Я сам эту штуку посмотрю, Коля.

Он взял мину. Грянул взрыв...

Через два дня хоронили полковника Ягунова. К месту захоронения его несли в гробу, а следом плыли факелы. Люди молчали. И только когда опустили гроб, услышали голос батальонного комиссара Парахина:

- Он делил с нами поровну всю тяжесть, которая выпала на долю бойцов подземного гарнизона. И твое имя всегда будет с нами, - клянемся тебе, Павел Максимович!

Еще короче сказал подполковник Бурмин. Он стал на колени, произнес:

- Я принимаю командование гарнизоном, Паша, Поверь мне, не отступлю, до последнего дыхания драться, будем.

Смерть немецким оккупантам!

Взрывы, взрывы... Они полыхают над всеми отсеками и штреками. Потолок рушится то там, то здесь. От грохота кровь сочится из ушей. Едва утихнет проклятый грохот, слышится голос:

- Вы обречены, выходите. Немецкое командование гарантирует вам жизнь.

Отвечали ночными вылазками. Уничтожали врага беспощадно и вновь возвращались в подземелье.

Гарнизон Центральных каменоломен продолжал сражаться до глубокой осени.

Когда осталось пятьдесят человек, Парахин приказал водрузить у центрального входа красный флаг.

- Пусть знает враг, что мы никогда не сдадимся.

...Было сырое утро. Подразделение гитлеровцев приблизилось к верному зеву катакомб и замерло в нескольких шагах от входа. Устало шевелилось на древке красное полотнище. Немецкий офицер присмотрелся и вздрогнул: когда-то белое, теперь оно

было окрашено человеческой кровью. У древка лежал убитый старший сержант. Это был Женя Бочаров. Неподалеку от него, до плеч заваленный взрывом, задыхался под тяжестью камней лейтенант Ефремов.

Гарнизон Малых...

Из тетради Михаила Григорьевича Поважного. "...Леня Карацуба - добрый морячок. Оказывается, ему едва исполнилось восемнадцать лет, но ведет он себя солидно: "Товарищ старший лейтенант, вы приказывайте мне - я мигом выполню все". Вот тебе, Леня, задание: сходи в Центральные каменоломни, узнай, кто там - наши или немцы. - Торопись. Противник подтягивает артиллерию, а вон выползают из лощин и танки. Надо упредить врага, ударить по нему, пока не занял исходного положения. Командиры батальонов рядом, часть бойцов находится в катакомбах, там и начальник штаба Николай Владимирович Шкода, он формирует новую роту; к нам попало много людей из других частей.

- Леня, передай командирам: всем немедленно идти в атаку, сигнал красная ракета, - приказал я Карацубе.

Все поднялись в атаку - и наши и те, что попали в катакомбы из других частей. И отошли организованно. Старший лейтенант Шкода подвел итоги боя. Он, бывший учитель, привык быть точным: захватили 200 винтовок и автоматов, восемь пулеметов, противник потерял на поле боя только убитыми не менее 200 человек.

Взяли несколько фашистов в плен. Одного гитлеровца спросили:

- Так где проходит линия фронта? За Ростовом?

- Нет, нет, - закрутил головой ошалелый фашист. - Здесь, под землей, показал он пальцем и потом признался, что его рота чувствует себя так, словно находится на раскаленной сковородке. Под ними горит земля.

Теперь враг долго не осмелится подойти к катакомбам.

У нас триста раненых. Медикаментов совсем нет, только то, что в санитарных сумках у девушек. Врача нет. Но медицинская сестра Гаврилюкова уже организовала перевязку раненых. Ей помогает Зина Бурдоносова, пятнадцатилетняя девочка. Она пришла в, катакомбы вместе со своей старшей сестрой Верой и тетей. Привели с собой корову. Буренка давно съедена. Зина очень смелая девочка. Вчера ходила на разведку катакомб. Я ее пожурил. Она в ответ; "Михаил Григорьевич, я же - боец!" У нее нет родителей. Я сказал: "Зина - хочешь я буду твоим отцом, приемным?" "Ага, дядя Миша. Вы славный человек". Мы договорились: как только побьем фашистов, сразу оформлю

соответствующие документы, и Зина станет моей приемной дочерью. Она обрадовалась... юная героиня!

Подсчитали продовольствие: два мешка сахара, полтора мешка муки, мешок риса, мешок вермишели. Старший батальонный комиссар Манукалов говорит: "Не густо, Михаил Григорьевич", - - и смотрит мне в глаза, что я на это скажу. "У немцев есть продовольствие", - отвечаю. "Значит, будем драться?" - и опять в упор глядит. "Для этого и остались, комиссар. Драться до последнего дыхания". Подходит Коля Шкода. Он докладывает о людях, об укомплектованности рот. Его данные подтверждают старший лейтенант Нестеренко, старший лейтенант Трубарев, политрук Бубенцов, политрук Пейчев, старший лейтенант Калабуков...

Старший писарь сержант Ильясов составляет первую строевую записку. Людей много, а продовольствия маловато. Устанавливаем дневной рацион на каждого бойца: ложка муки, ложка риса, ложка сахара, пять граммов жиру. Воду каждый добывает сам.

Леня Карадуба возражает: "Михаил Григорьевич, надо организованно. Колодец у нас под носом, несколько метров от входа". Эх, ты, морячок, да разве противник допустит нас до колодца! И все же попробовали. Два ведра воды стоили десять жизней. Так не пойдет! А как? У раненых губы потрескались от жажды. Как? Я смотрю на потолок, замечаю мокрое пятно. Штыком просверлили дырку, вставили фитиль. Ждали долго, и вдруг с кончика фитилька скатилась капля цокнула в подставленной кружке. Потом вторая, третья...

За полдня полкружки. Первые глотки - раненым.

Вторая вылазка. Подготовились хорошо. Ночь. Тшшша. Слышно, как переговариваются немцы. Мы лежим громадной темной полосой. И вдруг, как обвалу мы обрушились на поселок. Грохнули гранаты, зарычали автоматыˆ Гитлеровцы бежали в панике, остановились где-то под Керчью...

Так повторяется через каждые три-четыре дня вот уже полтора месяца. Радист говорит: "Как же, Михаил Григорьевич, Совинформбюро сообщило: двадцатого мая наши войска оставили Керченский полуостров, а мы, тут кукиш кажем немцу, неужели Совинформбюро поправочку не объявит?"

Был бы передатчик, мы и сами бы это сделали: граждане, извиняемся, полуостров не оставлен.

Вернулись разведчики. Посылаем; их перед каждой новой вылазкой. Молчат.

- Что случилось?

Леня Карацуба отвечает: - Полундра, товарищ старший

лейтенант. Нас огородили проволокой, обнесли дотами, через каждые десять метров гнездо установили пулеметы и овчарки - не пройти...

Послали в разведку Шкоду с группой командиров. Тот же доклад. Потом комиссар с группой; Мадукалов не вернулся. Как же я без комиссара? Лично пошел. У самого входа кто-то лежит с простреленной головой. Комиссар? Он еще был жив. Принесли в госпиталь. Два дня жил. Карацуба не отходил от него ни на минуту, ухаживал, не спас, скончался Манукалов...

...Жена старшего лейтенанта Нестеренко шепчет мне на ухо:

- Михаил Григорьевич, крысы появились в катакомбах... Мы их ловим. Только боюсь я, пухнут люди, не от них ли?..

Шкода слышит наш разговор, роняет:

- Плохо прожаривают...

Я закрываю уши. Вскакиваю и бегу в освещенный плошками отсек. Замечаю приколотую к щиту стенную газету. Смотрю, свежая - 29 июля. Читаю: "Партийное собрание прошло хорошо. Наш командир М. Г. Поважный переведен из кандидатов в члены Всесоюзной Коммунистической партии большевиков.

Товарищи, победа будет за нами!

Смерть немецким оккупантам!"

...Что-то сильно давит на грудь. Дышать нечем,

- Газы!

- Всем отойти в глубину! - нахожу в себе силы крикнуть. - Приказываю... в глубину... Раненые не могли отойти.

Похоронили многих.

- Конец, что ли? - кричит Леня. - Полундра! Я эту машину расшибу.

Какое мужество! Трудно было, но Карацуба сдержал свое слово: ночью с группой бойцов Леня подорвал машину, которой фашисты нагнетали в подземелье газ.

...Николай Шкода настороженно смотрит в потолок:

- Слышишь, Михаил Григорьевич? Бурят.

Грохнули взрывы... Один, второй, третий...

Уже произведено шестьсот взрывов.

Утром захрипел репродуктор, установленный немцами наверху, у пролома. Потом звонко, отчетливо:

- Господин Поважный, если вы выйдете из каменоломен без оружия, немецкое командование гарантирует вам жизнь и хорошее обращение.

Наш ответ: взорвать репродуктор.

Калабуков говорит:

- Тоже дураков нашли, - он доволен удачной операцией, советует мне попробовать связаться о Центральными

катакомбами: мы убеждены, что там сражаются наши бойцы. У нас нет ничего - ни продуктов, ни воды. Камни высохли, оружие заржавело, смазывать нечем, может быть, товарищи из Центральных каменоломен помогут нам.

Калабуков берет с собой сержанта. Я даже фамилии не знаю этого младшего командира: он из той роты, которая была сформирована из прибившихся к нам бойцов. Рота эта уже никогда не выйдет из катакомб. Она полностью погребена взрывом в слепом отсеке. Узнают ли когда-нибудь имена этих мужественных людей? Я запомнил лишь фамилию политрука - Таранин, кавалерист.,.

Ушел Калабуков. Ждем два дня. Леня качает головой.

- Ты что, Карацуба...

- Калабуков убит, там, неподалеку от входа, а сержанта нет. Я им сейчас брызну в лицо огнем, - он берет автомат. - Меня... взрывами не возьмешь. Опухший, продымленный, он, качаясь, шагает к выходу, слышится взрыв гранаты. Я вздрагиваю.

- Леня, осторожно!..

Не вернулся Карацуба. Не вернулась и Зина. Придется ли встретиться? Дочь моя, ты слышишь?..

Темнота, густая, непроглядная. У меня борода до колен. Сегодня 31 октября, шесть месяцев не брился: ни минуты свободного времени, бои, бои, шесть месяцев подряд - разведка, бой, взрывы. Сколько осталось?.. Писаря уже нет, строевую некому составить.

- Это кто тут поблизости? Это ты, Николай? А еще кто?

- Да это, командир, Борька-одессит, твой ординарец, - отвечает старший лейтенант Шкода.

- Пошли в разведку.

Ноги тяжелы, будто на них гири. И руки опухшие. Мы останавливаемся у колодца. Так светло, что нельзя смотреть. Я закрываю глаза.

- Немцы, - шепчет Шкода и толкает меня в спину. Руки тяжелые-тяжелые, не слушаются руки.

Последний приказ: не сдаваться!

Прыгаю в колодец. Мысль одна: не заметили бы.

Но фашисты потом обнаружили Поважного он был взят в плен и зверски избит.

Встреча с Парахиным

8 ноября 1942 года из Керчи вышла грузовая машина. Ее вел шофер-гестаповец, рядом с ним сидел мордастый офицер. Он высовывал из кабины голову и бросал находящимся в кузове автоматчикам.

- Смотреть!

Поважный приоткрыл один глаз. Лицо его было в синяках и ссадинах. Он вспомнил, как еще до наступления немцев в Крыму вел батальон в атаку. Тогда он был ранен в лицо осколком мины. Ему приказывали отправиться в медсанбат морской бригады, он не покинул поле боя: вынул из сумки пуховую подушечку и прикладывал ее к ране. Подушечка сделалась тяжелой и мокрой от крови, а боли никакой не чувствовал. Потом уже, когда батальон оседлал высоту, пошатнулся и упал, но не потерял сознание... А вот в колодце потерял, от ушиба, что ли, или от истощения. Пришел в себя в немецком штабе. Его сильно били: фашистам хотелось знать, сколько осталось в катакомбах бойцов. Он отвечал: тысячи!

Потом повели на расстрел. Впереди стоят десять автоматчиков и один офицер. Позади обрыв. Ветер колышет бороду, играет, ласковый, мягкий. Не расстреляли, вновь привели в штаб, бросили в машину...

Человек, лежащий рядом с ним, застонал. Поважный присмотрелся: лицо соседа, хотя и было изуродовано побоями, показалось знакомым. Неважный напряг память и вспомнил: батальонный комиссар Парахин, раньше он видел его в штабе армии и потом несколько раз, когда тот приходил к морским пехотинцам.

В Симферополе их поместили в одну камеру, узкую комнатушку с сырым бетонным полом и единственным, сколоченным из грубых досок, топчаном. Парахин лежал на холодном полу. Поважному разрешили присесть на топчан. В дверях дежурили два гестаповских автоматчика.

Через каждые два часа батальонного комиссара уводили на допрос. Через каждые два часа его приносили и полуживого бросали на пол. Как только возвращалась к нему память, он напрягался и шептал:

- Коммунисты, вперед!.. Мы победим!

Потом его не принесли. Гестаповец подошел к Поважному, приказал подняться.

- Комиссар ваш расстрелян, всем капут, Поняль?!

Подземный Аджимушкай сражался!

По городу ходили слухи: немцы ворвались в Центральные катакомбы и взяли в плен штаб подземного гарнизона. Через некоторое время эта версия опровергалась утверждением очевидцев: не так это было, наши сами вышли из каменоломен и с песней пошли в атаку на врага. Впереди шли комиссар Парахин, подполковник Бурмин и несколько пограничников. Силы были неравными, и многие советские командиры раненными остались на поле боя. Их взяли в плен...

Так ли это было, Константин Иванович Моисеев, бежавший из лагеря военнопленных и теперь скрывавшийся на окраине Керчи, в поселке Третий Самострой, не знал. Он напряженно работал по созданию партизанского отряда "Красный Сталинград". Когда дошли до него слухи о пленении штаба подземного гарнизона, он поспешил увидеться со своим заместителем Димой Блохиным: этот парень боевой, вездесущий. Но Дима и мысли не допускал, чтобы командиры Красной Армии могли попасть в плен. "Враки, Константин Иванович", авторитетно заявил восемнадцатилетний помощник командира партизанского отряда.

- Проверь, пошли братишку.

Миша Блохин только и ждал боевого поручения. Он отправился в Аджимушкай. Проволочное заграждение преградило ему путь. На обочине дороги табличка:

"Опасность действия партизан!

Хождение по этой дороге, строго воспрещается.

Лица, застигнутые на дороге ненаселенного пункта и вблизи ее без

разрешения немецкого правления, будут

расстреляны!"

- Фю, - свистнул Миша и полез под проволоку. Он возвратился ночью. Доложил:

- Тишина скрозь, - и обидчиво добавил: - чего же наши молчат, не стреляют. Эдак фрицы носы позадирают, подумают, что каменоломни в их руках.

- Не подумают, - успокоил мальчишку Моисеев. - Катакомбы наши. - Миша не знал, что дядя Костя со своим комиссаром лейтенантом Коваленко тоже ходили ночью в каменоломни, наметили место базирования отряда, теперь заняты мыслями, как перебросить в катакомбы хранящиеся в тайниках оружие, продовольствие,

...Сегодня последний рейс: початки кукурузы должны отвезти в Аджимушкай девушки-партизанки Надя Коротченко и Аня Новичкова. Они не вернутся, останутся в катакомбах, там уже находятся комиссар отряда лейтенант Василий Андреевич Коваленко (он тоже бежал из лагеря да и вообще в отряде много таких бойцов: немцы ослабили, охрану, как же - их армия под Сталинградом, полагают, что война идет к концу). "Вот мы вам тут и покажем этот конец", усмехнулся Моисеев, подходя к тележке, доверху нагруженной кукурузой. Под початками сорок ручных гранат. Груз тяжелый. Он впрягся в оглобли, Аня и Надя толкали тележку сзади. Вначале все шло благополучно. Завод имени Войкова остался позади, миновали поселок Пятый Самострой и тут навстречу немецкий заслон, отделение солдат.

- Куда? Что везете? - спросил один из них на русском языке. Моисеев положил оглобли. "Надо было бы мне ночью уйти в катакомбы", - ругнул он себя за оплошность и рукой прижал гранату, висевшую у него под полой, за поясом.

Наверху тележки лежал мешок с кукурузой, гитлеровец стащил его, развязал и начал раздавать початки солдатам. Аня громко зарыдала, начала умолять ефрейтора, что у нее много детей и они умирают с голода.

Но початки летели на дорогу, еще немного, и обнажатся гранаты. Громко заголосила Надя. Ефрейтор остановился. О чем-то подумав, крикнул:

- Езжайте, не подохнут ваши дети.

Вот и проем. С ходу опустили тележку в черный зев подземелья и едва скрылись сами, как затрещали немецкие автоматы...

- А мы тут нашли колодец, - доложил Моисееву Коваленко.

Дима Блохин грустно сказал:

- Здесь много умерших бойцов... Кажется, Константин Иванович, будто вчера закончился последний бой...

- Последний? Нет, товарищи, бои продолжаются.

... Отряд разбит на тря взвода. И снова Центральные каменоломни превратились в поле жарких боев. Красно-сталинградцы устраивали налеты на немецкие позиции, уничтожали оккупантов, брали в плен и офицеров и солдат...

Когда наши войска, прорвав "Голубую линию" на Тамани, гнали врага к Керченскому проливу, отряд Константина Ивановича Моисеева еще больше активизировал свои боевые действия. На Царском кургане, неподалеку от входа в Центральные каменоломни, гитлеровское командование попробовало оборудовать главный артиллерийский корректировочный пункт. Партизаны доложили, когда немцы завершат работу. Утром поднялся немецкий аэростат. В подвешенной к нему корзине расположились корректировщики - офицер и несколько солдат. "Из-под земли вышла группа партизан во главе с Димой Блохиным, вооруженная несколькими пулеметами. Немцы заметили партизан, бросили против них роту охраны. Но не помогло. Корректировочный пункт был разгромлен, а аэростат сожжен.

В начале ноября 1943 года группа красносталинградцев во главе с Иваном Веревшшым в бою подбила легковую машину. В ней оказался начальник штаба дивизии СС и штабные документы. Пленных привели в катакомбы. Надя Коротченко перевязала им раны. От пленных узнали, что советские войска высадились на Керченский полуостров. Ночью в поселке Аджимушкай солдаты

подземелья на крыше самого высокого дома водрузили красное знамя. Группа разведчиков взяла под охрану свою святыню. Гитлеровцы направили танки. Осколком снаряда было перебито древко знамени. Но знамя не попало в руки врага.

11 ноября к катакомбам пробились подразделения 696-го стрелкового полка во главе с капитаном Петром Подкидышевым. Потом пришел командир полка подполковник Иван Васильевич Сосин. Он, сняв шапку, поклонился солдатам Аджимушкая.

Перед поездкой в Керчь я написал письмо Сосину с просьбой рассказать о событиях тех дней. И вот его ответ,

Письмо Ивана Сосина

"Ваше письмо очень взволновало меня. Вы спрашиваете о событии, свидетелем и участником которого я был почти четверть века тому назад.

Многих бойцов из партизанского отряда "Красный Сталинград" я хорошо помню. Такое не забывается.

11 ноября 1943 года, через несколько дней после того, как наша дивизия высадилась на Керченский полуостров, полку, которым я командовал, было приказано овладеть поселком Аджимушкай и районом каменоломен. Мы легко выполнили этот приказ...

Утром 11 ноября мой батальон, которым командовал капитан Петр Подкидышев, соединился с защитниками Аджимушкайских каменоломен. А уже в десять часов утра я встретился с комиссаром партизанского отряда "Красный Сталинград" Василием Андреевичем Коваленко я командиром отряда Константином Ивановичем Моисеевым. Они показали мне свой штаб, трофеи и пленных гитлеровцев, представили список личного состава партизанского отряда. Мы были удивлены тем, что в отряде много пятнадцати- и шестнадцатилетних подростков и каждый из них - участник многих смелых боевых операций. Кроме трофеев Моисеев и Коваленко передали нам документы и материалы, относящиеся к боевым действиям и жизни советских бойцов и командиров, пленных фашистов, в числе которых оказался начальник штаба дивизии СС.

Потом мы осмотрели катакомбы, колодец, отрытый советскими бойцами в подземелье, сооружения против газовых атак, подземный госпиталь... Всюду мы видели следы необыкновенных подвигов, железной стойкости тех наших боевых товарищей, которые сражались долгие месяцы здесь, в глубоком тылу врага, испытывая невероятные лишения".

Молчат каменоломни. Мы живые, окруженные огромною толпою приехавших поклониться подвигу Аджимушкая, вспоминаем. Говорит Леня Карацуба, бывший матрос, ныне

машинист локомотива.

- Ходить в разведку приходилось часто по приказанию нашего командира Михаила Григорьевича Поважного, но больше я ходил добровольно, был молод, ничего не боялся, мстил врагу за погибших товарищей. Однажды попал в переплет: выскочил на поверхность, и тут по мне гранатой. Был ранен осколком в спину, потерял сознание. Потом очнулся все же. Морячки и под землею крепко держали марку революционного матроса. Вот Федя подтвердит, - обращается он к Федору Артемьевичу Силычу.

- Товарищи меня считают погибшим. Но я вот перед вами. Таких, как я, в катакомбах было много. Я хочу, чтобы не были забыты имена моих товарищей Манукалова, Поважного, Калабукова, Нестеренко и его жены, Курбана Андрея, Маевского из Москвы, старшего лейтенанта Александрова из Москвы, Феди из Донецка, Бориса Дрикера из Одессы.

В настоящее время работаю машинистом паровоза. Семейный, жена Валя, дочь Света, сын Саша.

Вот такой я, солдат с того света...

Федор Силыч показывает на завал:

- Вот здесь, видите, камни... Их тогда было много... Лежал я, охраняя вход в глухой отсек. Немцы тут же, в нескольких метрах... Питались-то очень плохо, зрение мое притупилось, сами знаете, даже лошадь слепнет в темноте. Поднялся я, чтобы швырнуть гранату, а гитлеровец меня в упор из автомата, грудь прошил. Кто-то вытащил меня на поверхность. Выжил. Потом еще воевал, доколачивал врага в его проклятом логове. Тот, которого ребята мертвым нашли в глухом отсеке за столом, наш политрук Таранин. Он собирался писать реляции о награждении бойцов, а все отдыхали перед новым боем и шутили, балагурили. Я пошел на дежурство, и тут произошел взрыв.

Иван Данилович Демидов рассказывает еще короче:

- Мне повезло: взрывом отбросило меня вместе с камнями в сторону. Выполз на поверхность и там потерял сознание. И не знаю, кто потом меня оттащил в избу. Там женщина меня выходила. А я, глупец;, сразу две кружки воды выпил. Месяц по капле доставалось, а тут пожадничал и слег окончательно. Так вот, полуживого немцы и накрыли меня в хатенке. Потащили в лагерь, а он тут же был, неподалеку от поселка, бросили в подвал - на съедение крысам. Выжил. Теперь работаю в городе Тавда Свердловской области.

Я слышу голоса Николая Степановича Саенко, Ивана Федоровича Шепталина, Владимира Дмитриевича Лещинского, Валериана Никандровича Сальникова.

Пятнадцать бойцов и командиров из списка, найденного в

сумке лейтенанта Остапишина, оказались в живых. Не всех я увидел, не смогли приехать в Керчь. Писарь роты Захар Табунец, сохранивший лейтенантскую сумку, лежит в Керченской земле. Могилу приехали посмотреть его жена Герой Социалистического труда Табунец Елена Дементьевна и сын Володя. Он председатель колхоза; ему только что, перед отъездом в Керчь, вручили орден Трудового Красного Знамени.

Мы идем к глухому отсеку. Народу очень много. Впереди с фонарем школьник Володя Лукъянченко. Рядом с ним - Валериан Никандрович Сальников, старший сержант запаса, ныне художник. Он хорошо помнит политрука Таранина.

- Он был кавалеристом, - утверждает Сальников.

- Верно, - поддерживает его пожилой мужчина с усиками,

И никто бы из нас не знал, что этот мужчина с усиками и есть Михаил Григорьевич Неважный, тот бородач, который командовал подземным гарнизоном Малых каменоломен, но Силыч, рассказывая о боях, допустил одну неточность. И тогда, как выстрел, раздалось:

- Я - командир этого гарнизона!

Толпа оцепенела. Погасло несколько свечей и фонарь. А он говорил, говорил. Люди все ближе и ближе подходили к Поважному, окружая его плотным кольцом.

Николай Власович Ромащенко, возглавлявший в катакомбах группу подрывников самодвижущих немецких колясок с минами, вносит предложение начать сбор средств на сооружение в Аджимушкае мемориального пантеона. Солдаты подземелья готовы хоть сейчас же начать сбор. Художник Сальников берется составить эскиз такого памятника.

Михаил Григорьевич Поважный слышит этот разговор. Он подходит ко мне. Я знаю всю его биографию. В 1917 году подростком он участвовал в штурме Зимнего дворца. Он один из первых командиров - выпускников Севастопольского зенитно-артиллерийского училища. Чертами его характера я наделил одного из главных героев своего романа "Таврида в огне". Он называет меня Самбуровым, спрашивает:

- Ты согласен с предложением младшего лейтенанта Ромащенко?

...Напрасно Николай Власович Ромащенко тревожился о сборах на сооружение памятника героям Аджимушкая. Подвиг бессмертен. Подвиг солдат подземной крепости народ не забыл. Уже ходит по опаленной земле человек с рулеткой и прикидывает, где и что воздвигнуть, как отразить, сохранить для поколений бессмертие, сотворенное мужеством советских людей. Уже набрасываются эскизы памятника, лепятся в воображении

скульпторов образы мужественных, сильных духом бойцов. Керчане любят свой город и высоко ценят подвиг его защитников и освободителей. Они делают все, чтобы в ближайшее время был воздвигнут памятник-монумент. Скоро в подземелье хлынет электрический свет, он озарит следы бесстрашия и стойкости тех, кто во имя великого будущего Советской Родины не жалел крови и жизни своей.

Подвиг бессмертен!

Подвиг, как жизнь, - вечен!